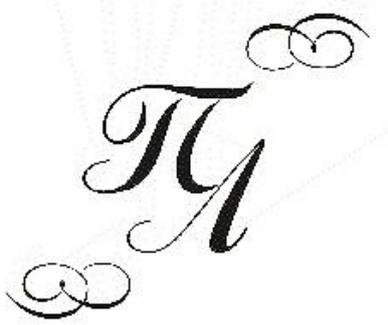

ISSN 2226-2369

**СЛОВО И ТЕКСТ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
ПОДХОД**

ТВЕРЬ 2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тверской государственный университет»
Кафедра теории языка и перевода

**СЛОВО И ТЕКСТ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Сборник научных трудов

Выпуск 17

ТВЕРЬ 2017

УДК 81'23(082)
ББК Ш100.0я5
С48

Рецензент

кафедра иностранных языков Юго-Западного
государственного университета

Редакционная коллегия:

Заслуженный деятель науки РФ, проф. А.А. Залевская (отв. редактор), д-р филол. наук, доц. Н.О. Золотова, канд. филол. наук, доц. Е.М. Масленникова, д-р филол. наук, доц. С.В. Мкртычян (зам. отв. редактора), д-р филол. наук, проф. Е.Ю. Мягкова, д-р филол. наук, проф. Т.М. Рогожникова, д-р филол. наук, доц. С.А. Чугунова.

С48 Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017.– Вып. 17.– 112 с.

Предлагаемый сборник включает статьи по вопросам теории языка и перевода, по результатам научных изысканий в области значения слова и интерпретации текста.

Рассматриваются проблемы развития значения слова, терминологических баз данных, институционального делового дискурса, понимания текста (в том числе – через художественную деталь), речевого воздействия, контекста как средства смыслообразования, промежуточного языка при двуязычии и др.

Сборник предназначен для широкого круга специалистов в области психолингвистики, психологии речи, общего языкознания, обучения языкам.

УДК 81'23(082)
ББК Ш100.0я5

ISSN 2226-2369

© Авторы статей, 2017
©Тверской государственной
университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования в области лексики и грамматики

<i>Арлукевич М.Е.</i> Развитие значения слова <i>picture</i> по данным словарей и корпусов текстов	5
<i>Доминикан А.И.</i> Значения слова <i>контекст</i> по данным словарей и корпусов текстов	9
<i>Залевская А.А.</i> «Идея вещи», «перцептивное суждение» и «значение» при межъязыковых / межкультурных контактах	16
<i>Зубкова М.А.</i> К вопросу о сущности терминосистем	25
<i>Мкртычян С.В.</i> Различение видовой корреляции глагола носителями языка	31
<i>Сулейманова З.М.</i> Терминологические базы данных как часть международных проектов	37
<i>Яковлев А.А.</i> К вопросу о физиологическом базисе семантических исследований	41

Исследования в области текста и дискурса

<i>Балашова Ю.А.</i> Некоторые особенности институционального делового дискурса	47
<i>Бородина А.В.</i> Теоретико-методологические предпосылки изучения перформативности как свойства юридических текстов	51
<i>Гордашников Д.С.</i> Фонографический эрратив как художественный приём создания речевого портрета\.....	58
<i>Кривоносова А.И.</i> Когнитивное понимание текста через художественную деталь	64
<i>Купцова Ю.А.</i> Проблема речевого воздействия	69
<i>Оборина М.В.</i> Контекст как средство смыслообразования	73
<i>Чугунова С.А.</i> Коммуникативный эффект и оценка качества перевода с психолингвистических позиций	81

Вопросы психолингводидактики

<i>Загуменкина, В.С.</i> Умения и навыки, необходимые для достижения понимания текста	91
<i>Мохамед Н.В.</i> Промежуточный язык: формирование грамматической компетенции	96
<i>Нестерова М.С.</i> Виды игр и игровых приёмов при обучении иностранному языку детей младшего школьного возраста	102
<i>Семененкова К.В.</i> Роль учителя иностранного языка: некоторые аспекты истории и современности.....	106

CONTENTS

Research in Lexicology and Grammar

<i>Arlukevich M.E.</i> The meaning of the word <i>picture</i> development according to dictionaries and text corpora	5
<i>Dominikan A.I.</i> The meaning of the word <i>context</i> according to dictionaries and corpora	9
<i>Zalevskaya A.A.</i> «Idea of a thing», «perceptual judgment» and «meaning» in cross-cultural contacts	16
<i>Zubkova M.A.</i> Toward the nature of term systems	25
<i>Mktytchian S.V.</i> Language user sensitivity for verb aspect opposition of Perfect / Indefinite (supported with experimental data)	31
<i>Suleymanova Z.</i> Terminology databases as a part of international projects	37
<i>Yakovlev A.A.</i> On the physiological basis of semantic researches	41

Text and Discourse Studies

<i>Balashova J.A.</i> Different approaches to the problem of institutional business discourse	47
<i>Borodina A.V.</i> Towards researching performativity as a property of juridical texts: theoretical and methodological premises	51
<i>Gordashnikova D.</i> Misspelling as a figure of speech creating a speech portrait (based on “Flowers for Elgeron” by Daniel Keyes)	58
<i>Krivososova A.I.</i> Detail in text cognition	64
<i>Kuptsova J.A.</i> The problem of verbal influence	69
<i>Oborina M.V.</i> Contextual reconstructions in interpretation.....	73
<i>Chugunova S.A.</i> Communicative effect and translation quality assessment within psycholinguistic approach	81

Different Aspects of Teaching Languages

<i>Zagumenkina V.S.</i> Skills and abilities important for text comprehension	91
<i>Mohamed N.</i> Interlanguage: formation of grammar competence	96
<i>Nesterova M.S.</i> Types of games and play methods in foreign language teaching of primary school age children	102
<i>Semenenkova K.V.</i> The role of foreign language teacher: some historic and present-day aspects	106

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ

УДК 81

РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА *PICTURE* ПО ДАННЫМ СЛОВАРЕЙ И КОРПУСОВ ТЕКСТОВ

М.Е. Арлукевич

Тверской государственной университет, Тверь

Приводятся результаты анализа развития значения слова по данным различных печатных и электронных словарей, а также корпусов текстов.

Ключевые слова: электронный словарь, тезаурус, корпус текстов, смысловое поле, развитие значения слова.

Каждый день человек использует тысячи слов в своей речи, даже не задумываясь о его происхождении и не задаваясь вопросом: всегда ли значение слова было таким? Почти все слова имеют широкое смысловое поле, какие-то значения устаревают и забываются, а какие-то, наоборот, возникают и появляются в речи носителей языка. Поэтому необходимо было выявить особенности развития значения слова по данным различных источников, в том числе тезаурусов и корпусов текстов.

Первоначально мы обратились к трём печатным словарям Longman, Oxford и Macmillan для проведения дефиниционного анализа, с помощью которого выяснилось, что печатные словари английского языка могут предоставить до 14 значений слова «picture»:

painting or drawing, sketching, photograph, type or embodiment appear to have it in a high degree, cinema, film, account or description that enables somebody to see his mind an event, image in the mind, to be well informed, illustration, situation, portrait, perfect example, what seen on TV screen, photo, person or thing that is beauty or unusual to look, image, snapshot, to be in the position of knowing, made of record events of something, print, situation considered as whole rather than its details, landscape, cartoon\caricature.

Это позволило сделать вывод, что все три словаря самым частым значением слова «picture» называют *painting or drawing* (рисунок). Больше всех значений исследуемого слова даёт словарь Longman, все они относятся к значению 'изображение'. Значения в словаре Oxford относятся к области кинопроизводства и выражению идей. Наименьшее число значений даёт словарь Macmillan и все представленные результаты имеют значение 'изображение'. Используя новые информационные технологии для поиска, обработки информации, получения статистических данных и построения диаграмм, мы обратились к электронным словарям Longman, Macmillan, Merriam-webster, Cambridge Abbylingvo и нам удалось извлечь до 10 значений слова «picture», а именно: *photo, image, idea, art, television, film, description, situation, cinema, copy, view, tableau, appearance, icon, print, symbol, pattern*. Четыре из пяти словарей дают значение слова «picture» как *photo* ('фотография', 'изображение') и только один словарь как *image* ('картинка', 'изображение').

Далее мы обратились к тезаурусам. *Тезаурус* – (от греч. Thesauros — ‘сокровище, сокровищница’). В общем смысле – совокупность знаний, накопленных человеком или коллективом; отсюда: словарь, отражающий словарный состав языка в полном объёме. В более узком смысле – словарь, в котором словарные единицы сгруппированы по семантическим полям, понятийным группам и т.д., предназначенный для поиска слов какого-либо языка по их смыслу. Это тип словаря, принципиально иной по сравнению с алфавитным словарём. В нём в явном виде указаны разные типы семантических связей между определённой частью его лексических единиц. Тезаурусы позволяют нам обнаружить семантическое поле слова, где в центре оказывается *первое* значение слова и от него отходят связи по различным основаниям, раскрывающие его *семантическую структуру*. Это позволяет нам понять, в каких сферах данное слово используется.

Обращение к четырём тезаурусам для получения информации о понятийном поле слова «picture» позволило нам извлечь до 90 понятийных полей, которые позже мы объединили в тематические группы:

отношение к искусству (*art*), информация (*information*), общая идея (*idea*), внешность (*likeness*), киноиндустрия (*movie*), пейзаж (*view*), фотоиндустрия (*photo*), описание (*depiction*), персонализация (*personification*), описание (*description*), ситуация (*situation*), воображение (*imagination*), сила (*power*), драма (*drama*), похожесть (*similarity*), представление (*representation*), красота (*beauty*), разговор (*conversation*), признак (*indication*).

По данным Thesaurus.com, слово «picture» чаще всего используется в области искусства или для передачи какой-либо информации или идеи. Менее это слово используется в областях киноиндустрии и фотоиндустрии. World reference Тезаурус также относит слово «picture» к области искусства. В отличие от Thesaurus.com данный Тезаурус относит выбранное слово к описанию внешности и в меньшей мере к передаче информации или какой бы то ни было идеи. Thesaurus.com и World reference, в основном, предоставляют схожие понятийные поля для выбранного нами слова, но есть и некие различия. По данным Thesaurus Collins, слово «picture» чаще всего относят к фотоиндустрии и к области искусства, чуть менее к описанию внешности и персонализации и в меньшей степени к описанию какой-либо идеи или мысли. Roget’s Thesaurus даёт информацию о том, что чаще всего слово «picture» используется в области искусства. Также это слово связано с воображением и помогает описать что-то или же передать схожесть одного объекта с другим. Менее данное слово используется для описания разговора, красоты и какого бы то ни было признака

Далее мы исследовали информацию о значении слова «picture» по данным корпусов текстов английского языка. *Корпус текстов* – это информационно-справочная система, которая основана на собрании текстов в электронной форме, обычно на некотором языке, и представляет определённый этап развития этого языка, его существование во многих жанрах, стилях и т.д. Такой корпус создаётся специалистами по корпусной лингвистике для научных

исследований и обучения языку. Корпусы текстов позволяют проследить значение слова в контексте и выявить этапы появления новых значений, связать их с определёнными этапами изменений в культуре и в обществе. Отличие информации, дающейся в словаре, от информации в корпусе состоит в том, что в словаре представлены единичные закреплённые в языке значения слова. В корпусе же слово используется в контексте, и это позволяет исследовать язык, анализировать слово и его значение в реальных контекстах.

Обратившись к четырём корпусам английских текстов, мы извлекли до 10 значений искомого слова, при этом перевели около 1000 текстов. Мы получили такие значения искомого слова: *образ персонажа или кого-то предмета, картина, фильм, кинематограф, кинопроизводство, фотография или фотокарточка, произведение живописи в красках, постановка в театре, пейзаж.*

Мы также обнаружили два достаточно интересных случая использования исследуемого нами слова. Так, слово «picture» использует Edward Topsell в своей работе *The History of Serpents* (1608 год издания) для описания узора на шкуре ящерицы: «*The Lizards of India ... for their skin seemeth to be flourished with certain pictures, soft & tender to be handled*». А в своей комедии *The Magnetic Lady*, опубликованной в 1641 году и переизданной в 1913 году Ben Jonson использует слово «picture» как фамилию для героини. Возможно, данная фамилия является «говорящей», что придаёт колоритность персонажу.

По данным Michigan Early Modern English Materials, слово «picture» чаще всего используется в литературе XVI–XVII века со значениями ‘картина’ (произведение живописи в красках) и ‘образ’ (живое, наглядное представление о ком-чём-нибудь). Corpus of Middle English Prose and Verse предоставляет информацию о том, что слово «picture» в английских текстах средних веков чаще использовали в значении ‘образ’, как описательную характеристику персонажа или реалии того времени и менее в значении ‘картина’, как ‘произведение живописи в красках’. Корпус Time Magazine даёт информацию о том, что чаще всего слово «picture» в период с 1920 по 2000 появлялось в контекстах, относящихся к области *фото* и *киноиндустрии*. Это обусловлено тем, что в XVIII веке появились первые фотографии и слово «picture» приобрело значение ‘фотокарточка’. В конце XIX в начале XX века появились первые кинофильмы, которые также стали называться словом «picture», а сама киноиндустрия получила название «motion picture». Поэтому самое первое значение ‘картина’ (появившееся примерно в XV веке) стало использоваться реже. Из Корпуса Concordia University of Canada мы также получили данные, что в промежуток времени с 1948 по 2017 год слово «picture» чаще всего использовалось в контекстах о киноиндустрии и менее в своём прямом значении ‘картина’ в тематике «искусство». Поиск проходил по 30 различным форматам, начиная с академических журналов, газет книг, статей и отчётов с конференций, заканчивая аудио материалами и играми. Что касается тематики, то данный ресурс предложил поиск среди 100 тем. Мы постарались объединить их в некие тематические группы: *киноиндустрия* (включает 73 подтемы), *искусство* (21 подтема), *книги* (18 подтем), *фотография* (7 подтем), *компьютерные технологии* (7 подтем) и *музыкальная индустрия* (6 подтем).

Завершив своё исследование по изучению различных *полей* выбранного нами слова «picture», мы пришли к выводу, что это слово имеет очень много значений. Стало понятно, что невозможно найти единственно верный переводческий ресурс, который обеспечил бы пользователя самой точной и необходимой информацией. Работая над поиском значения слова с помощью электронных и бумажных словарей, необходимо проверить несколько источников, чтобы выявить схожие семантические элементы. Тезаурусы также предоставляют различную информацию о выбранном *семантическом поле*. *Понятийное поле* слова «picture» оказалось настолько широким, что захватывает несколько сфер деятельности: искусство, кинопроизводство, фотоиндустрию и широко используется для описания или выражения идей. С помощью корпусов текстов мы проследили тенденцию изменения значения слова «picture» и выяснили, что эти изменения связаны с появлением новых технологий в жизни людей: в начале XVIII века появилась первая фотография и в конце XIX века уже первое кино. Работа с корпусами позволила выяснить, что в отличие от значений, представленных в словарях, корпусе слово предстаёт в разных контекстах в уточнениях или изменённых значениях.

Мы можем сделать вывод, что изменение значения слова и «нарастание» ассоциативного поля происходит вследствие изменений в обществе, будь то новые изобретения в науке и технике, изменение реалий или достижения в области культуры. Данная работа наглядно показывает, что необходимо получить информацию обо всех значениях слова за определённый период, чтобы точно определить его значение, что может понадобиться в работе переводчика или для сравнительно-исторического анализа.

THE MEANING OF THE WORD *PICTURE* DEVELOPMENT ACCORDING TO DICTIONARIES AND TEXT CORPORA

M.E. Arlukevich

Tver state University, Tver

The article introduces an analysis of the word meaning development based on the data of various printed and electronic dictionaries, and also text corpora.

Key words: *electronic dictionary, thesaurus, text corpus, semantic field, development of the word meaning.*

Сведения об авторе:

АРЛУКЕВИЧ Маргарита Евгеньевна – магистрант факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского Государственного университета. e-mail: picassonogokko@mail.ru

ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА *КОНТЕКСТ* ПО ДАННЫМ СЛОВАРЕЙ И КОРПУСОВ ТЕКСТОВ

А.И. Доминикан

Военная Академия Воздушно-Космической Обороны
имени маршала Советского Союза Г.К. Жукова, Тверь

Рассматривается слово *контекст* и его английский коррелят *context* с привлечением толковых словарей русского и английского языков. Используются Национальный корпус русского языка и корпуса английского языка.

Ключевые слова: *контекст, значение, общеязыковое значение, терминологическое значение словаря, толковые словари, корпусы.*

«Политический контекст», «организационный контекст» и новомодные «контекстная реклама» и «контекстный таргетинг» – подобные выражения в настоящее время у всех на слуху. Слово «контекст» широко используется как в научной и учебной литературе, в публицистике, так и в повседневной жизни, при этом мало кто задумывается о значении данного слова. В книге [14] А.А. Залевская подробно рассматривает динамику значения терминов, используемых только в научной литературе или совпадающих с общеупотребительными словами. Ниже по сходной схеме анализа будет обсуждаться слово «контекст».

Этимология рассматриваемого слова в источнике [5] объяснена следующим образом: «Происходит от лат. *contextus* ‘сплетение’, из гл. *contexere* ‘ткать, сплести’, далее из *cum* (варианты: *com-*, *con-*, *cor-*) ‘с, вместе’ + *texere* ‘ткать, плести’. Русск. контекст – с XVIII века, заимств. через франц. *contexte*».

Представляется интересным проследить динамику слова «контекст», так как данное слово присутствует в русском языке уже на протяжении трёх столетий. К сожалению, такой авторитетный словарь, как «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, не даёт необходимой информации. В словаре С.И. Ожегова приводится следующее значение искомого слова: «КОНТЕКСТ, -а, м. (книжн.). Относительно законченная в смысловом отношении часть текста, высказывания. *Значение слова узнается в контексте.* || прил. контекстный, -ая, -ое и контекстовый, -ая, -ое» [4]. Это же практически дословно повторен в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина: «КОНТЕКСТ, а, м. [фр. *context* < лат. *contextus* ‘тесная связь, сплетение, сцепление’]. Законченная в смысловом отношении часть текста. *Понять незнакомое слово в контексте*» [8: 389]. Итак, выделяется довольно узкое, терминологическое, значение слова «контекст»: ‘лингвистический термин’.

В более новых словарях появляются дополнительные значения рассматриваемого слова. Например, в «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой разграничиваются уже два значения: «1. Отрывок текста или речи, необходимый для определения смысла входящего в него слова или фразы. 2. (перен.) Совокупность различных факторов, необходимых для понимания, объяснения какого-л. явления действительности» [2]. Иными словами, к

базовому значению рассматриваемого слова добавляется ещё одно значение: ‘совокупность факторов, необходимых для объяснения какого-либо явления’.

Кроме того не лишним будет обратиться и к электронным поисковым системам. В большинстве случаев, при поиске какого-либо определённого слова, первыми источниками, предложенными многими поисковыми системами, выступают Википедия [4] и Викисловарь [5].

На странице, посвящённой слову «контекст» в [5], приводится общее прототипическое значение – ‘совокупность обстоятельств, окружающих какой-либо объект’. Кроме того, выделяются и более узкие значения слова, два из которых совпадают со значениями из приведённых ранее словарей; добавляется и третье, терминологическое значение: ‘термин в программировании’.

1. (филол.) относительно законченный в смысловом отношении отрезок письменной или устной речи, текста, содержащий данное слово, выражение и т. п.: *Ибо под тем миром, который мы не должны любить, апостол разумеет, как ясно из контекста, никак не собрание наших ближних и не совокупность творения, возвещающего славу Божию, а именно только темную, бессмысленную основу материальной природы, выходящую из своего должного, пассивного и потенциального положения и незаконно вторгающуюся в область человеческого духа: тут же прямо говорится, что все в мире есть похоть плоти, т. е. стремление безмерной чувственности, похоть очей, т. е. жадность, или корыстолюбие, и гордость житейская, т. е. тщеславие и властолюбие.* В.С. Соловьёв, «Оправдание добра», 1894–1899 г. (цитата из Национального корпуса русского языка, см. Список литературы)

2. (книжн.) совокупность фактов и обстоятельств, в окружении которых происходит какое-либо событие, существует какое-либо явление, какой-либо объект.

3. (комп.) совокупность значений регистров, состояний флагов и т.п. процессора в ходе выполнения программного процесса: *Когда ядро выполняет переключение контекста и восстанавливает контекст процесса, процесс возобновляет выполнение с точки приостановка.*

Слово «контекст» широко употребляется в различных областях, оно также фигурирует в наименованиях различных организаций: Информационно-публицистическое агентство «Контекст»; Языковой Центр «Контекст»; Маркетинговый Центр «Контекст»; Газета «Контекст»; Трейнинг Персонального Развития «Контекст»; Электронные словари «КОНТЕКСТ».

В одном из своих значений, а именно ‘лингвистический термин’, рассматриваемое слово также появляется в названиях словарей и других средств перевода. Обобщая изложенное выше, можно наглядно представить значения слово «контекст» в виде схемы (см. рис.1). Отметим, что слово «контекст» в значении ‘совокупность факторов, необходимых для объяснения какого-либо явления’ может выступать как общеупотребительное слово, так и в качестве термина.

Одним из важнейших инструментов для изучения значения слова является корпус текстов. На сайте Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) даётся следующее определение: «Корпус – это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на некотором языке в электронной форме. Национальный корпус представляет данный язык на определенном этапе (или этапах) его существования и во всём многообразии

жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т. п.» [9]. НКРЯ содержит как письменные, так и устные тексты различных жанров и периодов, что позволяет не только уточнить значение искомого слова, которое может различаться в зависимости от контекста, но и проследить его развитие и частоту употребления по определённым периодам. Важно отметить, что НКРЯ охватывает период от середины XVIII до начала XXI века, так как «этот период представляет как язык предшествующих эпох, так и современный, в разных социолингвистических вариантах – литературном, разговорном, просторечном, отчасти диалектном» [там же].

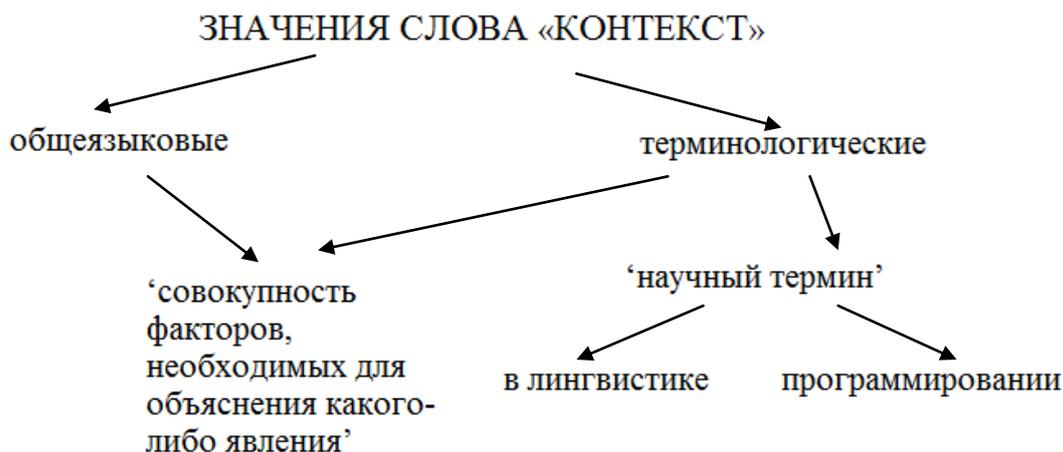

Рис.1

Кроме того, НКРЯ включает несколько подкорпусов, в том числе интересные для нас: *основной корпус*, в который входят прозаические письменные тексты XVIII – начала XXI века; *газетный корпус*, в котором представлены статьи из средств массовой информации 1990–2000-х годов; *параллельные корпуса*, в которых можно найти все переводы для определенного слова или словосочетания на русский язык или с русского языка; *корпус устной речи*, включающий расшифровки магнитофонных записей публичной и частной устной речи, а также транскрипты кинофильмов и др.

В основном корпусе, включающем 115 645 документов, было найдено 576 документов, содержащих искомое слово «контекст» и 1 007 вхождений. Статистически данное слово наиболее употреблено в нехудожественной литературе, а именно в учебно-научных текстах и публицистике, что отображено в таблице во вкладке «Статистика» (см. рис. 2).

По данным корпуса видами текстов, где искомое слово употребляется наиболее часто, является статья (56.31%) и монография (14.70%). Мемуары, рецензия, роман, учебное пособие, интервью, учебник форум, обзор, дневник, записные книжки и заметка, значительно уступают статье и монографии. Некоторые виды текстов (например, письмо, беседа, репортаж, эссе и др.) содержат менее 1% найденных по искомому слову случаев употребления.

Важно отметить, что слово «контекст» в большинстве случаев употребляется скорее в своём общеязыковом, чем в терминологическом

значении (‘совокупность различных факторов, необходимых для понимания, объяснения какого-л. явления действительности’):

Для того, чтобы это понять, надо представить *контекст* — после войны налог съедали большую часть дохода состоятельных людей, прикарманивший пол-Европы Советский Союз казался царством Сатаны. [Алексей Филиппов. Отец героя. Уолт Дисней и его Мышь (2001) // «Известия», 2001.12.04]

Сфера функционирования

Значение	Найдено документов	Найдено словоформ
учебно-научная нехудожественная	176	506 (50.25%)
публицистика нехудожественная	332	415 (41.21%)
художественная	29	37 (3.67%)
церковно-богословская нехудожественная	17	23 (2.28%)
электронная коммуникация нехудожественная	15	19 (1.89%)
реклама нехудожественная	3	3 (0.30%)
бытовая нехудожественная	2	2 (0.20%)
официально-деловая нехудожественная	1	1 (0.10%)
учебно-научная церковно-богословская нехудожественная	1	1 (0.10%)

Рис. 2

Имеются и случаи употребления искомого слова в качестве термина:

Вследствие этого возникает проблема несовместности используемых терминов, так как традиционные ИПС используют в основном механизмы поиска по ключевым словам, не учитывающие *контекст*, в котором находится информация. [С.Г. Керимов. Интеллектуальный поиск информации, основанный на онтологии // «Информационные технологии», 2004].

В самом раннем тексте с нужным нам словом, зарегистрированном в основном корпусе НКРЯ, «контекст» также употребляется в качестве термина:

... и самый оборот речи в знаменитой фразе («что падает», а не «кто»), и весь *контекст*, вместе взятый, – все это ясно указывает, что здесь дело идет не о чисто личных отношениях, в которых будто бы рекомендуется толкать падающего, а о падении эпох, нравственных укладов жизни, поколений [С.Л. Франк. Фридрих Ницше и этика любви к дальнему (1902)].

Представляется интересным рассмотреть и английское слово «context».

Как и в случае с русским словом «контекст», обратимся к корпусу английского языка с целью уточнения случаев употребления слова «context». Corpus of Contemporary American English (COCA) – один из самых больших корпусов английского языка и на данный момент единственный большой корпус американского английского объемом 445 млн словоупотреблений. Он содержит устную речь, художественную литературу, журнальные статьи, газеты и научные тексты 1990 – 2015 гг. [9].

Один из самых ранних зарегистрированных результатов поиска по искомому слову «context» датирован 1990 годом и взят из дебатов по поводу войны в Персидском заливе: ...we're talking about sanctions or war, and I think it's in that *context*. I also think in terms of the pressure put on the United States and...[13].

Как и в большинстве представленных в данном корпусе примерах, слово «context» употребляется в общеязыковом значении ‘conditions in which something exists’. Согласно другому крупному корпусу английского языка Bank of English, слово «context» входит в 1000 самых употребляемых слов на данном ресурсе. Причём, как видно из графика (см. рис. 3), искомое слово приобрело наибольшую популярность со второй половины XX в. [12].

Рис. 3

Один из популярнейших англоязычных онлайн-словарей Merriam-Webster [10] даёт следующие определения слова «context»:

- 1: the parts of a discourse that surround a word or passage and can throw light on its meaning
- 2: the interrelated conditions in which something exists or occurs: environment, setting the historical context of the war

Следовательно, значения английского слова полностью совпадают со значениями русского слова «контекст». Словарь Dictionary.com [11], объединяющий в себе данные из Random House Webster's Unabridged Dictionary, Collins English Dictionary и The American Heritage Dictionary of the English Language, определяет слово «context» следующим образом:

1. the parts of a written or spoken statement that precede or follow a specific word or passage, usually influencing its meaning or effect:
You have misinterpreted my remark because you took it out of context.
2. the set of circumstances or facts that surround a particular event, situation, etc.
3. *Mycology*. the fleshy fibrous body of the pileus in mushrooms

Таким образом, к основным значениям слова «context», которые совпадают со значениями его русского коррелята «контекст», добавляется новое терминологическое значение: ‘термин в микологии’. Англоязычная версия ранее упомянутого Викисловаря [5] содержит следующие определения:

- The surroundings, circumstances, environment, background or settings that determine, specify, or clarify the meaning of an event or other occurrence. *In what context did your attack on him happen? - We had a pretty tense relationship at the time, and when he insulted me I snapped.*
- (*linguistics*) The text in which a word or passage appears and which helps ascertain its meaning.

- (*archaeology*) The surroundings and environment in which an artifact is found and which may provide important clues about the artifact's function and/or cultural meaning.
- (*mycology*) The trama or flesh of a mushroom.
- (*logic*) For a formula: a finite set of variables, which set contains all the free variables in the given formula.

Исходя из этого, можно выделить ещё два дополнительных значения: ‘археологический термин’ и ‘термин в логике’. Как и слово «контекст», английское «context» используется в названиях различных организаций, программного обеспечения и других продуктов, например, ReversoContext (<http://context.reverso.net/перевод/>). Для английского слова «context» можно создать обобщающую схему, аналогичную ранее представленной для русского слова «контекст» (см. рис. 4).

Рис. 4

При сравнении рис. 1 и рис. 4 отчётливо видно, что сферы употребления рассматриваемого слова в качестве научного термина в русском и английском языках различаются. Поэтому был проведён поиск и в терминологических словарях. Выяснено, что русское слово «контекст» широко используется в качестве термина в психологии с дефиницией: «Обстановка, фрейм или процесс, в котором происходят события и обеспечивается значение для содержания [7]». В культурологии «контекст» определяют как «общий смысл социально-исторических и культурных условий, которые позволяют уточнить смысловое значение результатов деятельности человека» [3]. Проведя поиск на базе словарей Academic.ru, мы выяснили, что данный термин также фигурирует в таких областях, как теология, философия, машиностроение, информационные технологии, СМИ и реклама [1]. Английское слово «context» также используется в качестве термина в философии, юриспруденции, сфере информационных технологий и искусств [там же].

Итак, слово «контекст» является широко используемым как в качестве термина, так и в качестве общеязыкового слова. В дальнейшем можно ожидать расширение сферы употребления русского слова «контекст», а также появления его новых значений. То же самое можно сказать и об английском слове.

Список литературы

1. База словарей Academic.ru [Электронный ресурс] / URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 28.10.2017).
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 2000 [Электронный ресурс] / URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 08.10.2017).
3. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. М.: Вече: АСТ, 2003. [Электронный ресурс] / URL: <http://culture.niv.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm> (дата обращения: 28.10.2017).
4. Википедия [Электронный ресурс] / URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 08.10.2017).
5. Викисловарь [Электронный ресурс] / URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/контекст> (дата обращения: 08.10.2017).
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Краткий толковый психолого-психиатрический словарь. / Под ред. К. Игишева, 2008. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.instpsy.ru/index.php?a=index&d=Краткий+толковый+психолого-психиатрический+словарь> (дата обращения: 28.10.2017).
8. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html> (дата обращения: 18.11.2017).
10. Онлайн-словарь Merriam-Webster [Электронный ресурс] / URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/context> (дата обращения: 08.10.2017).
11. Словарь Dictionary.com [Электронный ресурс] / <http://www.dictionary.com/browse/context> (дата обращения: 08.10.2017).
12. Bank of English [Электронный ресурс] / URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/context> (дата обращения: 18.11.2017).
13. Corpus of Contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс] / URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 18.11.2017).
14. Zalevskaya A.A. Interfacial Theory of Word Meaning: A Psycholinguistic Approach. London: IASHE, 2014. 180 p.

THE MEANING OF THE WORD *CONTEXT* ACCORDING TO DICTIONARIES AND CORPORA

A.I. Dominikan

The Zhukov Military Aerospace Defense Academy, Tver

The work is devoted to the word *context* in Russian and in English. It gives a short overview of the meanings given by different explanatory dictionaries in both languages. The author turns to the Russian national corpus and English corpora.

Keywords: *context, meaning, dictionaries, explanatory dictionaries, corpora.*

Сведения об авторе:

ДОМИНИКАН Алина Игоревна – преподаватель кафедры иностранных языков Военной Академии Воздушно-Космической Обороны имени маршала Советского Союза Г.К. Жукова, e-mail: madara-san@list.ru

«ИДЕЯ ВЕЩИ», «ПЕРЦЕПТИВНОЕ СУЖДЕНИЕ» И «ЗНАЧЕНИЕ» ПРИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ / МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ

А.А. Залевская

Тверской государственной университет, Тверь

Обсуждается возможность использования трактовки Ч.С. Пирсом некоторых понятий, связанных с речемыслительной деятельностью индивида, при объяснении опор для взаимопонимания при межъязыковых / межкультурных контактах.

Ключевые слова: Пирс, идея, перцептивное суждение, значение, интерпретация, интерпретанта, знак.

Вводные замечания

Объяснение того, каким образом и благодаря чему становится возможным взаимопонимание, в том числе – при межъязыковых / межкультурных взаимодействиях, составляет актуальную проблему для наук о человеке. Ниже делается попытка обратиться к трудам Ч.С. Пирса, который тщательно исследовал процесс интерпретации знака и обнаружил ряд весьма важных особенностей названного процесса, проливающих свет на заявленную выше проблему.

В публикациях Ч.С. Пирса трудно разыскать прямые указания на то, что речь идёт о значении именно *слова*, поскольку обычно в центре его внимания находится *знак*, в функции которого может выступать что угодно: Так, весной 1906 года Пир писал, что он использует слово «знак» в самом широком смысле, понимая под ним любое промежуточное средство общения, детерминируемое именуемым объектом и детерминирующее то, что он называет интерпретантой знака [9: 477].

В одной из своих лекций, прочитанных в Гарварде в 1903 году, а именно – «On Phenomenology» [6], Пирс приглашает слушателей принять участие в выявлении природы того, что он называет значением любого высказывания или понятия (in a searching examination of the nature of what we call the meaning or significance of any phrase or conception). При этом даётся пояснение: чтобы выделить самое главное, очищенное от нерелевантных сопутствующих признаков, и вывести наиболее общую формулу, необходима «абстрагирующая сила», присущая математике, но «чистая математика» не делает категорических утверждений, она только говорит, что будет истинным, если верна соответствующая гипотеза, независимо от того, отвечает ли эта гипотеза чему-то существующему в природе. В соответствии с этим требованием Пирс в ряде своих лекций (см.: «The Nature of Meaning» [14], «The Categories Defended» [10] и др.) демонстрирует, как обнаруживаются лежащие за словом наиболее общие категории, на базе которых строится интерпретация знака, тем самым выявляется роль значения как промежуточного средства («медиатора»), обеспечивающего выход на глубинные закономерности процесса

интерпретации знака. Это вполне естественно, если учитывать специфику ориентации Пирса на поиск и объяснение наиболее общих закономерностей познания того, что он называет модусами сущего (т.е. способами проявления последнего). Как бы то ни было, речь идёт о наличии некоторых наиболее общих закономерностей использования определённого вида опор (в данном случае – категорий, но Пирс нередко говорит и об «идее вещи»), в доступе к которым несомненна роль значения как инструмента, связывающего знак с предшествующим опытом познания и общения.

В то же время из переписки Пирса с леди Уэлби (1903–1911) [3; 9] известно, что в последние годы жизни Пирс считал свою концепцию разных видов интерпретант соотносимой с триадой «Смысл – Значение – Значимость», которую рассматривала Виктория Уэлби – автор книги «What is Meaning?». Пирс даже собирался написать книгу о значении, однако не успел сделать это.

Сказанное представляется основанием для следующих предварительных выводов.

- Трактовка Пирсом процесса поиска интерпретанты, по его собственному признанию, имеет прямое отношение к исследованию значения слова.
- Вопросы значения слова, так или иначе затрагиваемые в трудах Пирса, должны обсуждаться в свете более общей концепции знака.
- Поскольку Пирс находился в постоянном творческом поиске, следует опираться на его высказывания, относящиеся к последнему периоду его жизни.

В приводимой ниже табл. 1 содержатся два примера того, как менялись взгляды Пирса за три периода его творческой деятельности. Эта таблица составлена мною с опорой на данные, которые опубликованы в «Stanford Encyclopedia of Philosophy» [17] (статья А. Аткина была впервые представлена в 2006 году и существенно пересмотрена в ноябре 2010 г., см. также: [4; 5]).

Таблица 1. Динамика некоторых идей Ч. Пирса

Рассматриваемая проблема	Этапы развития идей Ч. Пирса		
	Ранний этап (1860-е гг.)	Промежуточный этап (1880–1890-е гг.)	Итоговый этап (1903–1910 гг.)
Типология знаков	Триада: «икона / индекс / символ». Фокусирование на символе	Анализ особенностей знаконосителей (качества, факты, результаты соглашения) (10 классов)	Признание возможности проявления и /или взаимодействия у знака признаков иконы, индекса и символа
Особенности семиозиса	Бесконечность (неограниченный семиозис)	Переход к новой интерпретанте как поиск ответа на очередной вопрос	Остановка процесса интерпретации при получении успешного ответа

Включённые в эту таблицу проблемы имеют непосредственное отношение к обсуждаемым ниже вопросам, поскольку первая связана с

выявлением природы знака, а вторая – с анализом специфики процесса интерпретации знака. Далее рассматриваются только относящиеся к итоговому этапу датированные высказывания Пирса [2; 18]), в том числе тексты лекций, прочитанных Пирсом в Гарварде (1903 г.) и выдержки из его переписки с В. Уэлби (1903–1911) [3; 9]. С результатами предварительного обсуждения динамики взглядов Пирса и особенностей его творческого поиска можно ознакомиться по статье [1].

Триада «Смысл – Значение – Значимость»
и различные виды интерпретант

В письме от 14 марта 1909 года Пирс сообщает В. Уэлби, что признает фундаментальный характер обсуждаемой ею трихотомии «Смысл – Значение – Значимость», а также уточняет, в чём и до какой степени согласуются и/или различаются составляющие этого перечня и выделяемые им самим виды интерпретант [3: 317–320]. Обратим внимание на то, что в оригинальных текстах на английском языке Пирс использует разные формы термина *Interiretant(a)*, *Interpretand* и т.д., поэтому в далее будет фигурировать разные варианты этого термина, хотя форма женского рода – *интерпретанта* – представляется мне наиболее удачной, именно она помогает избежать смешения понятий, поскольку вариант мужского рода – *интерпретант* – может увязываться с представлением о том, КТО интерпретирует.

Для наглядности представляется полезным свести в табл. 2 обобщённые результаты сопоставления Пирсом двух перечней, вынесенных в заголовок этого параграфа.

Таблица 2. Соотношение двух триад (Ч.С. Пирс / В. Уэлби)

Уэлби Пирс	Смысл	Значение	Значимость
Непосредственная интерпретанта	X	–	–
Динамическая интерпретанта	–	X	–
Конечная интерпретанта	–	–	X

Следует прежде всего уточнить, чем для нас интересна концепция В. Уэлби и как это может помочь нам разобраться в теории, которую разрабатывал Пирс. К числу возможных ответов на эти вопросы относятся следующие. Во-первых, работы Пирса сложны для понимания, на что указывала ему Виктория Уэлби, а это заставляло Пирса подробно объяснять ей свои формулировки и искать опоры для параллелей и/или для уточнения различий между сопоставляемыми концепциями. Во-вторых, используемая В. Уэлби триада более близка отечественному читателю, чем терминология, фигурирующая в работах Пирса. Следует отметить также, что В. Уэлби была признанным в своё время философом языка, чья концепция значения квалифицируется как одна из теорий, подготовивших современное состояние теорий значения (см.

подробно: [19]). В третьих, важным представляется то, что В. Уэлби соотносила свою триаду с разными уровнями осознаваемости, она фокусировалась на *смысле* и детально исследовала различные проявления смысла на материале повседневного использования языка, в том числе с обращением к этике, эстетике, прагматике, социальным наукам для объяснения наблюдаемых фактов. В. Уэлби ввела термин «сигнифика» как акцентирующий особый (обычно игнорируемый) взгляд на значение слова и имеющий преимущества перед терминами «семантика» и «семиотика», к тому времени уже теоретически нагруженными. Можно также предположить что идея интерпретации знака как перевода, скорее всего, появилась благодаря переписке Пирса с В. Уэлби: он указывает, что ему очень понравилась её высказывание о человеке как о существе, переводящем грубую животную силу в интеллектуальную и духовную энергию: слово *переводящий*, по мнению Пирса, «содержит в себе глубокую истину».

Теперь остановимся на уточнениях, которые вносит Пирс. В письме от 14 марта 1909 г. Пирс уверенно заявляет, что его Конечный Интерпретант полностью соответствует понятию Значимости у В. Уэлби, Непосредственный Интерпретант если и не полностью, то в очень большой степени соответствует Смыслу, в то время как наибольшее расхождение имеет место между понятиями Динамического Интерпретанта и Значения. Обратим внимание на то, что чуть ниже Пирс снова обращается к сопоставлению Непосредственного Интерпретанта и Смысла, он признаёт их совпадение по смысловому воздействию.

В качестве различий между двумя сопоставляемыми подходами Пирс рассматривает то, что В. Уэлби для элементов своей классификации выбирает слова из общеупотребительного языка, в то время как он сам пытается избегать этого, выбирая термины, по его мнению, более подходящие к нуждам разрабатываемой им научной теории. При этом Пирс полагает также, что классификация В. Уэлби основывается на «удивительной чувствительности восприятия» в противовес предпринятому им самим логическому выведению трёх разновидностей интерпретант из дефиниции Знака. Думается, что в последнем случае Пирс несколько отклоняется от истины, поскольку, во-первых, им рассматриваются не три разновидности интерпретант, а значительно больше (см. об этом ниже); во-вторых, разграничение разных видов интерпретант проводится Пирсом с опорой на наблюдаемые феномены, для тонкого разграничения смысла которых чисто логическое рассуждение не является достаточным; в-третьих, разграничение обоими авторами разных уровней осознаваемости компонентов сопоставляемых триад указывает на определённую степень соотнесённости уровней «глубины» погружения в поиск особенностей процесса интерпретации знака, а отсюда, в-четвёртых, становится понятным, как и почему Пирс пришёл к признанию того, что основу для интерпретации составляет перцептивное суждение, т.е. символ понимается через обращения к индексу и далее к иконе.

Сказанное приводит к заключению, что приблизиться к пониманию идей Пирса можно через предлагаемую им трактовку процесса интерпретации знака, в котором, в частности, выделены (в письмах, датированных декабрём 1908 года [9]) следующие виды интерпретант как детерминаций, имеющих место в сознании отправителя и получателя сообщения:

- the Intentional Interpretant – та, которая имеется у говорящего;
- the Effectual Interpretant – та, которая возникает у слушающего;
- the Communicational Interpretant – та, которая необходима для того чтобы коммуникация состоялась, т.е. то общее, что имеется у двух предшествующих интерпретант [9: 478].

Далее добавляются ещё: the Destinate Interpretant, the Effective Interpretant, the Explicit Interpretant [цит. раб.7: 481]; the Dynamic Interpretant; the Normal Interpretant [цит. раб.: 482]. По иному основанию виды интерпретант разграничиваются в Бостоновской лекции Пирса о прагматизме: the «emotional» interpretant; the «energetic» interpretant; the «logical» interpretant [7: 408].

Как отмечено в источнике [17], в работе 1878 г. «How to make our ideas clear» Пирс разграничил три уровня ясности интерпретанты: Familiarity, Logical Analysis, Pragmatic Analysis. Они соотносятся с immediate, dynamic, final interpretant соответственно. Даже простой перечень приведённых терминов свидетельствует о том, что Пирс анализировал продукты процесса интерпретации знака с разных позиций, пытаясь уловить тонкие различия между наблюдаемыми случаями. Нетрудно заметить, что оформление названий интерпретант варьируется (используются выделение заглавными буквами, кавычками, курсивом и их сочетанием – во всех случаях выделенная Пирсом последовательность интерпретант отвечает некоторому признаку, лежащему в основе каждой из многочисленных классификаций).

Пирс даёт чёткие характеристики, акцентирующие тот или иной признак, принципиально важный и отличающий одну интерпретанту от другой и в то же время согласующийся с его общей теории модусов сущего и с развиваемыми представлениями о путях познания проявлений сущего. Так, «Непосредственный Интерпретант представляет собой абстракцию, состоящую в Возможности»; «... Динамический Интерпретант есть то, что опытным путем познается в акте Интерпретации и отличается в каждом таком акте от любого другого»; «... Конечный Интерпретант есть один Интерпретативный результат, к которому всякий Интерпретатор должен прийти, если Знак рассмотрен в полной мере» [3: 320].

Иначе говоря, Пирс трактовал интерпретацию знака как сложный процесс, протекающий на разных уровнях осознанности и дающий различающиеся по своему характеру продукты – интерпретанты разных видов и уровней «глубины» понимания. Следует обратить особое внимание на выделенную Пирсом Коммуникативную интерпретанту (Commence), которая в современных терминах может быть квалифицирована как разделяемое знание – залог самой возможности взаимопонимания, закреплённый в социально принятом значении знака, отсылающий к некоторому набору

категорий и налагающий ряд детерминаций, имплицитруемых этими категориями. Например: *читал* и *прочитал* в равной мере требуют ответов на вопросы типа *кто, что, когда, при каких обстоятельствах* и т.д., но существенно различаются по характеру совершаемого действия, *grt* различаются и имплицитруемые запреты (например, нельзя сказать *прочитал завтра*, хотя допустим более широкий контекст, допускающий такое высказывание, например: *я бы прочитал это завтра, если бы...*).

Не менее важным является и указание Пирса на то, что имеются различия между знанием, которое потенциально увязывается со знаком («If a sign has no interpreter, its interpretant is a "would be", i.e., is what it would determine in the interpreter if there were one» [7: 408], и постигаемое знание, т.е. реально доступное для кого-то в некоторых обстоятельствах: самое главное (the maxim) состоит в признании того, что всё значение и вся значимость любой трактовки / интерпретации воспринимаемого базируются на его постигаемом практическом потенциале (lies in its conceivably practical bearings), при этом уточняется, что в постигаемых обстоятельствах такие практические ориентиры детерминируют, каким образом мы будем поступать или как надо поступать в подобных случаях [13] (здесь и далее приводится не перевод, а свободный пересказ, близкий к содержанию цитируемого отрывка или высказывания). Очевидно, в первом из названных случаев речь идёт о социально принятом значении, а во втором – об имеющемся у некоторого индивида опыте познания мира, не всегда достаточном для постижения смысла воспринимаемого.

В качестве промежуточных выводов теперь выступают следующие.

Интерпретация знака, как и идентификация значения слова, представляет собой сложный процесс, который:

- осуществляется на разных уровнях осознаваемости;
- представляет собой реализацию потенциально увязываемых со знаком представлений, условий, детерминаций и т.д., т.е. того, КАК он мог бы быть интерпретирован;
- уровень / полнота реализации потенциалов знака зависит от степени готовности воспринимающего знак постичь увязываемые с ним условные соглашения, указания с ними указания на объекты, их качества и взаимосвязи, ситуации и т.д.;
- понимание того, что репрезентирует знак, реализуется благодаря взаимодействию смысла, значения и значимости именуемого.

За счёт чего же постигаются смысл, значение и значимость и как это отражается на взаимопонимании при межкультурных контактах?

«Идея вещи» и «перцептивное суждение»

Понятие «идея» фигурирует у Пирса в разных контекстах. Начнём с примера, где говорится о том, что в первую очередь нечто должно быть опознано как знак, т.е. необходима идея наличия символической связи как таковой: «The symbol is connected with its object by virtue of the idea of the

symbol-using mind, without which no such connection would exist» [15: 9]. Аналогично этому, речь может идти об идее принадлежности к некоторой категории, идее наличия определённого признака и т.д. Нас также может интересовать то, как некоторая вещь может выступать в посреднической (медиативной) функции, т.е. какую идею другой вещи она будет возбуждать в нашем сознании (it conveys to a mind an idea about a thing [цит. раб.: 5]). При этом одна и та же вещь может вызывать разные идеи в зависимости от того, КАК мы её видим и КАКИМ ОБРАЗОМ отсылаем к ней: через подобие (likeness), указание на что-то, физически связанное с объектом (index), или через символ, но на самом деле любое рассуждение требует использования и подобий, и указаний, и символов («In all reasoning, we have to use a mixture of likenesses, indices, and symbols. We cannot dispense with any of them. The complex whole may be called a symbol; for its symbolic, living character is the prevailing one» [15: 10]). Акцентирование признака «живой» при рассмотрении процесса интерпретации знака неоднократно встречается в трудах Пирса («It is not a dead thing, but carries the mind from one point to another. The art of reasoning is the art of marshalling such signs, and of finding out the truth» [цит. раб.: 10]).

Пирс указывает на следующее: мы ищем ответ на вопрос: ВМЕСТО ЧЕГО используется знак, или что представляет собой ИДЕЯ, ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ КОТОРОЙ ПРЕДНАЗНАЧАЕТСЯ ЗНАК: «It is now easy to see that the requaesitum which we have been seeking is simply that which the sign "stands for," or the idea of that which it is calculated to awaken»» [7: 406]. Итак, главное – это уловить ИДЕЮ того, для чего предназначен знак. Но возникает вопрос: что помогает нам осуществить это?

Пирс указывает, что Интерпретанта знака во всех случаях включает чувство (feelings), поскольку, в большинстве случаев имеет место по меньшей мере чувство понимания или хотя бы улавливания значения знака [7: 408]. При этом опорой служит не только то, что получено разумом через посредство восприятия, т.е. не только то, что выявляют ощущения «... something forced upon the mind in perception, but including more than perception reveals» [9: 478], поскольку имеет место обобщение (perceptual judgments involve generality [14: 208]) с учётом того, что включает наличный опыт (actual Experience) и на что ориентирует прагматическая ориентация [16]/

Характеризуя перцептивное суждение, Пирс подчёркивает, что совершаемые при этом операции, какими бы они ни были, полностью совершаются за пределами нашего контроля и совершаются независимо от того, нравятся они нам или нет: «All that I insist upon is that those operations, whatever they may be, are utterly beyond our control and will go on whether we are pleased with them or not» [6: 154]. «All that I can mean by a perceptual judgment is a judgment absolutely forced upon my acceptance and that by a process which I am utterly unable to control and consequently am unable to criticize» [14: 209].

Очень важным представляется указание Пирса на то, что перцептивным суждение проявляется в форме пропозиции, в которой прямо представлен

сознанию некоторый перцепт [6: 154], а значение пропозиции охватывает всё выводимое из неё путём дедукции (the meaning of a proposition embraces every obvious necessary deduction from it [14: 213]) или абдукции, при этом именно последняя приводит к получению нового знания (because abduction is the only process by which a new element can be introduced into thought...» [14: 224]. перцептивное суждение и абдуктивно получаемое выводное знание взаимодействуют, они трудно различимы; вывод приходит внезапно, как «вспышка» (инсайт); главное же состоит в том, что возникает идея объединения таких элементов предшествующего опыта, которые и раньше у нас были, но мы и подуть не могли, что они могут быть как-то объединены [8: 127].

Теперь мы может сделать некоторые общие выводы для условий исследования межъязыковых / межкультурных взаимодействий.

Заключение

1. Обычно межъязыковые / межкультурные сопоставления проводятся на уровне значения слова с использованием словарей и корпусов текстов, что обеспечивает исходный материал для выводов относительно социально принятого и институционально закрепляемого коллективного знания. При этом имеет место ориентация на полноту смыслового потенциала слова, разлагаемого на минимальные семантические составляющие – теоретические конструкты.

2. В реальных условиях межъязыковых / межкультурных взаимодействий основу для взаимопонимания составляет общая идея вещи (в широком смысле, т.е. объекта, качества, действия, категории и т.д.), реализуемая на уровне разделяемого знания, которое тем не менее может давать основания как для универсальных («общечеловеческих») пропозиций, так и для культурно-специфичных перцептивных суждений, ведущих к различающимся выводам и оценкам, что может быть фатальным в некоторых экстремальных ситуациях (вспомним хотя бы информации об отсечённой голове торговца рогаликами, форма которых послужила импульсом для обвинения в святотатстве).

3. Представляется своевременной реализация широкомасштабной программы экспериментальных исследований, ориентированной на выявление динамичной системы культурно специфичных эмоционально-оценочных опор, которые направляют принятие решений в сложных ситуациях этнической напряжённости.

Список литературы

1. Залевская А.А. Интегративный подход к проблеме знака в трудах Ч.С. Пирса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология, 2017. № 4. С. 14–21.
2. Пирс Ч. Начала прагматизма. Том 2. Логические основания теории знаков / пер. с англ., предисловие В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина, СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с. (серия «Метафизические исследования. Приложение к альманаху»)

3. Пирс Ч. Письма к леди Уэлби (1903–1911) // Пирс Ч. Начала прагматизма. Т. 2. 2000. С. 477–492.
4. Atkin, A. Peirce on The Index and Indexical Reference // Transactions of The Charles S. Peirce Society. 2005. Vol. 41 (1). Pp. 161–188.
5. Atkin, A. Peirce's Theory of Signs // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource] / URL: <https://plato.stanford.edu/entries/peirce-semiotics/> (accessed at: 02.01.2017).
6. Peirce, C. On Phenomenology // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2. 1998. Pp. 145–159.
7. Peirce, C. Pragmatism // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2. 1998. Pp. 398–439.
8. Peirce, C. Pragmatism as the logic of Abduction // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2. 1998. Pp. 220–241.
9. Peirce, C. Semiotics from Late Correspondence: Excerpts from Letters to Lady Welby (1906-08) // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2. 1998. Pp. 477–491.
10. Peirce, C. The Categories Defended // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2. 1998. Pp. 160–177.
11. Peirce, C. The Ethics of Terminology // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2. 1998. Pp. 303–306.
12. Peirce, C. The First Rule of Logic // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2. 1998. – Pp. 42–56.
13. Peirce, C. The Maxim of Pragmatism // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2. 1998. – Pp. 133–144.
14. Peirce, C. The Nature of Meaning // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2. 1998. Pp. 200–219.
15. Peirce, C. What is a Sign? // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2. 1998. Pp. 4–10.
16. Peirce, C. What Pragmatism is // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2. 1998. Pp. 331–445.
17. Peirce's Theory of Signs // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/peirce-semiotics/> First published Fri 13 Oct, 2006 (accessed at 01.02/2010).
18. The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913). Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1998. 584 p.
19. http://www.wikiwand.com/en/Victoria,_Lady_Welby (дата обращения: 15.09.2017).

«IDEA OF A THING», «PERCEPTIVE JUDGMENT» AND «MEANING» IN CROSS-CULTURAL CONTACTS

A.A. Zalevskaya

Never State University, Tver

Some notions of Peirce's sign theory are discussed to demonstrate the importance of his ideas for cross-cultural investigations.

Key words: *Peirce, sign, meaning, interpretanta, semiosis, perceptual judgment.*

Сведения об авторе:

ЗАЛЕВСКАЯ Александра Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: aazalev@mail.ru

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ТЕРМИНОСИСТЕМ

М.А. Зубкова

Тверской государственной университет, Тверь

Предпринята попытка систематизировать существующие на сегодняшний день подходы к понятию «терминосистема» на основе анализа двух составляющих - понятия «термин» и понятия «система». Выдвинуто предположение о возможности рассмотрения отдельно систем, описывающих план выражения терминов, и систем, описывающих их план содержания. Предлагается создание комплексной методики, позволяющей разграничивать смежные терминосистемы на основе трёх критериев их оценки: единой научной теории или концепции, сферы употребления и реакции на внешние факторы воздействия.

Ключевые слова: термин, система, терминосистема, терминоведение, план выражения термина, план содержания термина.

В настоящее время вопросы терминоведения становятся всё более популярными для обсуждения в научном сообществе. При этом можно заметить, что растёт интерес к этой области знаний со стороны учёных других специальностей, чьи научные интересы не связаны с лингвистикой. Такое внимание можно объяснить целым рядом причин, в частности, развитием компьютерных технологий и поиском механизмов машинного перевода, разработкой современных систем управления персоналом, потребностью в международной кооперации, а также научным прогрессом в целом и поиском подходящих словоформ для новых понятий и открытий.

Современное терминоведение имеет целый ряд нерешенных на сегодняшний день проблем и задач, а именно: вопрос о сущности термина, его свойствах, требованиях, предъявляемых к этому понятию; вопрос о системности терминов и существовании терминосистем; вопрос о развитии языка и развитии терминов, как составной части языка, и так далее.

В данной статье предпринята попытка обобщить и систематизировать существующие подходы к сущности понятия «терминосистема», а также выдвинуты новые предположения и замечания по данному вопросу с лингвистической точки зрения.

Лексема «терминосистема» включает в себя две составные части, «термин» и «система». Следовательно, сущность понятия «терминосистема» не может быть раскрыта без решения следующих основных вопросов: что есть термин, и каким образом он связан с общей системой языка; что есть система, и как правильно следует применять системный подход к терминам.

Системный подход в лингвистике широко применяется для изучения многих вопросов, в том числе терминоведения. Такой междисциплинарный подход объясняется сложностью и неоднозначностью объекта исследования (т.е. терминов) и недостаточностью рассмотрения этого объекта только с позиций лингвистики. Для нас важно понимать, что из двух анализируемых далее понятий наиболее важным все-таки является понятие «термин», так как

именно с позиций терминоведения должны трактоваться любые полученные результаты исследования терминосистем. Понятие «система» необходимо только как методологический аппарат, как своеобразный угол зрения на объект.

Начнем с понятия «термин». На сегодняшний день нет единой точки зрения по поводу сущности данного явления. Важно отметить, что каждый раз, когда учёный по-своему определяет сущность «термина», это отражается на том, что он вкладывает в понятие «терминосистема», ведь термин является основным элементом терминосистемы. Таким образом, субъективное мнение учёного о понятии «термин» формирует, в свою очередь, субъективную точку зрения о понятии «терминосистема». На практике это означает, что в научной работе нельзя давать сразу определение понятию «терминосистема», как «совокупности терминов», или как «системе, основными элементами которой являются термины». Предварительно необходимо начинать исследование с понятия «термин».

Всё существующее в научной литературе многообразие подходов к понятию «термин» можно классифицировать по разным признакам. Прежде всего, в зависимости от научной дисциплины, в рамках которой рассматривается данное явление. Среди научных дисциплин могут быть не только различные направления лингвистики (когнитивная лингвистика, дискурсивная, психолингвистика и т.д.), но и также философия, логика, психология, социология и другие науки. При этом каждый раз, когда понятие «термин» рассматривается с нового ракурса, это позволяет глубже понять его сущность и значение. Многообразие подходов создает своеобразный спектральный анализ данного явления в языке.

Поскольку в истории науки когда-то возникла такая необходимость выделять в особую группу «термины» и отдельно изучать их, то многие из существующих определений представляют собой поиск критериев для разграничения двух понятий: «термин» и «нетермин» (иногда это сопоставление проводят только между «терминами» и «общеупотребительными словами»). Учёные стараются выделить специфические свойства и функции «термина», а также разрабатывают требования и критерии его отбора. Зачастую в определении понятия «термин» содержится та или иная характеристика, которая, по мнению учёного, является главной и отражает суть понятия в целом. В зависимости от выделенных характеристик «терминов» (или их отличительных признаков) мнения учёных можно было бы также разделить на несколько групп.

Классификация подходов на основе двух признаков (научной дисциплины и выделяемых учёным отличительных признаков) касается только самого понятия «термин». Однако рассмотрение «термина» с точки зрения разницы между ним и «общеупотребительным словом» привело к тому, что учёные разделились на две группы: те, кто считают, что термины являются составной частью лексики литературного языка (В.П. Даниленко, Б.Н. Головин, С.В. Гринёв и др.); и те, кто представляет термины как самостоятельный раздел лексики со своими закономерностями (В.М. Лейчик, А.В. Суперанская и др.).

Такое разделение подходов, в свою очередь, предполагает, что учёные первой группы, когда говорят о «терминосистеме», имеют в виду систему, включённую в общую систему языка, или его подсистему. Учёные второй группы наделяют понятие «терминосистема» большей степенью независимости, обособленностью от общей системы языка.

Выделим два принципиальных момента, с которыми согласны большинство учёных при определении сущности понятия «термин». Во-первых, термин – это слово или словосочетание. Во-вторых, термин всегда связан с определённым профессиональным видом деятельности или организованной областью познания и науки.

Перейдем ко второй части лексемы «терминосистема», а именно к понятию «система». Этот вопрос является также сложным и неоднозначным в научной литературе, так как рассматривается в рамках различных научных дисциплин (логики, математики, физики, биологии, лингвистики и др.). Кроме того, в рамках каждой дисциплины есть свои нерешённые вопросы по поводу системного подхода. В лингвистике, например, нет четкого понимания разницы между «системой» языка и его «структурой», расходятся взгляды по поводу «элемента» системы языка и его связи со «структурой», не решен вопрос о свойствах системы языка как единого целого и др.

Однако для нас важно подчеркнуть преимущество такого подхода к терминам. Так, В.С. Мокий и другие, отмечают, что системный подход позволяет «излагать результаты дисциплинарных исследований в терминах, которые будут понятны специалистам других научных дисциплин и практикующим специалистам» [3: 42]. Это означает, что системный подход к терминам обеспечивает не только универсальный методологический аппарат для их рассмотрения и изучения, но и делает результаты этих исследований более практичными в использовании, расширяет круг доступности к их пониманию.

Существует множество определений понятия «система», также как и понятия «термин». При этом зачастую учёные, давая определение понятию «система», идут тем же путем, что и терминоведы, пытаясь разделить «системы» от «несистем» («системы» от «структуры», «системы от «организованностей» и т.д.).

Воспользуемся определением понятия «система», которое приводят З.Д. Попова и И.А. Стернин: «Система – сложное целое, состоящее из взаимозависимых и взаимообусловленных частей (элементов), выступающее по отношению к внешним условиям как единое целое и выполняющее единую функцию» [4: 198]. Опираясь на это определение, можно выделить признаки системы: 1) наличие множества элементов (система, состоящая из одного элемента, не является системой); 2) взаимозависимость этих элементов (авторы определения не используют понятие «связь», а употребляют понятия «зависимость» и «обусловленность», что подчеркивает более сложные взаимоотношения между элементами системы, а также тот факт, что значимость каждого элемента проистекает только от одновременного наличия

других); 3) наличие внешней и внутренней среды системы; 4) система должна реагировать на изменения внешних и внутренних факторов как единое целое; 5) система выполняет единую функцию, служит единым целям и задачам. Каждый из перечисленных признаков должен соблюдаться в той или иной степени, когда мы говорим о понятии «терминосистема». В научной среде указанные признаки системы могут быть оспорены и дополнены, однако в данной работе нам важно показать, что говоря о «терминосистеме», необходимо доказывать её существование через признаки системности.

На сегодняшний день существует множество уже каким-то образом описанных и субъективно выделенных терминосистем. Однако авторы научных работ, посвященных этим вопросам, зачастую делают вывод о системности изучаемого объекта (некой совокупности терминов) только опираясь на сферу употребления терминов и наличие у них общих признаков. Однако наличие общих признаков элементов никак не может служить основой для доказательства системности изучаемого объекта. Систему формируют «связанные», а не «похожие друг на друга» элементы, и связанность этих элементов проявляется в функционировании системы в целом, в наличии признаков системности.

Отметим ещё один важный момент, который вытекает из определения понятия «система», приведенного З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [4].

Авторы утверждают, что система должна «выполнять единую функцию». Это, в свою очередь, предполагает, что система должна функционировать, т.е. работать. Система может функционировать не постоянно, а с перерывами, но она потенциально должна иметь такую возможность. Синхронический подход к системе (и к терминосистеме, в том числе), таким образом, не будет полностью отражать все процессы, связанные с её функционированием. Для глубокого анализа системы необходимо рассмотрение её в диахронии.

Кроме того, в научной литературе принято разделять план выражения и план содержания языкового знака (по Ф. де Соссюру). Термин – это слово, и у него есть свой план выражения и план содержания. Каждая из этих сторон языкового знака имеет свои функции, а значит можно говорить отдельно о системе, включающей только план выражения терминов, и о системе, включающей план их содержания.

К системам, описывающим план выражения терминов (их графическую и акустическую форму), будет, в частности, относиться система терминообразования – именно она описывает процесс изменения формы термина. К системам, относящимся к плану содержания терминов, в частности, будет относиться система концептов, связанных с этими терминами.

Такой подход к терминосистемам позволил бы разделять факторы, отдельно влияющие на систему плана выражения терминов и систему плана их содержания, что, в свою очередь, продемонстрировало бы причины асимметрии языковых знаков (терминов). Кроме того, интересным было бы в этой связи рассмотреть скорость, с которой меняется план выражения термина и план его

содержания. Результаты таких исследований зависели бы от конкретной изучаемой терминосистемы.

Вопрос о доказательстве существования той или иной терминосистемы напрямую связан с вопросом о разграничении смежных терминосистем. Выделим возможные критерии такого разграничения.

1. «Терминологическая система складывается на основе одной научной теории или концепции». [5: 170] Данный критерий был впервые предложен В.М. Лейчиком. Существуют положительные и отрицательные моменты, связанные с применением этого критерия. Положительным является тот факт, что в рамках одной научной дисциплины могут формироваться несколько терминосистем, что создает, в свою очередь, их некую иерархическую модель, в которой есть место для любого термина. Отрицательный момент связан с субъективным фактором. Так, в рамках различных научных школ могут сформироваться разные по своему составу терминосистемы.

2. Сфера употребления. Этот критерий на сегодняшний день используется чаще всего. Например, есть работы, посвященные терминосистемам банковского дела, риторики, танца, футбола, методической деятельности, туризма, музыки и пр. Кроме того, постоянно разрабатываются различные тематические словари. Однако для современной терминологии характерно явление полисемии. Принцип разграничения терминосистем по сфере их применения выделяет многозначные термины в особую группу, поскольку их нельзя отнести только к какой-либо одной терминосистеме. Невозможность определения точной позиции многозначного термина в терминосистеме делает рассматриваемый критерий несовершенным.

3. Помимо «одной научной теории» и «сферы употребления», в качестве критерия для разграничения терминосистем на наш взгляд может быть также использовано проявление реакции терминосистемы на внешние факторы воздействия. При этом система должна реагировать как целое, а факторы воздействия могут быть выбраны целенаправленно. В таком случае реакции двух различных терминосистем будут неодинаковы, что позволит провести своеобразную границу между ними. Однако необходимо учитывать, что смежные терминосистемы могут реагировать похоже, что делает этот принцип разграничения опять-таки не универсальным.

Всё изложенное выше говорит о том, что необходима комплексная методика для выделения и разграничения терминосистем, которая объединяла бы критерии и принципы системности и позволяла бы обоснованно говорить о существовании той или иной терминосистемы с чётко очерченными границами её функционирования.

Список литературы

1. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.

2. Манерко Л. А. Понятие «терминосистема» в современном терминоведении // Современные тенденции в лексикологии, терминологии и теории LSP (сборник научных трудов). М. : Изд-во МГОУ, 2009. С. 207-220.
3. Мокий В.С., Мокий М.С., Лукьянова Т.А. Классификация системных подходов – основа решения сложных многофакторных проблем общества, науки и техники. // UNIVERSUM: Общественные науки. М.: Изд-во ООО «Международный центр науки и образования», 2016, №12(30), с. 40-47.
4. Попова З.Д., Стернин И.А.. Общее языкознание: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. 408с.
5. Шарафутдинова Н.С. О понятиях «терминология», «терминосистема» и «терминополе»// Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №6(60): в 3-х ч. Ч.3. С. 168-171.
6. Шмельёва О. Ю. Терминологические процессы в синхронии и диахронии (на материале английского языка). СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. 120 с.

. TOWARD THE NATURE OF TERM SYSTEMS

M.A. Zubkova

Tver State University, Tver

The existing approaches to term systems are discussed by analyzing different definitions of *system* and *term*. The paper also proposes a special methodology for identifying and delimiting related term systems.

Keywords: *term, system, terminology, term systems.*

Сведения об авторе:

ЗУБКОВА Марина Анатольевна – аспирант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: mary.zubkova2013@yandex.ru

РАЗЛИЧЕНИЕ ВИДОВОЙ КОРРЕЛЯЦИИ ГЛАГОЛА НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА (экспериментальное исследование)

С. В. Мкртычян

Тверской государственной университет, Тверь

В статье обсуждается проблема владения родным языком, описываются результаты экспериментального исследования, направленного на выяснение чувствительности носителей языка к видовой оппозиции глаголов несовершенного/совершенного вида.

Ключевые слова: «чувство языка», грамматическая категория, вид русского глагола, эксперимент, интерпретация.

Изменение системы образования способствует подмене реальных результатов образования формальными показателями, что постепенно приводит к увеличению количества людей со слабым «чувством языка».

Целью настоящей публикации является обсуждение результатов экспериментального исследования «чувства языка». В центре внимания – выяснение чувствительности носителей языка к видовой оппозиции глаголов несовершенного (далее – НСВ) / совершенного (далее – СВ) вида.

«Чувства языка» лежит в основе речевой способности личности и связано с творческим комбинированием языковых единиц и высказываний. «Чувство языка» формируется с детства, оно заставляет реагировать на постоянно изменяющиеся ситуации речевого общения и регулярно создавать фразы, не встречавшиеся в речевом опыте. В свою очередь изменение ситуации и новые комбинации высказывания рождает у ребёнка новые мысли, откуда возникает и новое выражение их посредством языка. Именно в тот момент, когда ребёнок находит новое речевое решение в какой-либо конкретной ситуации, происходит развитие языковой способности. Совокупность развитых у ребёнка речевых умений и навыков и составляют языковую способность, которая позволяет ему понимать и строить новые высказывания в соответствии с речевой ситуацией и в рамках системы правил, принятых в данном языке для выражения мыслей.

Опора на «чувство языка» и обращение к языковому опыту учащихся является одним «из важнейших принципов обучения родному языку» [5 1988: 175]. Большинство лингвистов трактуют понятие «чувства языка» с интеллектуалистских позиций, рассматривая его как сумму знаний о языке, полученных в результате бессознательного обобщения многочисленных актов речи, функционирующих в виде языковых представлений индивида и регулирующих правильность (нормативность) его речи. Другие исследователи считают «чувство языка» эмоциональным переживанием, связанным с чувством удовольствия или неудовольствия, привычностью или непривычностью языкового оформления высказывания. Третьи пытаются занять «примирительную» позицию. Так, А.Н. Кохичко пишет: в лексике русского языка чутьё (интуиция) – неосознанное (общее, неопределённое,

безотчётное, стихийное, непосредственное) чувство, основанное на предшествующем опыте; способность чутя (ощущать, осязать, обонять, слышать, предчувствовать, угадывать); инстинкт, догадка, наитие. Тогда как чувство – это состояние, возможность, (высшая) способность сознательно воспринимать (переживать) явления (деятельность) внешнего мира; сознание; познание; понятие; благоразумие, мудрость» [4: 3]. Иначе говоря, чутё языка связывается с умением подбирать слова, а чувство языка – это неосознанное владение грамматикой родного языка, «следование правилам морфологии и синтаксиса» [6: 234].

Кажется, что намеченная выше дихотомия весьма искусственна, поскольку грамматический строй отражает самые общие связи и отношения между сущностями действительности и при этом каждая грамматическая категория оказывает мощное организующее влияние на лексику. Одновременно с этим словоформа, реализующая одну или несколько грамматических категорий, воспринимается как оболочка лексической единицы. По этой причине среднестатистический носитель языка задумывается о значении (в широком смысле) слова, а не о реализованной в этом слове грамматической категории. Грамматика оказывается «погружённой в жизнь», в коммуникативную ситуацию. По этой причине чувство языка отграничивается от чутя языка на сугубо формальном основании. Приоритет коммуникативной значимости лексического или грамматического в употреблении слов вряд ли может быть установлен. Чувство языка проявляется в уместно употреблённом слове в нужной форме.

Возвращаясь к проблеме необходимости прививания «чувства языка» его носителям, обсудим результаты эксперимента.

Предварительно следует заметить, что вид является в русском языке облигаторной грамматической категорией и тем самым его выражение обязательно. «Употребляя в предложении глагол, мы должны употребить его в форме СВ или НСВ – даже если мы не имеем в виду передать ни один из тех смыслов, которые могут выражаться категорией вида [1: 10].

Ещё раз подчеркнём, что особая сложность в интерпретации семантических оттенков видовых корреляций носителями языка связана со спецификой грамматического значения, которое характеризуются «несамостоятельностью», автоматизмом выражения, пониженной осознаваемостью (интенциональностью) в сравнении с лексическим значением. Они лишь сопутствуют лексическим значениям и оформляют их, не становясь отдельным предметом мысли. С.Д. Кацнельсон отмечает, что «владение грамматическими формами характеризуется иной когнитивной модальностью. Хотя выражение мысли и её понимание совершается при посредстве грамматических форм, в фокусе внимания участников речевого общения находится лишь вещественное содержание речи. Функции грамматических форм осознаются лишь совместно с полнозначными словами и при их посредстве. Толкование грамматических форм в отдельности представляет для говорящих значительные трудности. Оно становится возможным лишь тогда,

когда грамматический строй становится объектом научного познания» [3: 114–115]. Всё сказанное в полной мере относится к категории вида.

В эксперименте приняли участие 20 магистрантов Тверского государственного университета, обучающихся по направлению «Лингвистика». Задание для проведения эксперимента было сформулировано следующим образом: Прочитайте реплики и определите, где уместен а) глагол только СВ; б) глагол только НСВ; в) оба глагола. Там, где можно использовать оба глагола, прокомментируйте смысловое различие, если оно есть.

В качестве стимульного материала выбрано несколько минимальных контекстов, которые не содержат эксплицитных маркеров вида (например, указание на кратность действия, наличие результата и т.п.) и в которых возможно употребление как СВ, так и НСВ. Контексты позволяют установить дифференциальные признаки каждой из видовых пар в том случае, если эти признаки распознаются испытуемыми (далее – Ии.).

Рассмотрим некоторые предложенные для эксперимента контексты с комментариями Ии.

1. – *Самовар украли.*

– *Кто КРАЛ/УКРАЛ?*

Типичен СВ, но НСВ подразумевает повторяемость действия, представляет действие как нечто само собой разумеющееся. Как пишет Г.М. Зельдович «НСВ хорош, если только это диалог двух воров из шайки, потому что для них кража – заурядная, каждодневная вещь» [2: 82].

Комментарии Ии.:

Для НСВ

1. Кто и как самовар крал, никто не видел.
2. Кроме самовара украдено что-то ещё, действие продолжалось долго.
3. Акцент на факт, свершившееся действия.
4. Одноразовое действие. Украл, и всё.
5. Неважно, кто, а важно, что самовара нет.
6. Повторяющееся действие (2 ответа).
7. Крал на протяжении долгого времени.

Для СВ

1. Вопрос про самовар непосредственно.
2. Человек крал на протяжении какого-то времени только самовары.
3. Вора застали на месте преступления.
4. Однократное действие (2 ответа).
5. Самовара нет.

2. – *Я СВАРЮ/БУДУ ВАРИТЬ суп. Купи, пожалуйста, лук.*

СВ привлекает внимание к результату предстоящего действия, а НСВ служит, чтобы подчеркнуть интерес говорящего к тому, что есть или будет перед тем, как действие состоится. Скорее всего значит, что СВ

свидетельствует о том, что лук будет добавлен уже в готовый суп, а НСВ – что лук будет добавляться в суп в ходе его варки.

Комментарии Ии.:

Для НСВ:

1. Не факт, может, и не сварю, потому что устану.
2. Не точные по срокам планы, лук на самом деле, может, и не понадобится.
3. Планирую варить.
4. Я буду варить суп в любом случае, но с луком будет лучше.
5. К твоему приходу я буду находиться в процессе приготовления супа.
6. Упор на процесс, а лук нужен как ингредиент.
7. Буду варить суп на протяжении какого-то времени; возможно, не получится с первого раза и придётся варить снова.
8. Не хватает ингредиентов.

Для СВ:

1. Большая доля уверенности, что суп будет.
2. Точно будет итог, острая необходимость в ингредиенте.
3. Точно сделаю.
4. Я сварю, если ты купишь лук.
5. К твоему приходу я уже сварю суп.
6. Как будто лук нужен будет в дополнение к супу (как хлеб, например), а не в качестве ингредиента.
7. Я его точно сварю, я точно знаю, что он будет вкусный, и мне ничто не помешает его сварить.
8. Решение на месте в значении «Дай-ка сварю я суп».

3. – Я СВАРИЛА/ВАРИЛА суп. Пусть Иван ест!

При СВ можно понимать, что суп сварен специально для Ивана, а НСВ вероятность такой интерпретации существенно снижает, и возникает эффект «давности», которая в данном случае принимает вид временной разобщенности между варкой супа и приглашением, чтобы Иван ел. Но здесь возможна и другая интерпретация: акцент на процессуальности (трудовых и временных затратах) приводит к усилению долженствования (*Я потратила время, поэтому Иван ДОЛЖЕН есть*).

Комментарии Ии.:

Для НСВ

1. Потратила много времени.
2. Подчеркивает, что именно она приготовила.
3. Суп не готов.
4. Я варила суп давно, возможно, он остыл //Я варила суп, но меня прервали либо я была в процессе, поэтому не могла ответить, например, на звонок.
5. Упрек Ивану («Я же старалась, варила, а он не ест!»)
6. Процесс, супа нет.
7. Нет завершённости действия.
8. Важно показать процесс: я варила, устала.

Для СВ

1. Завершённое действие, суп есть.
2. Завершённость действия, которая важна для данной речевой ситуации.
3. Суп приготовлен, позыв к столу.

4. Суп сварен, Иван может его есть.
5. Суп готов, Ивану есть, чем пообедать.
6. Суп на плите уже.
7. Только что закончила.
8. Суп готов.
9. Суп уже готов, его можно есть, но он ещё горячий (сварила недавно).

4. – Я СВАРИЛА/ВАРИЛА вкусный суп.

Здесь контекст привлекает внимание к результату словом *вкусный*, поэтому требуется СВ. Семантика видов находит себе точку опоры в понятии результата. НВ поддерживает мотив «давности» («были такие времена, когда я варила вкусный суп»).

Комментарии Ии.:

В зависимости от смысла говорящего; быть может, суп получился вкусным после того, как его сварили, а вдруг она его уже много раз варила и знала, что он в любом случае вкусный.

Недостаточно контекста (можно рассматривать и как процесс, и как результат).

Для НСВ

1. Тут надо добавить ещё какое-то действие. Например: Я варила вкусный суп и тушила мясо.
2. Процесс был, но результат не соответствует ожиданиям.
3. Результат неизвестен, возможно, суп в результате по каким-то причинам был испорчен.
4. Финального результата может и не быть, суп вышел невкусный, и она его вылила.
5. Раньше суп был вкусный, а теперь нет☹.
6. Варила когда-то раньше и сейчас супа нет.
7. Действие не закончено.
8. Варила вкусный суп, а получился он не очень.

Для СВ

1. Суп получился вкусным.
2. Суп уже на плите.
3. Я варила суп, а получился вкусный, какая радость!
4. Суп готов, он действительно вкусный.
5. Есть финальный результат: кастрюля вкусного борща.
6. Сейчас есть вкусный суп.

Ответы Ии. по каждому из контекстов систематизированы в таблице.

Таблица. Результаты эксперимента.

Исходный контекст	Ответы Ии. в %				
	«Возможен глагол только одного вида»	«Возможны глагола, существенной разницы значения»	оба нет в	««Возможны оба глагола, разница есть, но объяснить трудно»	Комментарии
1. – Самовар украли. – Кто КРАЛ/УКРАЛ?	СВ 45%	10%		10%	35%
2. – Я СВАРЮ/БУДУ ВАРИТЬ суп. Купи,	НВ 10%	40%		10%	40%

пожалуйста, лук.				
3. – Я СВАРИЛА/ВАРИЛА суп. Пусть Иван ест!	СВ 40%	10%	5%	45%
4. – Я СВАРИЛА/ВАРИЛА вкусный суп.	СВ 10%	25%	25%	40%

Привлечённые в качестве экспериментального материала контексты ясно обнаруживают, что обстоятельства, влияющие на выбор НСВ и СВ, чрезвычайно субъективны. Примерно равная приемлемость СВ и НСВ в некоторых контекстах связана с тонкими предпочтениями, разграничение которых обеспечивается «чувством языка». А неразграничение этих контекстов может расцениваться как серьёзный симптом слабого владения родным языком.

Список литературы

1. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Лекции по русской аспектологии. Мюнхен, 2007. 148 с.
2. Зельдович Г.М. Прагматика грамматики. М.: Языки славянских культур. 2012. 648 с.
3. Кацнельсон С.Д. Типология языка и языковое мышление. Л.: Наука, 1972. 231 с.
4. Кохичко А.Н. О проблеме развития чувства языка при обучении русскому языку как родному // Начальная школа плюс до и после. 2010. № 10. С. 77–82. [Электронный ресурс] URL: http://school2100.com/upload/iblock/854/854cbd1911b737_cafc32c166a792e9d8.pdf. Дата обращения – 24.04.2017.
5. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М.: Просвещение, 1988. 240 с.
6. Федоренко Л.П. Принципы и методы обучения русскому языку: пос. для студентов педагогических институтов. М.: Просвещение, 1964. 256 с.

LANGUAGE USER SENSITIVITY FOR VERB ASPECT OPPOSITION OF PERFECT/INDEFINITE (supported with experimental data)

S.V. Mktytchian

Tver State University, Tver

The results of an experimental study aimed at revealing language user sensitivity for verb aspect opposition of Perfect/Indefinite are given to illustrate the authors' position.

Key words: functional illiteracy, feeling for language, grammatical category, aspect of the Russian verb, experiment, interpretation.

Сведения об авторе:

МКРТЫЧЯН Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: mkrtytchian@mail.ru

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ БАЗЫ ДАННЫХ КАК ЧАСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТОВ

З.М. Сулейманова

Тверской государственной университет, Тверь

Рассматривается место терминологии в современном мире, её роль в реализации международных проектов. Проводится обзор наиболее крупных международных терминологических баз данных. Описываются принципы технологического процесса гармонизации терминов.

Ключевые слова: терминология, базы данных, международные проекты, гармонизация терминов.

Процессы глобализации и мировой интеграции, стремительно набирающие обороты в последние десятилетия, влекут за собой интенсивное развитие политических, культурных, экономических и других взаимосвязей. В связи с этим возрос интерес лингвистов и специалистов в других областях науки и техники к вопросам терминологии. Развитие международных и научных проектов требует формирования единой терминологической базы для данной группы исследователей. Это обосновано увеличением количества научно-технической информации, а также все больше набирающим популярность процессом стыковки различных наук [5].

Научно-технический прогресс, в особенности развитие компьютерных технологий, значительно повлияли и на науку о терминах. В настоящее время главным инструментом в работе с терминами являются терминологические базы данных. Их создание представляет собой сложный технологический процесс. В «Энциклопедии терминологии баз данных» М.Р. Когаловский определяет базу данных, как организованную в соответствии с определёнными правилами и поддерживаемую в памяти компьютера совокупность данных, характеризующую актуальное состояние некоторой предметной области и используемую для удовлетворения информационных потребностей пользователей [3]. При распределении текста оригинала между несколькими переводчиками или при обращении к услугам разных переводчиков встает проблема стандартизации терминов. Эффективным решением данной проблемы является создание автоматизированной терминологической базы данных, которая может быть использована как для одного проекта, так и на постоянной основе для данной предметной области. В своей статье мы будем понимать под терминологическими базами данных (далее – ТБД) те, которые содержат в качестве данных ключевые термины, предназначенные для одинакового толкования и перевода в пределах всего документа (проекта) [4].

Согласно целевому назначению, ТБД могут быть ориентированы на обеспечение работ по переводу научно-технической литературы и документации, будучи предназначенными обеспечивать информацией о стандартизированной и рекомендованной терминологии. Помимо их

практического значения, ТБД являются важным средством проведения серьезных научных исследований.

По инструментальному назначению ТБД могут быть ориентированы на использование человеком (терминологом, переводчиком и другими специалистами) или же предназначены для компьютерного использования (в системах автоматического управления терминологией).

В целях создания единой терминологии и предотвращения расхождений при выработке новых терминов, неотъемлемой частью работы по любому крупному многоязычному проекту является создание многоязычных терминологических баз. Стоит отметить, что термины, относящиеся к одной предметной области, но используемые в разных компаниях, могут различаться.

Создание корпоративных ТБД является ключевой задачей при подготовке учебных материалов для обучения иностранного персонала международной компании. Данная необходимость в использовании единой терминологии посредством корпоративных ТБД обусловлена требованиями сохранения единообразия методики обучения. В связи с изменениями внешней среды, общепринятыми подходами ведения бизнеса, возникновением дополнительных требований в соответствии с местным законодательством может измениться содержание обучающих материалов, но не структура обучения, в то время как главной задачей становится адаптация материалов к местным условиям. В связи с этим большую актуальность приобретает качественное обеспечение компании свободным доступом к единой базе терминов и, как следствие, перевод материалов на иностранный язык [2].

В настоящее время существует множество разнообразных многоязычных ТБД, как с открытым, так и с ограниченным доступом, тематические и претендующие на глобальность. Рассмотрим наиболее крупные и востребованные международные ТБД, доступные пользователям сети Интернет.

Международная организация по стандартизации ИСО создала терминологическую базу данных ISO Concept Database, позволяющую осуществлять поиск по таким категориям, как термины и определения, графические символы, коды (стран, валют, языков и т.д.) [6]. Термины, используемые в документах Европейского союза, доступны через многоязычную базу данных IATE (Inter-Active Terminology for Europe). Данный онлайн проект был создан для предоставления органам ЕС доступа к единой терминологии. В 2007 году была запущена публичная версия сайта, позволяющая всем гражданам Евросоюза осуществлять поиск терминов на официальных языках организации [7]. Многоязычная база данных EuroTermBank (ЕТВ) также функционирует в рамках стран-участниц Европейского союза. Однако её существенная характеристика заключается в ориентированности на страны, недавно вступившие в ЕС (Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша), что предоставляет им доступ к централизованной ТБД. [8]. Организация Объединенных Наций также располагает многоязычной терминологической базой данных UNTERM, по большей части состоящей из

статей, относящихся к номенклатуре ООН. Благодаря работе устных и письменных переводчиков, редакторов, стенографов и других сотрудников Организации названная база непрерывно пополняется новой информацией, включающей в себя не только термины и названия, но и справочную информацию в виде ссылок на соответствующие веб-сайты с текстами конвенций и договоров [9].

Создание и функционирование ТБД являются частью сложного технологического процесса и регулируются стандартами ISO. В первую очередь проводится анализ предметных областей на концептуальном уровне и гармонизация понятий и их определений с использованием специальных классификационных систем. После этого происходит гармонизация терминов с учётом нескольких используемых языков и предметных областей. Данная работа осуществляется специалистами в области языка, с подключением на разных этапах различных компьютерных инструментов, включающих системы переводческой памяти, выравнивания, разметки, извлечения терминов [1].

Наиболее высокотехнологичной системой для создания корпоративной ТБД и дальнейшей работы с ней является SDL Multiterm. Данная система представляет собой единое центральное хранилище терминов и средство управления терминологией. Это хранилище доступно для всех сотрудников, использующих терминологию (инженеров, маркетологов, переводчиков и терминологов), что гарантирует единообразие и высокое качество контента на всех этапах, от подготовки исходного текста до завершения перевода [10].

Подводя итог, стоит отметить, что профессионально созданная терминологическая база является основой высокого качества переводов. Для создания и обновления терминологических баз применяется специальное программное обеспечение, поэтому данный вид деятельности относится к сфере компьютерной лингвистики. Сами же многоязычные ТБД являются неотъемлемой частью функционирования и развития крупного международного проекта.

Список литературы

1. Джепа Т.Л. Сценарии гармонизации терминов в двуязычной лексикографии // Символ науки. 2015. № 9-2 / URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/stsenarii-garmonizatsii-terminov-v-dvuyazychnoy-leksikografii> (дата обращения: 10.03.2017).
2. Клёпова С.А. Создание корпоративной терминологической базы данных – ключевая задача в процессе подготовки учебных материалов для обучения иностранного персонала международной компании // Актуальные вопросы экономических наук. 2013. № 34 / URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-korporativnoy-terminologicheskoy-bazy-dannyh-klyuchevaya-zadacha-v-protssesse-podgotovki-uchebnyh-materialov-dlya-obucheniya> (дата обращения: 07.03.2017).
3. Когаловский М.Р. Энциклопедия технологий баз данных. М.: Финансы и статистика, 2002. 800 с.
4. Концевой М.П. Терминологические базы данных – 2017 – URL: <http://lab314.brsu.by/kmp-lite/kmp2/OTT/tLecture/tBasesData.htm> (дата обращения: 23.03.2017).
5. Миронова В.Г. Место терминологии в современном мире и тенденции ее дальнейшего развития // Ученые записки РГСУ. 2011. № 10 (98) / URL: <http://cyberleninka.ru>

- ru/article/n/mesto-terminologii-v-sovremennom-mire-i-tendentsii-ee-dalneyshego-razvitiya-1 (дата обращения: 07.04.2017).
6. ISO The online browsing platform – 2017 / URL: <https://www.iso.org/obp/ui/> (дата обращения: 23.03.2017).
 7. European Parliament/ Terminology Coordination – 2017 / URL: <http://termcoord.eu/iate/about-iate/> (дата обращения: 23.03.2017).
 8. EuroTermBank – 2017 / URL: <http://www.eurotermbank.com/about.aspx> (дата обращения: 23.03.2017).
 9. United Nations/ Department for General Assembly and Conference Management – 2017 / URL: <http://www.un.org/ru/hq/dgacm/unterm.shtml> (дата обращения: 25.03.2017).
 10. SDL Multiterm. Технические характеристики – 2017 / URL: https://www.tra-service.ru/files/brochures/SDL_MultiTerm2017_ru.pdf (дата обращения: 02.04.2017).

TERMINOLOGY DATABASES AS A PART OF INTERNATIONAL PROJECTS

Zarema Suleymanova

Tver State University, Tver

The importance of terminology in the modern world and its role in the international projects implementation are considered. A review of major international terminology databases is made. Technological foundations of terms harmonization are described.

Key words: terminology, database, international projects, harmonization of terms.

Сведения об авторе:

СУЛЕЙМАНОВА Зарема Магомедовна – магистрант факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского Государственного университета. e-mail: zarema2810@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ БАЗИСЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.А. Яковлев

Сибирский федеральный университет, Красноярск

В статье представлены результаты ассоциативного эксперимента, в котором некоторые ассоциации даны не на данный стимул, а на другой стимул той же анкеты. Приводится попытка объяснить такие случаи с позиций теории функциональных систем П.К. Анохина. Объяснение состоит в том, что реакции сопутствует процесс осмысления всей ситуации, в которой человек взаимодействует со словом-стимулом.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, теория функциональных систем, новое знание.

Речь в настоящей статье пойдёт не о физиологии как о физиологических процессах в организме животного или человека, а как о научной теории, такие процессы объясняющей. А также о семантических исследованиях как исследованиях значений и смыслов слов, о применении некоторых положений физиологической теории к их познанию.

Обращение к физиологии не может иметь целью показать на простой аналогии сущностное сходство разнородных явлений. Сама аналогия между речемыслительными и физиологическими процессами в их внешних проявлениях не является доказательством их сущностного, онтологического сходства. Однако коль скоро в основе речемыслительных процессов лежат процессы физиологические, последние обуславливают то, почему первые таковы, каковы они есть. Следовательно, обращение к физиологии способно объяснить сущность речемыслительных процессов и явлений, показать их онтологию (внутренние свойства) в её связи с феноменологией (внешне наблюдаемыми свойствами). Для этого необходимо учитывать не внешнее сходство физиологических и речемыслительных процессов, а сходство общего принципа, по которому разворачиваются и функционируют и те, и другие. Кроме того, объяснительная схема, единая для языковых явлений и явлений физиологических, позволяет с единых методологических позиций анализировать связанные между собой, но на первый взгляд различные явления. Проще говоря, коль скоро речемыслительные процессы могут мыслиться и объясняться с позиций теории функциональных систем, выработанной на базе физиологии (см. об этом [2: 33–34]), то и некоторые частные аспекты найдут своё объяснение с единых методологических позиций.

Для удобства дальнейшего изложения обратимся сначала к материалам проведённого нами ассоциативного эксперимента, в рамках которого перед предъявлением стимулов испытуемым (далее – Ии.) предлагалось ознакомиться с тремя небольшими текстами, на втором этапе процедура повторялась, но тексты для ознакомления были несколько расширенными с целью вызвать у Ии. эмоциональное отношение к их содержанию. В текстах говорилось о таких

явлениях, как пассерование, вивисекция и окклюзия. Причём в бланках, содержащих тексты на обоих этапах, они следовали именно в таком порядке, а в бланках для записи реакций порядок стимулов был иной: ВИВИСЕКЦИЯ, ОККЛЮЗИЯ, ПАССЕРОВАНИЕ для первого этапа и ОККЛЮЗИЯ, ПАССЕРОВАНИЕ, ВИВИСЕКЦИЯ для второго этапа. Стимулы были расположены вперемешку с другими словами, чтобы обеспечить отсутствие связи реакции с другим из интересовавших нас стимулов. Стоит отметить, что Ии. давалось задание написать до трёх реакций, а в соответствии с основной целью эксперимента среди стимулов были и другие незнакомые Ии. слова, например, ГЛИАЛЬНЫЙ и ЛИГИРОВАНИЕ. В общей сложности в эксперименте приняло участие 247 человек — 129 на первом этапе и 118 на втором, причём все Ии. второго этапа участвовали и в первом. Цель эксперимента состояла в том, чтобы проследить изменения внутренних связей слова при изменении знаний человека. Основные результаты описаны нами в публикации [6], здесь же мы рассмотрим важный аспект, который проявился во время проведения эксперимента и не входил в начальную цель и гипотезу.

Уже при первичном анализе анкет наше внимание привлекли те, в которых на стимул ВИВИСЕКЦИЯ содержались следующие реакции: ~~обжаривание без корочки~~; жарка; облако. В первой из них И., зачеркнувший первую свою реакцию, рядом написал *опыты на животных*, во второй ниже на стимул ПАССЕРОВАНИЕ была написана реакция *вот это жарка*, в третьей на стимул ОККЛЮЗИЯ написано *тучи*. И подобных случаев «неверных» реакций оказалось несколько, приведём их все:

ЛИГИРОВАНИЕ — *животные*.

ОККЛЮЗИЯ — *животное*.

ГЛИАЛЬНЫЙ — *климат; природа; циклон*.

ПАССЕРОВАНИЕ — *животное; операция; опыт*.

ВИВИСЕКЦИЯ — *овощи; польза; витамин А*. Этот И. поставил стрелки между данными реакциями и реакциями на стимул ПАССЕРОВАНИЕ, который в бланке шёл раньше ВИВИСЕКЦИИ; по всей видимости, стрелки поставлены постфактум, уже после того, как реакции на оба стимула были написаны и осмыслены.

ВИВИСЕКЦИЯ — *полезно*.

ЛИГИРОВАНИЕ — *операция; хирургия; лечение*.

ОККЛЮЗИЯ — *обжарка; овощи; витамины*. В данном случае в бланке тоже имеется двунаправленная стрелка между реакциями на этот стимул и на стимул ВИВИСЕКЦИЯ.

ПАССЕРОВАНИЕ — *воздух*.

Один И. на стимул ОККЛЮЗИЯ написал сначала *опыт; исследование*, но затем зачеркнул это и не написал ничего другого, что наводит на мысль, что зачёркивание было произведено уже после того, как реакции были осмыслены как неподходящие. Можно, разумеется, трактовать это лишь как погрешности эксперимента, поскольку таких реакций всего 24, т.е. чуть более 1% от общего количества реакций данного эксперимента (2198). Однако нам видится здесь определённая стойкая тенденция, а не просто случайность, обусловленная невнимательностью Ии. Для её объяснения обратимся к трудам П.К. Анохина по теории функциональных систем, построенной на основе многолетних

физиологических экспериментов, в которой нас будут интересовать лишь некоторые положения, проливающие свет на указанные особенности эмпирического материала нашего эксперимента.

П.К. Анохин вслед за И.П. Павловым говорит о динамическом стереотипе как о системе приспособительных реакций, создающихся в постоянно повторяющемся стереотипном порядке одних и тех же раздражителей [1: 53]. Здесь уместно вспомнить схожие идеи других учёных. Например, требует учёта замечание И.М. Сеченова о том, что раздражители должны рассматриваться не как одни и те же, а как схожие, и не как отдельные, а как комплексы, слитые в средние итоги [5: 155–156]. С.Л. Рубинштейн особо подчёркивал, что единичное не определяется путём непосредственного чувственного познания, которое не может не обладать известной степенью обобщённости и включённости в процессы практики, жизни человека [3: 113–119].

О том же пишет и сам П.К. Анохин: «... к каждому предстоящему раздражителю в случае укрепленного динамического стереотипа мозг автоматически, т.е. только на основе прежней тренировки и независимо от реального внешнего раздражителя, готовит состояние, качественно отражающее именно тот раздражитель, который применялся на этом месте много раз в прежних тренировках» [1: 54]. Создаваемые таким образом стереотипные, устойчивые состояния отражают целый комплекс условных раздражителей, относящихся не к сиюминутному возбуждению, а к некоторому временному периоду. Следовательно, «...мозг может на основе приобретённого опыта создавать некоторые целостные состояния, объединяющие раздражители целого экспериментального дня и раскрывающиеся независимо от реальной экспериментальной обстановки» [там же].

Второй важный момент теории функциональных систем — относительность понятий и явлений, в них отражаемых.

«Действительно, для исследователя, использующего теорию функциональной системы как методологический инструмент экспериментирования, не может быть „возбуждения вообще“, „афферентации вообще“, „мотивации вообще“ и даже „памяти вообще“. Конструктивная роль этих привычных понятий выявляется благодаря их положению в качественно своеобразном механизме внутренней архитектуры функциональной системы» [цит. раб.: 100].

Можно сказать, что реакции вообще не существует. Но не существует и реакции только на данный стимул.

«Смысл системного подхода состоит именно в том, что элемент или компонент функционирования не должен пониматься как самостоятельное и независимое образование, он должен пониматься как элемент, чьи оставшиеся степени свободы подчинены общему плану функционирования системы, направляемому получением полезного результата. Компонент должен быть органическим звеном в весьма обширной кооперации с другими компонентами системы. Естественно, что это правило относится к любому компоненту любой подсистемы, как бы элементарна она ни была» [цит. раб.: 86].

Реакция в ассоциативном эксперименте не должна рассматриваться как нечто отдельное, она связана со всей совокупностью психических процессов

человека, с его личностью в целом и с теми процессами, которые задействованы в той ситуации, частью которой является стимул. Эмоция, проявляющаяся в реакции, должна рассматриваться не просто как связь между парой «стимул + реакция», а именно как реакция на всю совокупность знаний, возбуждаемых в сознании этой парой. И не только ей, поскольку и она дана не «в вакууме», но как часть ситуации. На стимул реагирует не ментальный лексикон, а человек. И не на стимул как таковой, а на всю ситуацию, в которой человек вступает во взаимодействие со стимулом.

Ещё один важный момент следует из того, что стимул следует рассматривать, так сказать, в «пространственно» совокупной ситуации, о чём сказано выше, а также в совокупности временной. Связь явлений внешнего мира обуславливает формирование предпусковой интеграции, которая предшествует непосредственной реакции:

«Условный стимул только тогда приобретает своё приспособительное значение, когда он применяется на фоне уже готовой предпусковой интеграции, для которой нужен только момент пуска, чтобы она стала законченной реакцией. (...) ...Начало условнорефлекторной реакции представлено обширным комплексом нервных процессов, разнородных по своему биологическому смыслу, но интегрированных уже задолго до того, как эту интеграцию раскроет условный пусковой стимул. Кроме того, стадия афферентного синтеза настолько многообразна по составу возбуждений — и основных, и обеспечивающих успех самого афферентного синтеза, — что говорить об исключительной роли стимула просто невозможно...» [цит. раб.: 374].

Афферентным синтезом П.К. Анохин называет такую стадию интеллектуального акта, в процессе которой «...происходит *одновременная* обработка самой разнообразной информации, поступающей в центральную нервную систему из внешнего и внутреннего мира. На этой стадии „предрешения“ синтезируется целый ряд возбуждений. Как и весь поведенческий акт в целом, стадия „предрешения“ формируется на основе доминирующей в данный момент эмоции или мотивации» [цит. раб.: 113]. В условиях ассоциативного эксперимента происходит то же самое, однако разнообразная информация из внешнего и внутреннего мира оттенена реакцией, которая является единственной эмпирической данностью, непосредственно доступной учёному. Если бы испытуемый мог единовременно экстерниоризовать весь этот комплекс знаний и переживаний, он бы, несомненно, сделал это, но речевая деятельность развёртывается сукцессивно и инструкция эксперимента ограничивает его, поэтому ему ничего не остаётся, кроме как случайным образом «выбрать» для экстерниоризации только одно слово (в крайнем случае — несколько слов), которое по какому-то признаку связано с некоторым фрагментом этого сложного комплекса. Такой выбор происходит действительно случайным образом, так как в большинстве случаев испытуемый не может даже постфактум сказать, по какому признаку реакция связана со стимулом. И даже если после эксперимента проводить беседы с испытуемыми, что нередко практикуется, то заявления самих испытуемых не проясняют ситуацию, поскольку реакция вполне могла быть обусловлена иными причинами, чем те, которые уже впоследствии осознаются.

Коль скоро реагирование носит случайный характер, общие характеристики всей системы (ментального лексикона) тем точнее, чем больше единиц учитывается. С этим связана неоднократно выражаемая А.А. Залевской необходимость учитывать все реакции эксперимента, а не только наиболее частотные. В последнем случае возникает опасность не увидеть каких-то существенных тенденций, снизив точность определения характеристик системы в целом. Требование учитывать все реакции, а не только наиболее частотные имеет огромное методологическое и гносеологическое значение. Поскольку язык как достояние человека, как предмет психолингвистики рассматривается как динамическая система, постольку о значении слова следует говорить как о вероятности, как о вероятностном процессе. И если в реакциях проявляется некоторая тенденция, это значит, что данная характеристика процесса упорядочивания ментального лексикона характерна потенциально для всех задействованных в эксперименте людей. Другое дело, что вероятность её проявления в каждой ситуации использования данного слова (в общении) может отличаться от вероятности проявления другой, более отчётливой, более регулярно проявляющейся в эмпирии характеристики.

Эффективность положений теории функциональных систем в объяснении семантических закономерностей состоит помимо прочего и в том, что она учитывает активный характер отражения мира в сознании и мозге, а также наличие постоянных и переменных звеньев в системе реагирования целостного организма на изменения внешней среды тоже как целостности. Можно считать, что некоторая словоформа отражается в сознании в виде некоторого конкретного или абстрактного образа либо суммы таковых, актуализируемых посредством возбуждения нервных связей, ответственных за их хранение [4: 65–66]. Но в таком случае, как минимум, невозможно объяснить, как могут быть связаны друг с другом слова, не имеющие общих семантических компонентов, и как обогащение значения одного слова влечёт за собой обогащение значения другого.

Возвращаясь к тем примерам, с которых мы начали, можно сказать, что их наличие в эмпирическом материале обусловлено двумя причинами: 1) реакция даётся не на отдельный стимул, а на комплекс таковых, 2) реакции сопутствует процесс осмысления, охватывающий всю ситуацию, в которой человек взаимодействует со словом-стимулом.

И сказанного можно предположить, что если бы слова были более похожи друг на друга (по форме или по значению), описанная выше тенденция проявилась бы ещё сильнее. Впрочем, это должно быть проверено специально организованным экспериментом.

Обычно ассоциативный эксперимент организуется таким образом, чтобы исключить влияние стимулов на «чужие» для них реакции, чтобы реакция давалась на отдельный стимул. Но теория и в некотором виде экспериментальные данные говорят о невозможности полностью избавиться от такого влияния. В этой связи представляется возможным и целесообразным не избавляться во что бы то ни стало от подобных влияний, а использовать их –

организовать эксперимент таким образом, чтобы изучать более тонкие связи в ментальном лексиконе.

Описанная тенденция проливает свет на процессы формирования нового знания, которые можно изучать с помощью подобных экспериментальных процедур. Новое знание и новое значение слова не переживается человеком как чисто новое или как новое **наряду** со старым. Оно переживается как новое **внутри и относительно** старого или как новая «примесь» к уже имеющемуся. Словом «относительно» мы хотим подчеркнуть невозможность абсолютизации нового знания и значения, которые являются таковыми только в сравнении с тем, что уже накоплено опытом человека, и отличаются от последнего не столько по качеству, сколько по степени. И лишь **постепенное** накопление различий обуславливает в конечном итоге осознание в определённый момент различия между старым и новым знанием и значением слова. Новое знание и новое значение суть понятия относительные. В процессе накопления различий невозможно однозначно определить некую «критическую точку», до которой знание и значение слова было ещё старым, а после неё уже является новым.

Список литературы

1. Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 400 с.
2. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
3. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.
4. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
5. Сеченов И.М. Элементы мысли: впечатления и действительность / под. ред. К.Х. Кекчеева. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 224 с.
6. Яковлев А.А. Изменение значения и смысла слова как отражение новых знаний человека // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2017. № 4. С. 239–245..

ON THE PHYSIOLOGICAL BASIS OF SEMANTIC RESEARCHES

Andrey A. Yakovlev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

The paper discusses the results of an associative experiment in which some associations are given not to the appropriate stimulus, but to another stimulus of the same questionnaire. An attempt is made to explain such cases from the perspective of the P.K. Anokhin's functional systems theory. The explanation is that the reactions are accompanied by the entire situation comprehension process in which a person interacts with the stimulus.

Keywords: free associative experiment, theory of functional systems, new knowledge.

Сведения об авторе:

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, e-mail: mr.koloboque@rambler.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

УДК 81'42

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

Ю.А. Балашова

Тверской государственный университет, Тверь

В данной статье рассматриваются различные подходы к проблеме институционального делового дискурса как многоаспектного и неоднозначного явления, требующего тщательного изучения с разных позиций и взглядов.

Ключевые слова: институциональный деловой дискурс, лингвистика, деловой дискурс.

Институциональный деловой дискурс (далее – ИДД) является сложным, многоаспектным образованием, под которым мы понимаем целенаправленную статусно-ролевую речевую деятельность людей, общей характерной чертой которых являются деловые отношения, базирующиеся на нормах и правилах общения, принятых в деловом сообществе. Общей характерной чертой участников современного делового мира являются деловые взаимодействия; основная деятельность и интересы пользователей ИДД относятся к сфере бизнеса и являются их совместной целью. Устная и письменная речь в ИДД охватывают отношения не только внутри организации, но и между организациями, а также между организациями и отдельными индивидами.

Институциональный деловой дискурс объективно выделяется в системе институциональных типов дискурса на основании признаков, типичных именно для ИДД: специфические стратегии делового дискурса, специфическая общая картина мира, специфические ценности, специфическая цель общения, специфические участники, специфический социальный хронотоп, специфические характеристики текстов. Важной отличительной чертой ИДД является его стереотипность. «Коммуникативные клише в рамках институционального дискурса выступают как своеобразные ключи для понимания всей системы отношений в соответствующем институте и могут быть смоделированы» [8: 143].

ИДД функционирует в сфере деловых отношений. К последним принято относить «производство товаров, финансирование этого производства, предоставление денежных займов, торговлю, страхование, коммерцию, продажу продукции и различные услуги, такие как бухгалтерский учёт, распределение и ремонт товаров, покупку, продажу товаров или услуг» [7: 50]. С увеличением в деловых отношениях коммуникационной и информационной составляющих, переместившихся в Интернет, наблюдаются заметная трансформация делового дискурса и конвергенция делового и медиа-дискурса.

Для более подробного обсуждения ИДД необходимо ознакомиться с многогранным понятием «дискурс». В этом вопросе поможет разобраться монография Т. Ван Дейка «К определению дискурса». В ней автор предлагает следующее определение: дискурс – это письменный или речевой вербальный

продукт коммуникативного действия. Т. Ван Дейк рассматривает дискурс в широком понятии (как комплексное коммуникативное событие). «Дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте» [2: 25]. Это коммуникативное действие (далее – КД) может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Дискурс в узком смысле (как текст или разговор), как правило, выделяют только вербальную составляющую КД и говорят о ней как о «тексте» или «разговоре». В этом смысле термин «дискурс» обозначает завершённый или продолжающийся «продукт» КД, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами. Т.е. Д в самом общем понимании – это письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия. Ко всему прочему, стоит упомянуть тот факт, что понятие дискурса используется для обозначения того или иного жанра, например, новостной дискурс, политический дискурс, научный дискурс. Наконец, в данной работе рассматривается наиболее абстрактный смысл дискурса – когда он относится к специфическому историческому периоду, социальной общности или к целой культуре.

Подходя к проблеме ИДД более подробно также стоит обратиться к книге В.И. Карасика «Языковые ключи» [3]. В одной из глав книги обсуждаются проблемы теории дискурса. Глава начинается с раздела, написанного В. И. Карасиком в соавторстве с Г.Г. Слышкиным, который называется «Постулаты коммуникативной лингвистики». Данные постулаты сводятся к следующим тезисам:

- 1) коммуникативное поведение ситуативно;
- 2) коммуникативное поведение определено культурой;
- 3) коммуникативное поведение проявляется в определенном дискурсе – формате общения, обусловленном социально-ситуативными нормами и конкретизируется в виде определенных речевых жанров – исторически сложившихся ситуативных форм речевого поведения;
- 4) исследовательские модели коммуникации основаны на учёте трёх параметров общения – личности, концептов и дискурса.

Анализируя различные подходы к определению и описанию дискурса В.И. Карасик противопоставляет ситуативно-ориентированную и субъектно-ориентированную модели описания дискурса как текста, погруженного в ситуацию общения. Одной из важных характеристик дискурса, по мнению В.И. Карасика, является перформативность, которая описывается как противопоставление факта и фикции в общении. В данной работе также очень подробно рассматриваются всевозможные тональные характеристики дискурса, такие как: информативная, статусная, идеологическая, фатическая, манипулятивная и др.

Среди многочисленных работ по проблеме институционального делового дискурса можно отметить статью Л.С. Бейлинсон «Дискурсивные формулы профессиональной речи». При изучении данной проблематики следует знать о

существовании так называемых «институциональных фразеологизмов», которые рассматриваются Л.С. Бейлинсон «как разновидность дискурсивных формул, под которыми мы понимаем характерных для того или иного дискурса ситуативно-обусловленные высказывания, а также лексические и фразеологические единицы» [1: 43]. Эти единицы представляют собой, по мнению автора, однословные или неоднословные термины и институциональные фразеологизмы. Л.С. Бейлинсон также отмечает, что дискурсивные формулы своеобразно проявляются в четырёх модусах профессиональной речи:

- 1) общении специалиста с коллегой;
- 2) общении с клиентом института;
- 3) общении с социальным институтом;
- 4) общении с широкой публикой.

В статье М.Ю. Олешкова также рассматриваются дискурсивные формулы: «В устойчивых формулах, как правило, отражается речевая специфика того общественного института, той сферы, в которой происходит общение» [5: 798]. В то же время, дискурсивные формулы, на взгляд автора, выполняют «важнейшую функцию структурирования институционального дискурса» [цит. раб.: 799]. В отличие от речевых и этикетных формул (которые, по сути, являются подтипом речевых), дискурсивные формулы способны обеспечивать когерентность институционального текста / дискурса.

С.Ф. Новицкая подчёркивает, что в настоящее время директивные акты остаются в большинстве своём в жанрах организационно-распорядительной документации, к ним относятся приказы, распоряжения и др. «В связи с изменениями этических стандартов в менеджменте все больше внимания уделяется психологии делового общения, этике и деонтологии, правилам построения деловых коммуникаций, что постепенно изменяет традиционно формализованные отношения между руководителем и подчиненными» [4]. С.Ф. Новицкая выделяет основные признаки управленческого дискурса: легитимность общения пары «руководитель-подчинённый»; властно-подчинённый характер общения; функциональная структура общения, а также отмечает основные компоненты, входящие в сам процесс делового общения: участники; хронотоп (пространственно-временная организация дискурса); цели; базовые ценности; стратегии и тактики; разновидности и жанры; дискурсивные формулы. В статье рассматриваются наиболее часто встречающиеся грамматические ошибки, характерные для деловой речи и приводятся примеры искажений норм устной и письменной речи.

В свете сказанного мы приходим к выводу о том, что ИДД как правило выделяется своей относительной устойчивостью и замкнутостью. Это объясняется его «специфической функциональной направленностью: международные договоры, государственные акты, юридические законы, постановления, уставы, инструкции, служебная переписка, деловые бумаги и т. д.» [9: 226]. Несмотря на различия в содержании и разнообразии жанров, ИДД в целом характеризуется рядом общих черт. К ним, в частности, относятся:

- 1) сжатость, компактность изложения, экономное использование языковых средств;
- 2) стандартное расположение материала, нередкая обязательность употребления присущих этому стилю клише;
- 3) широкое использование терминологии, номенклатурных наименований, наличие особого запаса лексики и фразеологии, включение в текст сложносокращенных слов, аббревиатур.

Список литературы

1. Бейлинсон Л.С. Дискурсивные формулы профессиональной речи // Известия ВГПУ. 2008. №5 С. 42–46.
2. Дейк Т.А. К определению дискурса: монография. М.: Высш. шк., 1998. 218 с.
3. Карасик В. И. Языковые ключи. М: Гнозис, 2009. 406 с.
4. Новицкая С. Ф. Управленческий дискурс и культура речи руководителя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zdrav.by/organizaciya-zdravoohraneniy a/upravlencheskiy-diskurs-i-kultura-rechi-rukovoditelya> (дата обращения 12.11.2017).
5. Олешков М.Ю. Дискурсивные формулы как фактор когерентности устного дидактического текста // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сб. ст. Севастополь: Рибэст, 2009. Вып. 11. С. 796–800.
6. Ширяева Т.А. К вопросу об общей характеристике делового дискурса // Университетские чтения – 2006: Пятигорск: ПГЛУ, 2006. С. 41–48.
7. Ширяева Т.А. Когнитивная модель делового дискурса: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. 256 с.
8. Шишова И.А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л.: Наука, 1991. 224 с.
9. Шлёпкина М. А. Деловой дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе // Современная филология: Уфа: Лето, 2011. С. 222–227.

DIFFERENT APPROACHES TO THE PROBLEM OF INSTITUTIONAL BUSINESS DISCOURSE

J.A. Balashova

Tver State University, Tver

Different approaches to the problem of institutional business discourse are considered in the article. Institutional business discourse is a multidimensional and ambiguous phenomenon that demands careful study from different points of view.

Keywords: institutional business discourse, linguistics, business discourse, genre.

Сведения об авторе:

БАЛАШОВА Юлия Андреевна – магистрант факультета иностранных языков и межкультурной коммуникации Тверского государственного университета, e-mail: balashovakinza@gmail.com

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ КАК СВОЙСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

А.В. Бородина

Тверской государственный университет, Тверь

В статье на основании анализа трудов отечественных и зарубежных учёных обсуждаются ключевые теоретико-методологические предпосылки изучения перформативности как свойства юридических текстов. Вводится понятие принудительной силы государства как свойства юридического дискурса, определяющего перформативность оригинальных и переводных юридических текстов.

Ключевые слова: юридический текст, перформативность, принудительная сила государства, юридический перевод, юридический дискурс, интегративный подход.

В настоящее время отмечается возрастающий интерес к изучению юридического перевода, что может быть обусловлено причинами как научно-теоретического, так и прикладного характера: с одной стороны, с 1990-х гг. активно развивается новое направление лингвистики – юридическая лингвистика, одним из объектов изучения которой является юридический перевод [4: 40–41]. С другой стороны, межкультурная деловая коммуникация между физическими и юридическими лицами из разных стран также предполагает письменный перевод юридических документов, включая нотариальный перевод [цит. раб.: 38]. В Союзе переводчиков России активно обсуждается проект Положения о судебном переводчике, чья деятельность непосредственно относится к юридическому переводу [цит. раб.: 42].

Среди разнообразных теоретико-методологических направлений в исследовании юридического перевода отчётливо прослеживаются подходы, в той или иной степени затрагивающие вопросы анализа юридических текстов и юридического дискурса: наряду с юридической лингвистикой, это, безусловно, лингвоконцептологический подход к изучению юридических текстов – как оригинальных, так и переводных – в русле Волгоградской школы лингвоконцептологических исследований [цит. раб.: 43–44]. Один из основателей этой школы В.И. Карасик относит юридический дискурс к видам институционального дискурса [9: 234], тем самым сделав важный шаг в его изучении: данная логика позволяет при анализе юридического дискурса и юридических текстов рассматривать право как социальный институт с присущими ему институциональными особенностями, функциями и свойствами. Вопрос о нормирующей и регулятивной роли права как социального института власти в формировании юридического дискурса – одна из ключевых проблем, рассматриваемых М. Фуко. Фуко много пишет о праве и законе, в английском переводе – «right» и «law» (исследования показывают, что между концептами «право» и «закон» в русском и английском языках есть разница [4: 42–43], но для данной статьи она не существенна), а также о политико-юридическом дискурсе (legal / juridico-political discourse),

подчёркивая связь права и органов власти, формирующих этот дискурс [17: 87–89]. По мнению Фуко, суть всей законодательной деятельности, включая письменные конституции и кодексы, сводится к институциональному и дискурсивному регулированию и нормированию поведения людей (в том числе речевого), т.е. нарастанию власти (дискурсивных) норм, определяющих, что нормально / правомерно, а что нет [цит. раб.: 144] (под нормой права обычно понимается «общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера» [7: 37]).

Рассуждая о юридическом дискурсе в этой логике, исследователь и переводчик могут задаться вопросом, на чём же, собственно, зиждется такая власть, почему люди вынуждены следовать нормам права, ведь власти самого дискурса как рамок, накладываемых на высказывания и тексты, для этого явно недостаточно. Представляется, что «родовым» свойством-признаком, отличающим юридический дискурс от иных видов институционального дискурса, можно считать силу государственного принуждения, или принудительную силу государства (далее – ПСГ), что, в первую очередь, следует из определения права в профессиональных юридических словарях: так, энциклопедический юридический словарь определяет право в первом значении как «систему общеобязательных социальных норм, охраняемых силой государственного принуждения, обеспечивающего юридическую регламентацию общественных отношений в масштабе всего общества» [14: 240]. В Оксфордском словаре права похожая дефиниция права также дана первой: «The enforceable body of rules that govern any society» [15: 223].

ПСГ проявляется в воздействии государственной власти на общественные отношения с помощью закона как совокупности юридических норм (норм права) [14: 247], соблюдение которых контролируется правоохранительными органами, а за несоблюдение налагаются санкции, установленные государством посредством тех же норм: «в силу особой социально-нормативной значимости правовых норм любая идея, принятая и словесно оформленная законодателем, автоматически приобретает высший потенциал влияния на мнение и поведение общества» [7: 53]. В то же время для этого необходимо выполнить институциональные условия-конвенции, специфические для конкретных стран и их правовых систем, но всё же содержащие ряд общих элементов-инвариантов (здесь и далее примеры юридических текстов приводятся с учётом российской правовой системы, которые в целом применимы к правовым системам других стран континентальной (романо-германской) правовой семьи):

- Официальная публикация (либо прочтение вслух: например, королевским глашатаем на рыночной площади или президентом страны при вступлении в должность), т.е. размещение юридических текстов в публичной сфере: так, в России, согласно ст. 15.3 Конституции РФ, «законы подлежат официально опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения». В связи с этим практически

каждый новый закон содержит норму со стандартным текстом: «настоящий закон вступает в силу со дня его официального опубликования».

- Указание конкретного места и времени подписания правового документа: «Москва, Кремль. 25 декабря 2000г.».

- Правомочность и власть лица, утвердившего и подписавшего документ: «Президент Российской Федерации В. Путин», документ также должен быть подписан и скреплен печатью.

Таким образом, юридические тексты изначально почти не отличаются от других (за исключением терминологии и прочих языковых средств, характерных для соответствующих функциональных стилей и подстилей) до тех пор, пока не будут соблюдены приведённые выше условия-конвенции для инкорпорирования данных текстов в институциональный юридический дискурс. После этого, начиная с определённого момента времени (установленная конкретная дата либо дата опубликования), на текст «автоматически» распространяется действие ПСГ, в результате чего он «вступает в силу» (в английском языке – law comes into force) – превращается в правовой документ и вводится в юридический оборот, становясь элементом юридического дискурса. Представляется, что вследствие этого юридический текст приобретает некое сущностное свойство, которое будет его принципиально отличать от прочих текстов (художественных и нехудожественных), а именно: способность исполнить вербализованное в нем действие («перейти от слов к делу» / «doing things with words» по Остину) в конкретной ситуации при гарантии государственной поддержки, обеспеченной ПСГ. Думается, что этим свойством является перформативность, т.е., юридические тексты могут обладать характеристиками перформативности, перечень которых приведён в [3: 166–167]: такие тексты содержат не фактическое описание уже существующей / реальной ситуации как «означающего предложения на реляционном уровне» (выражение И.П. Сусова, цит. по: [1: 7]), но «искусственно созданные правовые категории и конструкции» [7: 8]. Таким образом, в юридических текстах означающее конструирует свое означаемое и автоматически становится ему равнозначным и автореферентным, «соотносясь как со своим референтом с той реальностью, которую оно само создаёт, в силу того, что оно произносится в условиях, которые делают его действием» [2: 308], и отсылая к самому себе (в том числе, в буквальном смысле, ибо практически каждый текст в юридическом дискурсе сопровождается клишированным выражением «см. соответствующий закон / статью данного закона / положение настоящего договора и т.п.»). Схожей точки зрения о перформативности юридических текстов (в частности, относящихся к правовой оценке тех или иных фактов) также придерживается М.А. Осадчий в силу «неотвратимого и системного характера» последствий исполнения вербализованных в них действий [11: 7].

Категория перформативности заимствована из теории речевых актов (далее – ТРА). Применение данной категории к письменным юридическим текстам (судебным решениям, кодексам, законам, договорам и т.п.) и их

переводам может показаться нерелевантным: с момента рецепции ТРА отечественной лингвистикой в 1986г. после публикации 17-го выпуска «Новое в зарубежной лингвистике» с русскоязычными переводами работ философов Оксфордской школы Дж.Л. Остина, П.Ф. Стросона и их американского последователя Дж.Р. Сёрля перформативными считались, главным образом, высказывания, но не тексты. В то же время под руководством И.П. Сусова и его коллег активно развивалось научное направление, которое в дальнейшем получило название прагмалингвистики (лингвистической прагматики). В рамках этого направления в 1980-х гг. вышло несколько сборников научных трудов под общей редакцией И.П. Сусова, связанных с ТРА, которые получили высокую оценку ведущих отечественных лингвистов: И.М. Кобозева особо выделяла «исследования, координируемые межвузовской проблемной группой “Семантика и прагматика речевого общения”» как важный вклад в «создание адекватной теории речевой деятельности» наряду с «публикацией основных работ по теории речевых актов в переводе на русский язык» [10: 7]. Для автора данной статьи важно, что исследования тверских лингвистов и их коллег распространяют ТРА на изучение не только высказываний, но и текстов: так, И.П. Сусов полагает, что «так же как высказывание выступает в качестве информационного следа отдельного речевого акта, не будучи полным его отражением, так и последовательность речевых актов, относительно законченная и претендующая на полноту в условиях данного контекста, может соотноситься с текстом как своим информационным следом» [13: 12]. Тем самым на основе исследований тверских ученых в рамках прагмалингвистики формируется одна из теоретико-методологических предпосылок для изучения перформативности юридических текстов – возможность переноса постулатов ТРА с высказываний на тексты. Ещё одним подкрепляющим аргументом в пользу такого переноса может послужить точка зрения В.Г. Гака, который, ссылаясь на представителя ПЛК В. Скаличку, допускает, что «высказывание может иметь разный объём – от одного слова до романа в 600 страниц» [6: 244].

Второй предпосылкой видится существенное развитие идей Остина Э. Бенвенистом: перформативные высказывания, полагает Бенвенист, возникают в «области распоряжения власти» (власти юридического дискурса по Фуко): «кто угодно может кричать в общественном месте: я объявляю всеобщую мобилизацию. Если это высказывание не может стать актом из-за отсутствия у говорящего необходимой власти, оно является лишь речью; оно сводится к пустой болтовне, ребячьей шалости или оказывается проявлением безумия... Перформативное высказывание существует только как акт власти» [2: 307]. Рассуждая о перформативности, он упоминает, наряду с высказываниями, тексты и официальные документы, а также подчеркивает специфику правовых документов, вводя понятие «диктум» (пропозицию юридического текста, термин заимствован из судебной практики континентальной системы права, к которой относятся Франция и Россия): высказывания могут не содержать эксплицированного перформативного глагола и сводиться к диктуму, но этот диктум имеет словесное выражение и «публикуется в официальном документе

за подписью облеченного властью лица» [цит. раб.: 306]. Таким образом, перформативность рассматривается как свойство высказываний и текстов в сфере власти / права.

Третья предпосылка основана на работах П. Бурдьё, французского философа и социолога, но также исследователя проблем взаимодействия языка, власти и права, хотя в этом качестве практически неизвестного отечественной лингвистике. Юридический дискурс, согласно Бурдьё, лежит в основе всех перформативных высказываний, ибо он представляет собой не что иное как «порождающую речь, которая осуществляет всё, что ею сказано, на что, собственно, направлены все перформативные высказывания и что в конечном итоге можно назвать... претензией этого дискурса на абсолютную власть» [16: 42]. Однако Бурдьё соотносит идею перформативности не только с традиционным высказыванием-клятвой с эксплицированным глаголом-перформативом, но также с любыми современными законодательными текстами, называя это социальной магией: «те, кто, подобно Максуд Веберу, противопоставляют магическое или харизматическое правовое воздействие коллективной присяги, клятвы или судебного разбирательства рациональному законодательству, основанному на измеримости и предсказуемости, забывают, что даже самым неукоснительным образом рационализированный закон есть не что иное, как акт социальной магии, которая работает» [там же. Перевод мой – А.Б.]. Таким образом, перформативность как понятие применяется как к устным, так и письменным юридическим текстам любого объема и жанра в силу их дискурсивной принадлежности.

Четвёртая предпосылка строится на доводах известного переводоведа Д. Робинсона, который предлагает использовать ГРА и перформативность как её составляющую для изучения перевода и речевой деятельности переводчика, несмотря на то, что «ветвь лингвистики, исследующая переводчиков как исполнителей речевых актов, находится ещё в зачаточном состоянии» [12: 166]. Примечательно, что в качестве примеров перформативности переводных текстов Робинсон приводит случаи из юридического перевода (практики судебных переводчиков): «иностранцы, вызванные в суд в качестве свидетелей, иногда не понимают, что судебный переводчик лишь передаёт им вопросы участников заседания, и говорят ему: “Что за глупости вы спрашиваете?” С точки зрения таких свидетелей, именно переводчик совершает соответствующее действие – в данном случае “спрашивает глупости”» [цит. раб.: 165]. Более того, «если мы рассматриваем открытие судебного заседания как сложное человеческое действие, разные участники которого воспринимают его по-разному, то тогда можно по меньшей мере представить себе, что кое-кто из присутствующих, владеющий только тем языком, на который переводит переводчик, и не понимающий ни слова на языке, на котором говорит председательствующий, воспринимает всё именно так, как если бы переводчик открывал заседание» [там же]. Тем самым аргументы Робинсона позволяют рассматривать перформативность как свойство не только оригинальных, но и переводных текстов – в первую очередь, в сфере права.

Наконец, пятую предпосылку можно условно назвать психолингвистической, или интегративной. Во-первых, понятие перформативности изначально заимствовано языкознанием из аналитической философии, в то время как именно психолингвистика даёт основания для продуктивного использования «заимствованного» методологического инструментария при анализе языкового материала – как устного, так и письменного: по мнению Р.М. Фрумкиной, первопроходцами за пределы территории лингвистической науки и методологии, в то же время не порывая с самой лингвистикой, а, скорее, наоборот – укрепляя, развивая и расширяя её проблемное поле, во многом стали психолингвисты (цит. по: [5: 12]). Во-вторых, отечественные психолингвисты и переводоведы А.Ф. Ширяев, А.А. Леонтьев, И.Н. Горелов, Г.В. Чернов и др. неоднократно обращали внимание на специфику понимания и работы с текстом в переводческой деятельности (в том числе, в синхронном переводе), изучение которой позволило им фактически вплотную приблизиться к тому, что Д. Робинсон впоследствии назвал перформативностью перевода [8: 283–285]. В-третьих, перформативность как свойство текста – как оригинального, так и переводного – в юридическом дискурсе в силу его специфики предполагает синергетическое совмещение подходов к изучению устных высказываний и письменных текстов с учетом прагматического контекста, ибо через слово эмитент юридического текста и его переводчик «получают доступ к специфическим механизмам управления мышлением и убеждениями людей, к власти над общественным сознанием» [7: 30], что может привести «к крайне нежелательным негативным последствиям, которые отрицательно влияют как на судьбу отдельного человека, так и на сознание и правовую культуру общества в целом» [цит. раб.: 173]. В этой связи уместно сослаться на точку зрения А.А. Залевской в том, что изучение слова и текста требует комплексного подхода, «учитывающего неразрывную связь между телом, сознанием и культурой», в целях «разработки интегративной теории языка как достояния человека» [8: 488]. Думается, что перформативность в качестве «интегрального» понятия, объединяющего разные науки и эпистемологии, среди которых философия языка, общее языкознание, психолингвистика, юридическая лингвистика и переводоведение, может быть использована для анализа устных и письменных оригинальных и переводных текстов в юридическом дискурсе в рамках интегративного подхода.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 384 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика: пер. с фр. / общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 448 с.
3. Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 280 с.
4. Бородин А.В. К вопросу о теоретико-методологических подходах к изучению юридического перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 2. С. 37–47.

5. Бородина А.В. Собственный опыт как текст: некоторые методологические аспекты анализа переводческой мемуаристики // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. Вып. 16. С.10–17.
6. Гак В.Г. Языковые преобразования: некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 368 с.
7. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 176 с.
8. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
10. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов М.: «Прогресс», 1986. С.1–7.
11. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 256 с.
12. Робинсон Д. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода: пер. с англ. М.: Р. Валент, 2014. 276 с.
13. Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и синтактика синтаксических единиц: сб.. науч. тр. Калинин: КГУ, 1984. С. 3–12.
14. Энциклопедический юридический словарь. М.: ИНФРА-М, 1998. 368 с.
15. A Dictionary of Law / ed. by Elizabeth A. Martin. Oxford: Oxford University Press, 1994. 433 p.
16. Bourdieu P. Language and Symbolic Power: translated by G. Raymond and M. Adamson / edited and introduced by J. B. Thompson. Harvard University Press, 2003. 402 p.
17. Foucault M. The History of Sexuality. Volume I: an Introduction: translated from the French by R. Hurley. Vintage Books, 1990. 170 p.

TOWARDS RESEARCHING PERFORMATIVITY AS A PROPERTY OF JURIDICAL TEXTS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PREMISES

A. V. Borodina

Tver State University, Tver

On the basis of Russian and foreign academic treatises analysis the paper discusses key theoretical and methodological premises for the study of performativity as a property of juridical texts. The author introduces the concept of enforceability as a generic property of legal discourse resulting in original and translated legal texts becoming performatory.

Keywords: *juridical text, performativity, enforceability, legal translation, legal discourse, integrative approach.*

Сведения об авторе:

БОРОДИНА Анна Владимировна – магистрант факультета иностранных языков и международной коммуникации ТвГУ, старший преподаватель кафедры экономики предприятия и менеджмента Института экономики и управления ТвГУ, e-mail: juristka80@mail.ru

ФОНОГРАФИЧЕСКИЙ ЭРРАТИВ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЁМ СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА

(на материале романа Д. Киза «Цветы для Элджернона»)

Д.С. Гордашникова

Военная Академия Воздушно-Космической Обороны
имени маршала Советского Союза Г.К. Жукова, Тверь

Рассматривается использование фонографического эрратива для создания речевого портрета персонажа с проблемами в интеллектуальном развитии. Производятся анализ и классификация эрративов.

Ключевые слова: эрратив, речевой портрет, норма языка, речевая ошибка, спеллинг.

Речь персонажа всегда является отражением его внутреннего мира, психологического склада, жизненного опыта, социальных связей, культурного уровня. Особенность произведения Д. Киза «Цветы для Элджернона» заключается не только в выборе центрального персонажа – умственно отсталого Чарли Гордона (Charlie Gordon), но и в жанре всего произведения как дневника. Выбор такой литературной формы обусловлен стремлением автора представить внутренний мир Чарли с помощью хронологически выстроенных отчётов (progris report / progress report), позволяющих раскрыть внутреннее состояние персонажа непосредственно, без вмешательства авторской речи, и одновременно проследить динамику его развития, отмечая грамматические, лексико-семантические, синтаксические изменения в его речи. Такая литературная форма становится прямым источником информации для читателя и привлекательна для писателя тем, что с её помощью можно не только выразить переживаемые персонажем эмоции, чувства, общее психологическое состояние, но и передать речевые особенности главного героя. Совокупность этих факторов обуславливает выбор речевых средств, используемых как непосредственно автором (в нашем случае – Д. Кизом), так и «автором-повествователем», воплощением авторского замысла и фантазии, т.е. Чарли Гордоном. Поэтому такое понятие, как «речевой портрет», приобретает особую значимость в рамках дневникового жанра.

Важно отметить, что единого определения данного понятия нет, и лингвисты трактуют его по-разному. Так, Г.Г. Матвеева [5] определяет речевой портрет как речевую характеристику, т.е. подбор особых для каждого индивидуума слов и выражений. Речевой портрет можно описывать как статическую величину, которая рассматривается в определённый отрезок времени, а С.В. Леорда [4] считает, что «речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность».

Результатом лингвистических исследований стали несколько возможных моделей описания речевого портрета.

М. Н. Гордеева [1] считает, что описание речевого портрета можно представить в виде последовательности трех ступеней, т.е. через: (1)

особенности исследуемого типа личности (социальной группы); (2) особенности в речевом поведении представителей данной личности (социальной группы); (3) особенности речевого поведения.

М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова [3] также предлагают трёхступенчатую модель анализа речевого портрета.

Первая ступень – лексикон языковой личности – демонстрирует степень владения лексико-грамматическим фондом языка. На этом этапе происходит анализ лексикона (совокупности слов и выражений), характерного для данной языковой личности.

Вторая ступень – тезаурус – представляет собой языковую картину мира, а именно – использование разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, выражений, которые позволяют выделить и узнать эту личность.

Третья ступень – прагматикон – воплощает собой систему мотивов, целей, коммуникативных ролей, которых придерживается личность в процессе коммуникации.

Особенностью анализа речевого портрета является возможность выборочного описания слоев языка, так как зачастую «языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам» [6]. Лингвисты подчёркивают необходимость «фиксировать яркие диагностирующие пятна» [цит. раб.], и именно поэтому многие научные изыскания посвящены анализу особенностей речи на каком-либо отдельно взятом уровне: фонетическом, лексическом, синтаксическом.

Так, в своем исследовании М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова изучали только фонетический аспект речи, выявляя специфику произношения, отражающую речевую индивидуальность. Таким образом, в лингвистике не сложилось чёткой модели описания речевого портрета, более того, изучению может быть подвергнута только отдельная её сторона, демонстрирующая наиболее яркие особенности портрета описываемой личности и/или социальной группы. К тому же отсутствие отдельных схем описания речевого портрета персонажа позволяет применять для его изучения те же процедуры, что и при описании речевых портретов реальных людей.

Персонаж романа Д. Киза Чарли Гордон ежедневно ведет отчёты с самого начала эксперимента, благодаря чему читатель может проследить изменения развития его личности и раскрыть отличительные черты героя произведения в его собственно-прямой речи. Очевидно стремление писателя подобрать для речи своего персонажа такие речевые обороты, которые не только передавали бы особенности его характера, но в то же время помогали составить представление об эпохе, культуре, социальной среде, в которой находится персонаж, и т.д. Писатель мастерски создаёт образ героя, скрупулезно воспроизводя особенности его речи и намеренно вводя в его речь множество грамматических, лексических, синтаксических ошибок, что даёт нам возможность говорить об эрративе как основном приёме формирования речевой характеристики персонажа. Данный термин был предложен

лингвистом Г. Гусейновым для обозначения сознательно искажённой формы языка с тенденцией к приближённому сохранению фонетического облика слова [2]. Отличие от случаев простого ошибочного написания заключается в том, что люди, прибегающие к эрративу, хорошо владеют этой нормой. Таким образом, человек при создании эрративного текста держит в сознании для себя и для читателя нормативное написание.

В данном романе эрратив можно считать таковым только в качестве приёма, к которому прибегает автор для создания речевого портрета персонажа; для последнего же он будет являться речевой ошибкой. Очевидно, что Д. Киз использует данный метод для создания образа человека с серьёзными интеллектуальными проблемами, мешающими ему в полной мере овладеть нормами родного языка.

Все нарушения норм, к которым прибегает автор при создании речевого портрета Чарли Гордона, мы предлагаем разделить на следующие группы: (1) собенности спеллинга; (2) морфологические и синтаксические особенности; (3) Лексические особенности.

В данной статье мы решили обратиться к фонетическому аспекту речи персонажа и её эрративному воплощению на письме, т.е. спеллингу, так как эта сторона речи является, по нашему мнению, тем самым «ярким диагностирующим пятном», требующим наибольшего внимания в связи с его ярко выраженной динамикой развития.

Очевидно, Д. Киз как талантливый писатель понимал, что первое, что бросится читателю в глаза, – это ошибочное написание слов. Он создал целую систему орфографических трудностей, используемых его персонажем, что было необходимо, чтобы читатель сразу понял: перед ним – кто-то особенный, не такой, как все. Это неудивительно, ведь многие носители английского языка имеют похожие сложности. Причины этого лежат в самой природе английского языка, спеллинг которого часто не подчиняется правилам.

Главная причина возникновения таких ошибок заключается в том, что Чарли полагается на правило «как слышится, так и пишется», в связи с чем у него возникает проблема правильной репрезентации слов в письменной речи.

Все ошибочные написания слов (*misspellings*) можно поделить на следующие группы: эрративная презентация гласных и эрративная презентация согласных. Рассмотрим особенности каждой из них.

Эрративная презентация гласных

○ Замена гласных (*inaccurate vowel representation*)

Одной из самых частотных ошибок в речи Чарли стало написание буквы *i* в безударном слоге, дающем звук [ə]. Она вызвана тем, что этот слабый, ненапряжённый звук могут передавать разные буквы:

a: importint (important), hospitl (hospital);

e: happins (happens), pockit (pocket), riport (report), wantid (wanted);

u: minits (minutes).

Также редуцированный [ə] возникает в заударных слогах, выраженными, например, гласными *o* или *a* и чаще всего передающимися на письме гласной *e*, что в какой-то мере объясняет выбор Чарли: *mentel* (*mental*), *memery* (*memory*), *factery* (*factory*).

Другой ошибкой стало написание *u* вместо *o* перед сочетанием *oth* под ударением, где при чтении возникает звук [ʌ]: *nuthing* (*nothing*), *sumbody* (*somebody*). Очевидно, что в данном случае руководствовались аналогией с написанием *u* в закрытых слогах (как, например, в словах *cut*, *but*, *fun*). Любопытно, что в другом слове – *somthing* (*something*) – автор сохранил *o*, однако не вполне ясно, чем обоснован такой выбор.

Долгий звук [i:] можно передать сочетанием *ee* и *ea* – но строгого правила выбора определённого варианта нет, поэтому приходится опираться только на традицию написания слова и его этимологию. Неудивительно, что у главного персонажа возникают трудности с выбором правильного варианта: *reely* (*really*), *meens* (*means*). То же самое можно сказать и о звуке [ɜ:], образуемом сочетаниями *er*, *or*, *ir*, *ur* и создающем трудности в таких словах, как, например, *wurld* (*world*), *herts* (*hurts*) и т.д.

○ Пропуск гласных (omission of vowels)

Наиболее частотной ошибкой в этой категории стал пропуск гласной *e* в окончании *-ed* глаголов в прошедшем времени: *closd* (*closed*), *passd* (*passed*), *askd* (*asked*), *lookd* (*looked*), *mixd* (*mixed*), *argud* (*argued*). Это можно объяснить тем, что окончание *-ed* чаще всего произносится как [t] или [d] без какой-либо гласной перед ними, и только после глаголов с основой на [t] или [d] это окончание приобретает гласную, наводящую на верное написание, однако Чарли ошибается и здесь, меняя *e* на *i*: *wantid* (*wanted*). Возможно, именно отсутствие немой *e* в конце слов стало причиной того, что Чарли упускал её и при написании начальной формы глаголов (например, *deserv* (*deserve*)). Однако тенденция упускать немую *e* распространилась и на другие части речи, как самостоятельные, так и служебные: например, существительные (*picturns* (*pictures*)), местоимения (*evry* (*every*)), союзы (*becaus* (*because*)) и т.д.

Ещё одной трудностью стали удвоенные гласные, читающиеся, как один звук: *coffe* (*coffee*), *to* (*too*). Однако во втором случае сложность представляет не только написание слова, но и различие его вариантов как разных частей речи, что характеризует её уже не только как орфографическую, но и как грамматическую категорию, что выводит это явление на качественно новый уровень. Рассмотрим примеры:

I want to be smart.

I always faled tests in school and spilled ink to.

They were talking to fast.

Если в первом случае для обозначения инфинитива частица *to* употреблена верно, то во втором эта единица представляет собой наречие *too*, выражающее равную степень проявлений какого-либо качества или явления (в нашем случае персонаж сообщает читателю о неудачах в учёбе и часто

проливаемых им чернилах) и указывающее на их тождественность, а в третьем – на их избыточность, чрезмерность (скорость речи).

Эрративная презентация согласных

Эта группа эрративов менее многочисленна. Возможно, это связано с тем, что грубые нарушения написания согласных сильнее изменили бы облик слова, и оно стало бы более сложным для читателя, что нежелательно, ведь текст итак изобилует трудностями на различных уровнях.

○ Замена согласных (inaccurate consonant representation)

Как было уже сказано, главным ориентиром Чарли становится звуковая форма слова. Но один и тот же звук на письме может быть передан разными буквами, что создаёт трудности: например, звук [k] может быть передан в письменной речи буквами *c* и *k* (*rekemmended (recommended)); звук [dʒ] – буквами *j* и *g* (*intelijence (intelligence)).**

Ещё одна сложность связана с неумением Чарли распознавать слова греческого происхождения, что стало причиной, например, замены диграфа *ph* на *f* (*fotos (photos)*).

○ Пропуск согласных

Наиболее распространённой трудностью в этой группе стал пропуск букв *gh* в триграфе *ght* во второй форме неправильных глаголов, что неудивительно, так как в таком случае произносится лишь финальный звук [t], который Чарли и воспроизводил в своих отчётах: *caut (caught)*, *brot (brought)*, *thot (thought)*, *mite (might)*. В последнем же случае Чарли пользовался аналогией написания *i* в открытых слогах, добавляя после следующей за ней согласной немую *e*, чтобы передать на письме открытый слог. Этот же принцип был применён и при записи слов, принадлежащих к другим частям речи: существительным (*nite (night)*), прилагательным (*rite (right)*) и т.д. Те же сложности возникают и при написании таких диграфов, как *wr*, дающих один звук – [r] (*rite (write)*, *rote (wrote)*), *xc* [ks] (*exited (excited)*) – и удвоенных согласных существительных (*glases (glasses)*), прилагательных (*sily (silily)*) и наречий (*reely (really)*).

Итак, данная типология ошибок позволяет сделать вывод, что наиболее частыми нарушениями спеллинга Чарли являются те, что касаются написания заударной части слова, т.е. графем, обозначающих гласные в фонетически слабой позиции *closd (closed)*, и сочетаний букв, дающих в речи один звук - диграфов (*rote (wrote)*) и триграфов (*rite (right)*). Такие ошибки можно классифицировать как ошибки под воздействием произношения (pronunciation spellings), и причиной их появления становится или незнание персонажем орфографических правил английского языка, или их неуместным или неумелым использованием (*rite (right)*). Однако примечателен тот факт, что даже такой изобилующий нарушениями орфографической нормы текст сложно воспринимать только первое время, так как он поддерживается другими уровнями языка: синтаксическим, морфологическим и – прежде всего – фонетическим уровнем. В то же время совокупность используемых автором

фонетических средств относятся к структурно-невоспроизводимым средствам, представляющим особые трудности для переводчика, поскольку сходные значения закрепляются в разных фонетических комплексах.

Очевиден тот факт, что автор, создавая образ Чарли, не мог ограничиться только его фонетическими искажениями слов, так как все уровни языка между собой взаимосвязаны, и для убедительного изображения речи персонажа ошибки на фонетическом уровне должны поддерживаться нарушениями и на уровне морфологии и синтаксиса.

Список литературы

1. Гордеева Н.М. Речевой портрет и способы его описания [Электронный ресурс] / URL: <http://www.hqlib.ru/st.php?n=101> (дата обращения: 08.10.2017).
2. Гусейнов Г. Введение в эрратическую семантику [Электронный ресурс] / URL: http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (дата обращения: 11.10.2017).
3. Китайгородская, М. В., Розанова, Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995. 128 с.
4. Леорда С. В. Речевой портрет современного студента: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 21 с.
5. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 332 с..
6. Николаева, Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Ч. 2. М., 1991. С. 73–75.
7. <http://www.doyouhear.org.au/wp-content/uploads/2012/06/Strategy-6-Analyse-Spelling-Errors.pdf> (дата обращения: 03.10.2017).

MISSPELLING AS A FIGURE OF SPEECH CREATING A SPEECH PORTRAIT (based on «Flowers for Elgeron» by Daniel Keyes)

D. Gordashnikova

The Zhukov Military Aerospace Defense Academy, Tver

The work is devoted to the character's inaccurate phonographic representation of speech and its peculiarities. It gives a short overview and systemizes all the misspellings according to their nature and frequency.

Keywords: *misspelling, speech portrait, linguistic norm, speech error, spelling.*

Сведения об авторе:

ГОРДАШНИКОВА Диана Сергеевна – преподаватель кафедры иностранных языков Военной Академии Воздушно-Космической Обороны имени маршала Советского Союза Г.К. Жукова, e-mail: deni4ka12345@mail.ru

КОГНИТИВНОЕ ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА ЧЕРЕЗ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ДЕТАЛЬ

А.И. Кривоносова

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматривается когнитивное понимание текста как один из типов понимания, реализующий интеллектуальную сущность человека. На когнитивном уровне понимания реципиент познаёт и осваивает объективно-реальностные ситуации культуры, на которой базируется само когнитивное понимание. Рассматриваются примеры изобразительных деталей, входящих в семантическое поле, которое репрезентируется значениями слов *occupation*, *invasion* и *enemy*.

Ключевые слова: изобразительная деталь, интерпретация текста, когнитивное понимание, концепт, культура, герменевтика.

Интерпретация – одна из фундаментальных операций познавательной деятельности субъекта, состоящая в переводе формальных символов и понятий на язык содержательного знания. В гуманитарном знании – это процедура истолкования текстов. Проблема интерпретации означает следующее: из текста можно извлечь и распределить самые разные смыслы, в зависимости от цели и культурной подготовки интерпретатора. «Смыслы существуют не “в голове” человека, а в культуре общества. В силу этого они выступают как ценности, ценности общественного бытия и общественного сознания» [1].

Г.И. Богин выделил три типа понимания текста: семантизирующее понимание, когнитивное понимание и распремечивающее понимание. Взятые вместе три типа понимания дают возможность овладеть всеми тремя типами ситуаций, которые могут быть представлены в текстах: ситуациями знаковыми (семантизирующее понимание), предметно-реальностными (когнитивное понимание) и идеально-реальностными (распремечивающее понимание). Когнитивное понимание, согласно Г.И. Богину, возникает при преодолении трудностей в освоении содержательности познавательной информации, данной в форме самих единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание [цит. раб.]. На уровне когнитивного понимания реципиент познает и осваивает культуру, а само когнитивное понимание базируется на культуре. Когнитивное понимание выступает мостиком между реципиентом и культурой (всеми накопленными знаниями). «Когнитивное понимание текстов требует оперирования не только значениями, но и смыслами. Без этого понимание ситуации, зафиксированной в тексте, превращается в фикцию» [цит. раб.].

Здесь филологическая герменевтика тесно сближается с когнитивной лингвистикой. Когнитивная лингвистика изучает ментальные процессы, совершающиеся при восприятии, осмыслении и, как следствие, познании действительности сознанием, а также виды и формы ментальных репрезентаций этих процессов. Она занимается исследованием когнитивных процессов, делает выводы о типах ментальных репрезентаций в сознании

человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования. Материалом когнитивистики выступает язык [4].

Семантико-когнитивный подход при изучении текста исследует отношения семантики языка с концептосферой народа, соотношение семантических процессов с когнитивными. Человеческое мышление невербально, оно осуществляется при помощи универсального предметного кода. Из этого можно сделать вывод, что человек мыслит концептами [4]. Когнитивное понимание – это работа с символами, превращающимися в концепт. Концепт есть принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности. Совокупность концептов в сознании человека создает концептосферу, а язык – средство доступа к сознанию человека и, следовательно, его концептосфере. Концепт не существует как таковой, устанавливая признаки, мы моделируем его.

Знания о мире у каждого человека могут существенно различаться. А знания существенным образом отражаются на понимании текста. Из этого следует то, что разные люди могут по-разному понимать один и тот же текст. В распредмечивание смыслов даже самого простого текста вовлечено большое количество знаний о мире. Если знания о языке можно описать, то знания о мире потенциально бесконечны. Главной задачей исследования понимания остается моделирование структуры внутреннего представления текста, отражающей смысл текста.

Художественный текст можно сравнить с творческой лабораторией, где создаются новые совокупности смыслов, представленные в различных моделирующих форматах. Так, в художественном тексте содержится множество разнообразных художественных деталей. Мы полагаем, что художественная деталь в тексте может выступать не только как средство представления знаний о мире, но и как средство создания ситуации затруднения в когнитивном понимании. Поскольку когнитивное понимание соотносимо с типами текстов, построенными с учётом баланса экспликационности и импликационности, то художественная деталь как раз и представляет собой такое средство, сочетающее в себе как «переживаемую объяснённость», так и «переживаемую подразумеваемость».

Рассмотрим художественные детали, используемые при описании пейзажа, входящие в смежные семантические поля с определёнными концептами на примере произведения Дафны Дюморье «Ребекка» (Rebecca) [6].

В первой главе произведения реципиент попадает в роскошное поместье Мэндерли. Все описание представлено от лица главной героини, которая путешествует во сне по своему ныне заброшенному и беззвучному дому. Немаловажными в описании пейзажа оказываются изобразительные детали, описывающие необузданную природу, медленно надвигающуюся и захватывающую поместье. Схожие детали появляются в седьмой главе, когда безымянная героиня впервые попадает в свой новый дом.

Изобразительные детали, описывающие растения, образуют пересекающиеся семантические поля с концептами, репрезентируемыми словами «*occupation*», «*invasion*» и «*enemy*». Несомненно, эти слова можно объединить в одно большое поле с более универсальным концептом «*war*», но мы остановимся на более узких понятиях, используя словарь Cambridge Dictionary (meaning and thesaurus) [5] и ассоциативные словари Visuwords (visual dictionary, visual thesaurus and interactive lexicon) [8], Snappy Words (visual online dictionary) [7].

Occupation (захват)

Значение: a situation in which an army or group of people moves into and takes control of a place.

Тезаурус: aggressor, ambush, attack, beleaguered, besiege, conquer, conquest, engage, engagement, invasion, move in, occupational hazard, occupation military control, onslaught, seize, etc.

Invasion (вторжение)

Значение: an occasion when an army or country uses force to enter and take control of another country; an occasion when a large number of people or things come to a place in an annoying and unwanted way; an action or process that affects someone's life in an unpleasant and unwanted way.

Тезаурус: aggressor, ambush, attack, beleaguered, besiege, conquer, conquest, encroach, engage, engagement, entering, infest, infringe, impinge, intrusion, occupy, seize, siege, spread etc.

Enemy (враг)

Значение: a person who hates or opposes another person and tries to harm them or stop them from doing something; a country, or the armed forces of a country, that is at war with another country; something that harms something else.

Тезаурус: adversary, antagonist, arch-enemy, besieger, foe, frenemy, military/armed service/group, mortal enemy, nemesis, opponent, rival, scalp, trip wire, etc.

Перейдем непосредственно к примерам из текста и рассмотрим слова описывающие поведение и внешний вид природы, окружающей имение, по ассоциативному [8] и толковому словарю [5]:

Первая глава:

Stealthy тайный/скрытный/бесшумный (proowler, sneak, stalker, lying in wait) – taking pains to avoid being observed; waiting in concealment in ambush.

Insidious хитрый/вероломный/коварный/предательский/незаметно подкрадывающийся/действующий втайне (harmfulness, injuriousness, baneful, deadly, pernicious, dangerous, unsafe) – destructiveness that causes harm or injury; exceedingly harmful; causing danger or risk; working or spreading in a hidden and usually injurious way.

Encroach вторгаться/захватывать/нарушать/завладевать (invasion, intrusion, violation, usurpation) – entry to another property without right or permission.

Impediment помехи/затруднение/воинское имущество (impedimenta, obstruction, bar, blockade) – any structure that makes progress difficult: the baggage or equipment that carried by an army.

Struggle бой/сражение/побоище/противоборство/борьба (conflict, battle, fight, contend) – an open clash between two opposing groups; to be engaged in a fight.

Choke задушить/задавить/уничтожить (clog, choke → die, decease, perish, death, dead person) – obstruct, suppress the development, cause to become obstructed.

Enemy to grace (см.выше)

Creep подкрадываться/надвигаться незаметно/ мерзкий человек (sneak in, mouse, pussyfoot, spook) – enter surreptitiously; to go stealthily or furtively; someone unpleasantly strange.

Marching in unison маршировать в унисон (1.marching orders 2.force to march) – 1. from a superior officer troopers to depart; 2. usually prisoners.

Crumpled heads покорёженные головы (damaged, destroyed, spoiled or demolished) – to be harmed or injured.

(1) Vanguard of the (2) army передовой отряд армии (1) army unit, forefront, van (2) army corps, army base, ground forces, regular army.

Alien чужеземец/чужак (foreigner, outlander, estrange, alienate → disaffect) – anyone who does not belong in the environment; arouse hostility in where there had formerly been love and affection.

Prisoner пленник (prisoner of war, prisoner of war camp, captive, hostage) – a person who is confined, especially a person of war.

Uncontrolled неуправляемый/неконтролируемый (rampant, wild, runaway, masterless) – unrestrained and violent; out of control.

Седьмая глава:

Blood-red кроваво-красный (blood, red, crimson, blood-and-guts) smear with blood, as in a hunt initiation rite, where the face of a person is smeared with the blood of the kill; marked by great zeal or violence.

Crimson багровый/алый/красный (red, blood-red, bloody → violent, violence) – characterized by violence or bloodshed.

Slaughterous red кроваво-красный (blood, murderous, bloodthirstiness, crimson, red, violet, bloody, slaughter, mass murder, butcher, gory, sanguinary) – the savage and excessive killing of many people; accompanied by bloodshed.

Mass like battalion сосредоточены подобно батальону (army unit, ground forces, regular army, regiment, military unit/force/group, army corps) – an army unit usually consisting of a headquarters and three or more companies.

Powerful могущественный/властный (potently, strongly, powerfulness) – having great power or potency; possession of controlling influence.

Monster монстр/чудовище (unpleasant/disagreeable person, fiend, devil) –cruel, wicked and inhuman person.

Особенностью когнитивного понимания является его соотношение с ощущениями и восприятием, возникающим у реципиента при непосредственном восприятии текста. Понятие, будучи формой познающего мышления, предоставляет индивиду не смысл отдельных пропозиций, а общий, совокупный смысл. Читатель воспринимает не отдельные слова (детали в нашем случае), а их обобщенное значение в меру своей культурной подготовки [2]. Когнитивное понимание позволяет отнести к представленным в тексте ощущениям как к знаниям о них. Рефлексия проявляется в форме обращения сознания на познавательный опыт.

Снова обратимся к нашему тексту. Детали использованы таким образом, чтобы обеспечить когнитивное понимание некоторого сюжетного хода, отражающего типичную ситуацию определённого культурно-бытового уклада определённой страны: типичная английская природа, типичное английское поместье и то, что обычно происходит с подобным местом после его опустошения и опустения. Внимательно читая, мы понимаем, что поместье Мэндерли не просто запущено, оно как живое существо, некогда тёплое от горящих огней в каминах, дышащее жизнью его обитателей, подверглось

нападению в прямом и переносном смысле. Все представленные детали, описывающие безнаказанно вторгающуюся природу, обладают отрицательной коннотацией. Автор оставляет конец открытым, лишь намекает, используя художественные детали. Реципиент может только догадываться с помощью представленной в тексте семантической информации о том, кто мог поджечь Мэндерли, уцелело ли хоть что-то или все, что мы видели во сне героини, оказалось правдой, и дикая природа одержала верх и взяла под контроль имение. Каждый интерпретатор сможет сделать свой собственный вывод в силу своих фоновых знаний.

Умение когнитивно воспринимать текст – неотъемлемая составляющая интеллектуальной сущности человека [2]. Для понимания текста необходимо осмысление и интерпретация средств языкового выражения (слов, выражений, предложений), способность воссоздавать в сознании словесные образы, умение вести диалог с текстом. Читателю необходим тезаурус (наличие фоновых знаний и опыта), соответствующий представленной в тексте ситуации [3].

Список литературы

1. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн 516 с. / URL: <http://www.psycho.ru>, 2001.
2. Верещагина А.А. Когнитивное понимание текста Психология и социология /7 Общая психология. Материалы конференции, 2012 [Электронный ресурс] / URL: http://www.usnauka.com/10_DN_2012/Psihologia/7_101285.doc.htm (дата обращения 03.10 2017).
3. Загуменкина В.С. Когнитивное понимание художественного текста [Электронный ресурс] / URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24218765> (дата обращения 03.10 2017).
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика М.: АСТ: 2007. 314 с.
5. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] / URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 06.10 2017).
6. Maurier D. Rebecca [Электронный ресурс] / URL: <http://www.readanybook.com/online/14397> (Дата обращения 03.10 2017).
7. Snappy Words (visual online dictionary) [Электронный ресурс] URL: <http://www.snappywords.com> (дата обращения 06.10 2017).
8. Visuwords (visual dictionary, visual thesaurus and interactive lexicon) [Электронный ресурс] / URL: <https://visuwords.com> (дата обращения 06.10 2017).

DETAIL IN TEXT COGNITION

A.I. Krivonosova

Tver State University, Tver

The paper explains text cognition as an integral part of human mental being. On the level of cognition the recipient perceives culture, due to the cognitive representation of cultural background. Examples of descriptive details in overlapping semantic fields with the concepts represented as *occupation*, *invasion* and *enemy* are explored.

Keywords: *detail, text interpretation, cognition, concept, culture, hermeneutics.*

Сведения об авторе:

КРИВОНОСОВА Александра Игоревна – аспирант, ассистент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: alekr88@yandex.ru

ПРОБЛЕМА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Ю.А. Купцова

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматривается перлокуция как речевое воздействие на слушающего. Изучив взгляды ученых по данному вопросу, можно сделать вывод, что перлокуция – весьма сложный и неоднозначный объект для изучения. Более того перлокуция отличается специфическими особенностями, которые затрудняют её изучение.

Ключевые слова: речевое общение, речевое воздействие, перлокуция.

Общение является одним из важнейших социально-психологических механизмов формирования образа жизни, всех протекающих в обществе социально-культурных процессов. В процессе общения происходит усвоение людьми социального опыта, который включается и в повседневную жизнедеятельность.

Речевое общение – это активный процесс вербального коммуникативного взаимодействия его участников (отправителей и получателей информации), который характеризуется определённым мотивом и направлен на осуществление конкретной целевой установки.

В процессе коммуникативного взаимодействия каждый из его участников должен соблюдать правила коммуникативного поведения. Согласно И.А. Стернину [6], коммуникативное поведение – это совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т.д. групп, а также отдельной личности. Это поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума

И.А. Стернин [6] в работе «Модели описания коммуникативного поведения» выделяет вербальное и невербальное коммуникативное поведение. Он утверждает, что вербальное и невербальное коммуникативное поведение человека теснейшим образом связаны друг с другом. Раздельное их исследование может быть только с целью их отдельного изучения и описания.

И.П. Сусов [7] в своей статье «Личность как субъект языкового общения» говорит о том, что в рамках лингвистической философии сформировалась теория речевых актов. В теории речевых актов речевой акт рассматривается как речевое действие, совершённое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в обществе.

В.И. Сергеев [5] в статье «Когнитивные методы в социальных исследованиях» рассматривает обмен речевыми действиями в процессе коммуникации. Он отмечает, что, обмен речевыми действиями не всегда проходит гладко, при обмене речевыми действиями могут возникать проблемы непонимания, незаинтересованности партнёров в общении. Автору сообщения не всегда удается «напрямую» воздействовать на собеседника; он постоянно

«наталкивается» на ограничения, задаваемые «миром» слушающего и данной коммуникативной ситуацией. Поэтому говорящий вынужден продумывать соответствующую стратегию повторения речевого действия, включая такие параметры, как уровень образованности и информированности, социально-ролевые, психологические, профессиональные и другие характеристики. Эти переменные до определённой степени детерминируют стратегию построения речевого воздействия и выбор соответствующих типов обоснования.

И.М. Кобозева [2] в работе ««Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности» отмечает, что ядро теории речевых актов составляют идеи, изложенные Дж. Остином в курсе лекций, прочитанном в Гарвардском университете в 1955 году и опубликованном в 1962 году под названием «Слово как действие». Впоследствии эти идеи были развиты американским логиком Дж. Сёрлем в монографии «Речевые акты» и ряде статей. В обсуждении идей Остина принял участие и известный английский логик П. Ф. Стросон. В работах Остина, Стросона и Сёрля, включённых в сборник [2], с исчерпывающей полнотой отражён тот круг проблем и методов их решения, который можно назвать стандартной теорией речевых актов в отличие от разнообразных её модификаций, появившихся в последнее время.

М.Л. Макаров [3] в статье «Два типа когерентности в организованном общении» делает акцент на том, что на микроуровне общения единицей анализа является индивидуальный речевой акт, который в теории речевых актов занимает место минимальной единицы языковой коммуникации. Субъект (говорящий) при помощи языковых средств воздействует на адресата с целью изменения его состояния.

С.А. Сухих [8] в своей статье «Языковая личность в диалоге» описывает ситуации, когда речевые акты ориентированы на предмет общения. Коммуникация, нацеленная на предмет общения, направлена на решение проблем и задач. Такое общение характеризуется ориентированностью высказываний. Исследователи отмечают признак «рациональности», который демонстрирует осознанность целей, стратегичность речевого поведения, когерентность в развитии темы, связанность речевых вкладов партнеров по общению.

Речевой акт, помимо иллокутивного аспекта, который весьма важен для понимания природы речевого акта, включает в себя также перлокутивный и локутивный аспекты. Эти аспекты также выражаются соответствующими средствами, в частности глаголами. Перлокутивный аспект вызывает целенаправленный эффект и выражает воздействие на поведение другого человека. Цель такого акта состоит в том, чтобы вызвать искомые последствия.

Строго говоря, три типа речевых актов не существуют в чистом виде, в любом из них присутствуют все три момента: локутивный, иллокутивный, перлокутивный.

В.В. Богданов в работе «Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты» [1] описывает различия между перлокутивными и иллокутивными актами. В своей статье он приходит к выводу, что

перлокутивные акты, в отличие от иллокутивных, по существу не являются лингвистическими, так как перлокутивных эффектов можно достичь, не осуществляя вообще какого бы то ни было речевого акта.

Перлокутивный акт, согласно Дж.Л. Остину[4], это акт, вызывающий целенаправленный эффект воздействия на чувства и мысли воспринимающих речь людей.

И.А.[Стернин 6] понимает под речевым воздействием воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели.

Перлокуция речевого акта как речевое воздействие на слушающего может быть вербальной и невербальной. При вербальной перлокуции особенности голоса могут влиять на восприятие адресатом получаемой информации и на квалификацию передаваемого сообщения, придавая сообщению определенную аксиологическую или экспрессивно-стилистическую окраску. Голос служит мощным инструментом воздействия, убеждения, подавления, им можно продемонстрировать разнообразные чувства и отношения. Голосом передается не только актуальное внутреннее состояние говорящего, но и отношение его к адресату или к реплике. При невербальной перлокуции жесты, мимика будут воздействовать на чувства и эмоции воспринимающих речь людей.

Перлокуция как речевое воздействие на слушающего отличается целым рядом специфических особенностей. Например, она не подчиняется конвенциям языка, так как язык не предписывает адресату определённой реакции в ответ на речевое воздействие говорящего. Множественность и непредсказуемость перлокуций создаёт большие трудности для их изучения.

В.В. Богданов [1] в своей статье рассматривает трудности изучения перлокуций. Он отмечает, что трудности изучения перлокуций не всегда связаны с особенностями и непредсказуемостью перлокуций. Трудности в изучении перлокуций возникают из-за того, что лингвистическая теория, в частности прагматика, не может сформулировать такие правила, которые обеспечивали бы 100%-ную реализацию перлокуций в соответствии с речевыми актами. Однако прагматика может и должна указать те средства, которые позволяют повысить вероятность того, что планируемый говорящим перлокутивный эффект действительно осуществится.

Список литературы

1. Богданов В.В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты. Ленинградск. ун-т, Ленинград, 1990. 87 с.
2. Кобозева И.М. Вступительная статья. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. Москва, 1986. С.7–21.
3. Макаров М.Л. Два типа когерентности в организованном общении// Личностные аспекты языкового общения: сб. науч. тр. / под ред. И.П. Сусова и др. Калинин, 1989. С.98–103.

4. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. Москва, 1986. С.22–130.
5. Сергеев В.И. Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия. Москва, 1987. С. 3–20.
6. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2000. С.3–6.
7. Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения: сб. науч. тр. / под ред. И.П. Сусова и др. Калинин, 1989. С.9–16.
8. Сухих С.А. Языковая личность в диалоге // Личностные аспекты языкового общения: сб. науч. тр./ под ред. И.П. Сусова и др. Калинин, 1989. С.82–87.

THE PROBLEM OF VERBAL INFLUENCE

J.A. Kuptsova

Tver State University, Tver

Perlocution as verbal influence is considered in this article. Analysis of research literature shows that perlocution is a very complex and ambiguous object for study. Moreover it has specific features that make perlocution research difficult.

Keywords: *verbal communication, verbal influence, perlocution.*

Сведения об авторе:

КУПЦОВА Юлия Александровна – магистрант факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, e-mail: julie.kuptsova@mail.ru.

КОНТЕКСТ КАК СРЕДСТВО СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

М.В. Оборина

Тверской государственной университет, Тверь

В статье представлено осмысление опыта интерпретации и перевода текста повести А. Платонова с помощью контекстов, развёрнутых в образах и описаниях. Средства образности уточняют контекст, отмечают существенные его черты. Выдвигается предположение о принципиальной доступности смыслов иной культуры. Смыслы текста существуют в нём объективно, но не в качестве означаемого при установленном знаке.

Ключевые слова: образность, контекст, перевод, культура, герменевтика, смысл, идентичность.

Для филологической герменевтики контекст является механизмом создания и расширения горизонта читателя. Идеальное содержание текста представлено единственно доступным текстом способом – в образах. Основное средство образности – производство контекстов, в которых реализуется образность каждого слова, конкретность каждой познавательной ситуации, субъективная значимость каждой идеи. Контекстуальность в отличие от ситуативности является гарантией самоидентичности текста как при интерпретации в собственной культуре, так и в переводах на другие языки. Ситуативность же прочтения присутствует в виде той переменной, которая привносится каждым интерпретатором (читателем). Эта ситуативность определяет экспектации реципиента и обусловлена степенью субъективной понятности текста, исторической ситуацией чтения, субъективностью коллективного реципиента и предпочтениями индивидуального реципиента (см.: [1]). По словам Р. Якобсона, «искусственная трактовка сообщений без обращения к предполагаемому контексту ... подтверждает неправомочность превращения простой части в кажущееся самостоятельное целое. Нужно учитывать зависимость сообщения от ситуации, относящейся к данному моменту времени, когда речевое событие “пространственно включено” в целое “с пространственной протяжённостью”» [6: 304].

Согласно Р. Якобсону, «весь познавательный опыт и его классификацию можно выразить на любом существующем языке. Там, где отсутствует понятие или слово, можно разнообразить и обогащать терминологию путём слов-заимствований, калек, неологизмов, семантических сдвигов и, наконец, с помощью парафраз» [5: 19]. То же самое можно сказать и о грамматических структурах: «Отсутствие в языке перевода какого-либо грамматического явления отнюдь не означает невозможности точной передачи всей понятийной информации, содержащейся в оригинале.<...> В своей когнитивной функции язык минимально зависит от грамматической системы языка, потому что определение нашего опыта находится в комплементарном отношении к металингвистическим операциям; когнитивный уровень языка не только

допускает, но и прямо требует перекодирующей интерпретации, т.е. перевода. Предполагать, что когнитивный материал невозможно выразить и невозможно перевести – значит впадать в противоречие» [цит. раб. 22]. Языковые средства позволяют постичь неизвестное благодаря разворачиванию контекстов в комментарии, объяснении, образности независимо от того, идёт ли речь об одном языке или о разных языках.

Коммуникация между разными культурами происходит посредством обмена текстами, как устными так и письменными. Через этот обмен – перевод – люди знакомятся не только с новыми языками, но и с новыми способами освоения мира. В то же время такое же освоение другого языка и другого способа когниции происходит и в ходе чтения текста на родном языке. Связь языка и культуры (как коллективной, так и индивидуально присвоенной) является очень тесной и всегда может быть усмотрена в тексте. Перевод и сам всегда включён в контекст отношений между культурами, способами мышления и видения мира. П. Ньюмарк (P. Newmark) [8: 183–185] пишет, что язык, отчасти, и есть отражение культуры. Можно пойти дальше и сказать, что язык есть также осмысление (в том числе и для себя) этой культуры. При этом межъязыковой перевод стремится наиболее точно изучить представленную в тексте оригинала культуру для наиболее адекватного воссоздания её на языке перевода. А значит – любая культура очень многим обязана переводу. Так, в истории немало случаев межкультурного переноса целых жанров литературы. Вместе с тем, перевод наиболее ярко подчёркивает сложность и разнообразие языкового представления мира в текстах различных видов словесности (жанров). Кроме того, перевод нередко выступает инструментом оценивания качества текста.

Мы часто используем выражение «переводимая и переводящая культуры», подчёркивая роль языка и текста в представлении культуры (хотя, вне сомнения, эти отношения гораздо более сложные и не однонаправленные). Нас не удивляет сложность понимания культуры, значительно отстоящей от нас в пространстве и времени, но даже в пределах взаимодействия однонациональных культур, не разнесённых далеко во времени, и культур, относимых к одному западному или восточному типу, возникают проблемы восстановления контекстов. Язык, укоренённый в культуре, имеет собственную индивидуальность и воспринимается его носителями как часть этой культуры. Таким образом, различие между языками лежит не только и не столько в системе языка.

Способность человека к рефлексии над собственным опытом и собственным пониманием делает возможным освоение всех типов ситуаций (от знаковых до объективно-реальностных и субъективно-реальностных) [1]. Возникающие при чтении герменевтические ситуации – непонимание, связанное со свёрнутостью контекста. Свёрнутость контекста осуществляется разными средствами и связана с реализацией свойственных данному типу текста тенденций текстопостроения. Ситуации непонимания знаковых ситуаций разрешаются различными способами расширения контекста,

направленными на увеличение избыточности путём перефразирования, расширения описательности, использования повторов и синонимии. Непонимание на уровне объективно-реальностных ситуаций (познавательных ситуаций) разрешается расширением контекста, направленным на увеличение эксплицированности (субъективной понятности) текста – введение комментариев, уточнения детализации, сравнения, иллюстрирования, других способов увеличения разнообразия. Непонимание, возникающее на уровне субъективно-реальностных ситуаций, может быть преодолено только за счёт восстановления или построения смыслов на основе контекста, порождённого ситуацией деятельности автора (см. определение смысла Г.П. Щедровицким как всех связей и отношений в ситуации деятельности) [7]. Такие контексты имеют субъективно ситуативную природу, но при этом остаются объективно контекстуальными и укоренёнными в образах текста. Восстановлению контекста способствуют приёмы актуализации. Часто все три типа понимания задействуются одновременно и опираются друг на друга, например, контекст уточнения актуального смысла слова входит в когнитивный контекст освоения ситуации и субъективно значимый контекст. Содержания, являющиеся объектом когнитивного понимания, доступны вне зависимости от текстовой формы. Но использованный ими конкретизируемый образ со всеми своими гранями, выводит к смыслам при актуализации формальных средств. Вербализованный и невербализованный контексты образуют единую художественную реальность, составляющую горизонт текста и становящуюся доступной реципиенту.

Если языки как культуры противопоставлены системами национально-языковых значений, то потенциальные, реализуемые в строящихся контекстах системы смыслов (художественных, нравственных и прочих идей) делают тексты в различных культурах и сами культуры взаимопонятными и взаимодоступными (см.: [1]).

Пространственно-временные границы сообщения расширяются до границ культуры, так как язык не может быть интерпретирован как изолированное и герметически закрытое целое, а должен рассматриваться одновременно и как целое, и как часть (*signum* как целое, а *signans* и *signatum* – как его тесно сопряженные части) (см.: [6: 304]). Важной структурной особенностью языка является то, что ни на одной из стадий расчленения высших единиц на составляющие их части невозможно встретить фрагменты, которые не несут никакой информации, что является проявлением принципа достаточности языковой формы и закона универсальной субститутивности [4]. Вместе с тем, тенденции текстопостроения реализуются на языковом уровне, но их универсальный характер позволяет им проявляться в любом языке и в любой культуре. При достижении некоторого критического числа средств реализации текстообразующих тенденций, эти средства становятся носителями смыслов, доступными реципиентам независимо от меры отдалённости языков и культур. Контексты культуры, таким образом, взаимопроницаемы.

Соотношение частей и целого должно использоваться и при интерпретации текста. Обращение к ним имеет форму герменевтического круга и направлено как в сторону целого (выбор жанров и иных конструктов), так и в сторону частного (тенденций текстопостроения, элементов достаточности речевой формы).

Художественные тексты являются не отражением действительности, а её творением. Самые сложные типы понимания текстов восходят (хотя и не сводятся) к освоению знаков обыденного языка: текст закрепляет в языковых формах модель отношений действительности, точнее – освоение её человеком. При этом слово как слово и слово как метасмысл, т.е. вместилище многочисленных контекстуальных (актуальных, потенциальных) смыслов, иногда не различаются, хотя метасмысл, закреплённый словом обыденного языка, в смысловом отношении всегда богаче слова, употреблённого в тексте (см.: [2, 3]). Слово текста представляет лишь одну его грань, а слово как метасмысл – и другие его грани, не номинированные в тексте этим словом. Распредмечивающее или феноменологическое понимание построено на распредмечивании идеальных реальностей, презентуемых не только средствами прямой номинации, но опредмеченных в средствах текста. Оно позволяет «восстановить системомыследеятельностную ситуацию и мир смыслов продуцента текста», иными словами – *Erlebnis* автора; но восстановление это идёт через *Erlebnis* читателя [1].

Рассмотрим возможные сценарии воссоздания и построения контекстов при преодолении непонимания в разных герменевтических ситуациях на примере перевода / интерпретации текста повести А. Платонова «Сокровенный человек». Прежде всего, отметим, что само название повести поддаётся осмыслению и переводу только в контексте достаточно осмысленной и объёмной дроби текста (напомним, что дробью текста называют отрывок, размеры которого позволяют говорить о частичной целостности и законченности, образованных микроконтекстом). В начале первой главы повести описаны трудовые будни Пухова, который есть одновременно и главный герой повести, и рассказчик, чьё видение составляет основу нарратива, перемежаясь с точкой зрения внешнего рассказчика, комментирующего поступки и мысли главного героя. Довольно сложная специфическая среда обитания Пухова представлена глазами героя как обыденная и не требующая явных и пространных объяснений как таковых. Вместе с тем, объективно-реальностьная действительность текста далека не только от культурных иноязычных реципиентов (к опыту работы с которыми я обращаюсь в своём исследовании), но и от реципиентов-носителей языка, не имеющих отношения к конкретной профессиональной области. При этом, идеальные реальности текста усматриваются вне зависимости от ситуаций непонимания в знаковых или объективно-реальностных (когнитивно-познавательных) ситуациях. Текст Платонова представляет собой особый жанр текста и по выбору образа автора, и по смешению языковых регистров и видов словесности. Выбор формы подлежащего индивидуации текста является значимым для преодоления

непонимания субъективно-реальностной ситуации – идеальной реальности текста.

Рассмотрим несколько примеров, которые представляли сложность для понимания и потребовали разворачивания разных видов контекстов. Выделение жирным шрифтом сделано для наглядности последующих объяснений. Примеры взяты из первой главы повести по изданию [9].

(1) Начальник дистанции сел на круглый стул у выпуклого окна, откуда он управлял всей работой паровоза и снегоочистителя, а Пухов стал у балансира. Рабочие тоже встали у своих мест, у больших рукояток, посредством которых по балансиру быстро перекидывался груз — и балансир то поднимал, то опускал снегобросный щит.

(2) Паровоз крикнул, машинист открыл весь пар, а Пухов передвинул оба рычага, опуская щит с ножами и развертывая крылья. Сейчас же снегоочиститель сдал скорость и начал увязать в снегу, прилиная к рельсам, как к магнитам.

(3) Остальные люди на паровозе и на снегоочистителе грубо выразались на каком-то самодельном языке, сразу обнажая задушевные мысли. — Пару мало! Пошуруй топку и просифонь, чтоб баланец загремел, — тогда возьмем! — Вдруг бешено заревел баланс паровоза, спуская лишний пар.

(4) Пухов рванул рычаг и поднял щит. Подъезжали к переезду, где лежали контррельсы. Такие места проезжали без работы: щит снегоочистителя резал снег ниже головки рельса и не мог работать, когда у рельса что-нибудь находилось — тогда снегоочиститель опрокинулся бы. Проехав переезд, снегоочиститель понесся открытой степью.

(5) Снегоочиститель, имея жесткие рессоры, гремел, как телега по кочкам, и, ухватывая снег, тучей пушил его на правый откос пути, трепеща выкинутым крылом; это крыло назначено было швырять снег на сторону — то оно и делало.

(6) Паровоз брал воду, помощник машиниста чистил дымовую коробку, топку и прочее огневое хозяйство.

В примере (1) слово «балансир», незнакомое как носителям, так и не носителям русского языка, становится центром притяжения ситуации и объясняется путём иллюстративного описания и повтора слова в разных ситуациях действия: это нечто большое (возле него можно встать, он управляется большими рукоятками, требует работы нескольких человек, сложной системы управления, он связан с работой некоего снегобросного щита). Иллюстрация работы балансира способствует и когнитивному освоению ситуации посредством воссоздания контекста коллективной работы приведения в действие механизма. Идеальностный контекст связан как с когнитивным, так и со знаковым – рабочие и оборудование представлены как части одного механизма. Балансир приобретает черты живого существа (метафорическое олицетворение – действия балансира кажутся самостоятельными в параллельных структурах), а рабочие и Пухов перечислены в ряду всех остальных железных механизмов. Кроме того, смыслообразующий контекст подкрепляется использованием просторечной формы «стал» наряду с формой «встал» – имплицитно смысл «привычное действие».

(2) Работа снегоочистителя описана в последовательности действий («передвинул», «опуская», «развёртывая»), что позволяет представить себе функциональное назначение и строение снегоочистителя. Это важно при

подборе соответствующих лексических единиц в переводе, поскольку проблема состоит не в знаковой ситуации, а в ситуации объективной реальности – необходимо знать: как работает прибор, чтобы адекватно перевести названия его частей. Создаваемый контекст прежде всего когнитивно значим и иллюстрирует работу, действия людей и машин. Помимо объективно-реальностной ситуации понимания требует идеально-реальностная ситуация – паровоз «кричит», снегоочиститель «развёртывает крылья» и «прилипает к рельсам как к магнитам». Образ прикладывающих усилия к выполнению работы снегоочистителя и паровоза уточняется олицетворением и созданием атмосферы напряжённого действия, с быстро меняющимися событиями в паратактической организации абзаца.

(3) Прямая речь рабочих (их «задушевные мысли») содержит просторечные и не вполне понятные слова, смысл которых проясняется только в контексте развивающихся событий. Просторечный «баланец» синонимически передаёт значение «баланс», описание действий которого, в свою очередь, позволяет понять принцип работы, а предлагаемый рабочими способ справиться с проблемой выводит к смыслу употреблённого в данной ситуации слова (хотя и не к его семантизации). Идеальностная ситуация задаётся авторской точкой зрения, сопологающей комментарий и прямую речь героев в одном контексте – смысл «простота, искренность и полное слияние людей с вверенным им делом». Олицетворение при описании работы баланса вновь подчёркивает симбиоз людей и машин.

(4) Паратаксис при описании прохода через переезд конкретизирует рабочую атмосферу (короткие предложения, подробное и детальное пояснение образуют контекст субъективно значимой ситуации, каждая деталь которой существенна для героев). Олицетворение и попеременные действия людей и машин в одном контексте снова подчёркивают их симбиоз.

(5) Детальное описание работы снегоочистителя конкретизирует когнитивную ситуацию, расширяя её до внешнего контекста (снег, степь, пути). Метафорические олицетворения («гремять», «ухватывать», «назначено», «трепеща ... крылом») и эпитеты («выкинутое крыло») делают механизм сотрудником-соратником людей. Смысл «добросовестность» и «старание» не является предьявлением готовой и привычной субъективной черты. Этот смысл не существует в качестве означаемого при каком-то установленном знаке, а появляется в результате рефлексии читателя над разворачивающимися контекстами и своим пониманием.

(6) Действия людей и машин в ситуации остановки работы представлены как параллельные (параллельные конструкции, олицетворение, перечисление и метафоризация). Контекст конкретизирует понятие «дымовой коробки» как части «огневого хозяйства», близкого к топке. Детализация описания помогает освоить реальностную ситуацию. Идеально-реальностная ситуация продолжает смысл «совместности деятельности машин и людей» не только в работе, но и на отдыхе.

Художественное освоение мира является не просто когнитивно ценным, но и субъективно значимым, ценным опытом индивида. Все средства образности от эпитета до метафоры основаны на конкретизации, детализации контекста. Так, эпитет как образное определение отмечает существенную для данного контекста черту в изображаемом явлении; синонимы (в том числе контекстуальные) позволяют уточнять мысль и передавать её различные смысловые оттенки. Кроме того, синонимия уточняет и детализирует знаковый контекст, вербально эксплицирует когнитивный контекст и создаёт субъективно-реальностный образный контекст. Метафоры в тексте также повышают объяснённость ситуации за счёт образного представления смыслов и выявления новых, субъективно переживаемых аспектов смысла. Вид словесности текста оригинала также играет существенную роль в переводе. Отсутствие того или иного вида словесности в языке перевода при его наличии в языке оригинала осложняет понимание и работу переводчика. Тем не менее, все усмотренные при помощи расширяемых контекстов смыслы и будут составляющими жанра текста при его переводе. Учитывая, что жанр всегда индивидуален, язык не станет препятствием в переводе текста определённого жанра на другой язык, поскольку такие метасредства, как тенденции текстопостроения и их баланс, важнее принадлежности текста к тому или другому языку.

Список литературы

1. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику [Электронный ресурс] / URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/bogin_obretenie (дата обращения: 20.03.2016).
2. Кубрякова Е.С. Герменевтика и проблема понимания отдельных языковых единиц // Понимание и рефлексия. Материалы Третьей Тверской герменевтической конференции. Тверь: ТГУ. 1993. Ч.1. С. 137–141э
3. Литвинов В.П. Феномен слова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2009. № 29. С. 101–119.
4. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Саратов. ун-т, 1985. 210 с.
5. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.
6. Якобсон Р. Часть и целое в языке // Р. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 301–306
7. Щедровицкий Г.П. Смысл и значение // Щедровицкий Г.П. Проблемы семантики. М.: Наука, 1974. С. 76–111.
8. Newmark, P. Approaches to translation.. Pergamon. UK. P. 1981. 200 p.

Источник примеров:

9. Платонов А. Повести и рассказы. М.: Советская Россия. 480 с.

CONTEXTUAL RECONSTRUCTIONS IN INTERPRETATION

Marina V. Oborina
Tver State University, Tver

The paper analyzes the expertise of text analysis and translation of a story by A. Platonov. The interpretation was assisted by the contextually supported images and descriptions. Imagery serves to the specification of context, identification of its key features. The important statement of the essential accessibility of ideas by alien cultures is put forward. Ideas (in the form of their smallest units – senses) exist in the text as objective entities but they are not signified directly.

Keywords: *philological hermeneutics, comprehension, imagery, translation, culture, identity.*

Сведения об авторе:

ОБОРИНА Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: mobor@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ И ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА С ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

С.А. Чугунова

Брянский государственный университет, Брянск

Предпринимается попытка с помощью психолингвистического эксперимента сопоставить коммуникативные эффекты, производимые текстом оригинала (ИТ) и текстом перевода (ПТ). Это обусловлено тем, что, как правило, рассуждения о качестве перевода с привлечением понятий коммуникативного эффекта и адекватного перевода не выходят за рамки теоретических построений. Эксперимент с использованием метода семантического шкалирования с опорой на метод семантического дифференциала Ч. Осгуда проводился на материале политических лозунгов.

Ключевые слова: качество перевода, коммуникативный эффект, адекватный перевод, психолингвистический эксперимент, семантическое шкалирование, политический лозунг.

Проблема качества межъязыкового перевода (Translation Quality Assessment) не является исключительно современной проблемой, однако вплоть до начала XXI в. обзоры научной литературы по этой теме (см., например, [26]) обнаруживают преимущественно описательный или теоретический характер большинства исследований, концентрирующихся на таких вопросах, как:

- определение критериев для так называемого «хорошего» перевода [21];
- обсуждение природы переводческих ошибок с включением таких аспектов, как: переводческие ошибки против языковых ошибок [19]; составление каталога возможных переводческих ошибок [16]; учёт не только языкового, но и прагматического уровня знаковой ситуации [18];
- рассмотрение проблемы качества перевода в связи с текстуальным анализом [20];
- оценка качества перевода с опорой на психолингвистическую теорию «фреймов и сцен» (scenes and frames) [24].

Эмпирические исследования оказываются в меньшинстве, однако справедливости ради следует заметить, что в последнее время ситуация начала кардинально меняться: появляется всё больше изысканий, в центре внимания которых оказывается не текст, а продуцирующий и понимающий его человек. Ведь очевидно, что «знаки не переводят сами себя, а переводчик если и медиатор – то креативный» [9: 108].

Так, в рамках теории переводческого пространства [6], которое имеет полевую структуру и объединяет шесть пересекающихся полей, анализируется специфика той или иной переводческой ситуации (например, устный перевод versus письменный) и, следовательно, всего переводческого пространства в зависимости от формирующихся в них смыслов. Три из шести полей соотносятся с субъектами переводческой ситуации (автором, переводчиком и реципиентом перевода), остальные три являются текстовыми полями (содержательное, энергетическое, фатическое). При этом оценка качества

перевода всегда осуществляется его реципиентом. В связи с этим интерес представляют данные об ожиданиях реципиентов-слушателей в отношении качества перевода: большинство потребителей перевода (96%) ставят на первое место по значимости смысловую точность и полноту текста перевода (далее – ПТ); на второе место (84%) выдвигается условие недопущения приукрашивания переводчиком оригинала, или исходного текста (далее – ИТ); на третьем месте (75%) оказывается передача основных мыслей оригинала; далее (69%) отмечается раздражение из-за неуверенности переводчика и незаконченных фраз, тогда как опущение незначительных деталей вполне допустимо; часть реципиентов ПТ (67%) видят необходимость в идентификации переводчика с автором сообщения. Вместе с тем, обращение к индивиду показывает ([15]), что требования к качеству перевода могут быть обусловлены признаками, конституирующими социальную идентичность реципиента: национальной, возрастной, гендерной, профессиональной и другими принадлежностями.

В работе [14] автор также уходит от традиционного сопоставления ИТ и ПТ и сосредотачивается на изучении переводческой компетенции как процесса, привлекая материал англо-арабских переводов, полученных от 38 информантов из четырёх групп с разным уровнем профессиональной подготовки. Анализ каждого ПТ по десяти критериям, таким как: коэффициент лексической вариативности (*lexical variety ratio*), средняя длина слова (*average word length*), опущение слов (*words omitted*) и другие, позволил установить существование трёх независимых факторов, определяющих переводческую компетенцию: умение соотносить план выражения с планом содержания (*lexical coding of meaning*), общее знание языка перевода (*global target language competence*), умение производить лексический перенос из исходного языка на язык перевода (*lexical transfer competence*).

Исследования показали, что переводческая компетенция предполагает формирование двух независимых навыков (компетенций), представляющих собой соблюдение следующих условий: 1) соответствие (*accuracy*) содержания ПТ содержанию ИТ и 2) качество выражения в ПТ [25]. Обе компетенции соотносятся с двумя категориями переводческих ошибок, к которым добавляется еще одна, о чём свидетельствует применение метода анализа ошибок (*error analysis*). Первая категория включает ошибки, свидетельствующие о дефектах понимания ИТ: искажение смысла (*contresens*), ложные друзья переводчика (*faux sens*), нелепицы (*nonsense*), добавления, опущения, нераскрытая экстралингвистическая информация (*unresolved extralinguistic references*), десемантизация (*loss of meaning*), а также несоответствие типов языкового варьирования (регистр, стиль, диалект и т.д.). Вторая группа ошибок отражает недочёты в ПТ в плане выражения: орфографические, лексико-грамматические, стилистические ошибки, а также ошибки на уровне текста (к последним, как известно, относятся нарушения смысловой цельности и последовательности изложения, абзацного членения текста, речевой связности предложений и смысловых частей текста). Третья

категория раскрывает неудачи в передаче основной и/или дополнительных функций ИТ [26].

В переводоведении понятие функции текста связывается с такими понятиями, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект, установка на адресата. Коммуникативный эффект, или воздействие сообщения на его получателя, представляет собой «производное от функции текста» и «способа реализации коммуникативной интенции автора» [8: 121]. Задача переводчика видится в том, чтобы «обеспечить максимальное сходство коммуникативных эффектов, производимых ИТ и ПТ на своих получателей» [там же]. Именно это понимание вкладывает Ю. Найда в понятие динамической эквивалентности, превосходящей по значимости формальную эквивалентность, если говорить о качестве перевода. Несмотря на высокую вероятность сбоев в коммуникативном акте, особенно когда между автором и получателем сообщения появляется посредник – переводчик, коммуникативная цепочка «*коммуникативная интенция (автор) → коммуникативная функция (текст) → коммуникативный эффект (реципиент)*» всегда остаётся в той же последовательности. Определённым образом репрезентированные содержание и форма текста позволяют реализовать коммуникативное намерение автора и произвести на получателя текста соответствующий коммуникативный эффект. Другое дело, что коммуникативное воздействие, произведённое на реципиента ИТ, может по разным причинам не совпадать с коммуникативным воздействием, произведённым на реципиента ПТ. Считается, что при переводе научного текста или документа означенные коммуникативные эффекты, как правило, максимально соответствуют друг другу, и степень переводимости текстов данных функциональных стилей одна из наибольших. Сложнее дело обстоит там, где вмешиваются образность, аффективность, метафоричность, авторские окказионализмы, лингво-культурные реалии и т.п. [там же: 121–123].

Поскольку в большинстве случаев рассуждения о качественном переводе как обеспечивающем сходный с ИТ коммуникативный эффект не выходят за рамки теоретических построений, было решено экспериментальным путём сравнить оба результата – эффект, производимый ИТ на носителя языка, с эффектом, производимым ПТ. В качестве экспериментального метода использовался метод семантического дифференциала Ч. Осгуда (1952 г.) в модифицированном варианте, позволяющий измерять латентное отношение к рассматриваемому объекту. В качестве материала исследования были отобраны 10 политических лозунгов партий, участвовавших в выборах 2016 года в Государственную Думу Российской Федерации. Участниками эксперимента выступили студенты бакалавриата 1 и 3 курсов факультета иностранных языков Брянского госуниверситета в количестве 18 человек в каждой группе, обучающиеся по направлению «Лингвистика» и профилю «Перевод и переводоведение». Исследование проводилось в рамках выпускной квалификационной работы [5] (ранее предпринималась попытка исследовать эффективность лозунгов президентской кампании 2016 г. в США через оценочное восприятие индивида [4; 10; 11]).

Политический лозунг (слоган, девиз), относящийся к агитационной разновидности политической рекламы, представляет собой прототипичный жанр политического дискурса: он выполняет регулятивную функцию в различных её аспектах, является непосредственным инструментом политической борьбы и занимает ведущее место в политической коммуникации «граждане ↔ институт». Лозунг определяется как «призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачу, требование» [1]. Лозунг занимает промежуточное положение между отдельным словом и полноценным предложением [7: 274], его основными содержательными характеристиками являются: тематическая однофокусность (постулируется одна идея); максимальная эксплицитность смысла; упрощённая подача проблемы; простые и выразительные образы; злободневность; чёткая идеологическая маркированность; эмоциональность. Лапидарность, суггестивность и энергетика лозунга во многом достигаются за счёт особенностей его синтаксической и фонетической структур: текст, как правило, состоит из одного предложения, при этом преобладают простые утвердительные предложения; значителен удельный вес безглагольных конструкций и назывных фраз; используются ритм, рифма и аллитерация; через постоянное повторение ключевых слов декларируются наиболее выигрышные стороны политического (идеологического) «товара» [13: 40] – со ссылкой на [17; 23]. Также широко распространены так называемые лозунговые слова: *свобода, равенство, справедливость, демократия, мир, отечество*. С одной стороны, приветствуются новизна формы и языковая игра; с другой стороны, значение приобретает актуализация стереотипов через обращение к речевым штампам и клише [13: 346, 348–357]. Несмотря на то, что чаще лозунг составляет отдельный завершённый текст, который может получить статус прецедентности и войти в число жанров политической афористики, автономность лозунга относительна, и он содержательно согласуется с текстами других жанров определённого политического события. Специалисты по политической рекламе считают, что основным условием успешности предвыборного лозунга является его непротиворечивость по отношению к ключевым положениям рекламной кампании кандидата [13: 344–345] – со ссылкой на [22].

Указанные свойства политического лозунга позволили составить шесть семантических шкал, в соответствии с которыми на первом этапе эксперимента студенты 3 курса факультета иностранных языков – носители русского языка должны были оценить предъявленные им лозунги российских политических партий и движений:

Единая Россия – сильная Россия! («Единая Россия»); *Свобода, закон, порядок!* («ЛДПР»); *Россия, труд, народовластие, социализм!* («КПРФ»); *Наш выбор – новый социализм!* («Справедливая Россия»); *Десять сталинских ударов по капитализму и американскому империализму* («Коммунисты России»); *Свобода. Уважение. Ответственность.* («Яблоко»); *Патриотизм выше политики* («Патриоты России»); *Природе нужен твой голос!* («Зелёные»); *Рост будет!* («Партия Роста»).

Бесспорно, все эти примеры содержат признаки, способствующие основной цели – сделать лозунг ярким, понятным, убедительным и хорошо запоминающимся. Практически все они лаконичны, максимально эксплицитны по смыслу и по большей части стереотипны – призывают к патриотизму, ответственности, акцентируют главные идеологические ценности, напоминают о славном прошлом. Однако наиболее удачным, с нашей точки зрения, следует признать лозунг «Единой России» – и по содержательной, и по формальной составляющей. Таким же простым, незатейливым, ритмичным, легко запоминающимся благодаря ассонансу и в то же время эксплуатирующим высокие патриотические чувства американского электората был слоган Дональда Трампа *Make America Great Again* в президентской кампании 2016 г.: ср. *Сильная Россия – great America*. Любопытно, что в нашем предыдущем эксперименте лозунг Трампа набрал наибольшее количество положительных оценок испытуемых, за ним следовал лозунг Хилари Клинтон, причём эксперимент проводился в разгар политической борьбы, когда не было ясно, что именно эти кандидаты выйдут на финишную прямую [4; 10; 11].

Оценочными семантическими шкалами выступили антонимичные пары: «хороший – плохой»; «сильный – слабый»; «активный – пассивный»; «простой – сложный»; «умный – глупый»; «приятный – неприятный». При этом левый полюс каждой шкалы ассоциировался с положительной оценкой (+), а правый – с отрицательной (–); испытуемые также имели возможность оценить стимул как нейтральный (0). После этого каждому испытуемому предлагалось перевести все стимулы на английский язык. Несмотря на то, что перевод грамматики и лексического состава стимулов не предполагал каких-либо трудностей, испытуемым разрешалось пользоваться словарём. На втором этапе эксперимента студенты 1 курса факультета иностранных языков должны были оценить англоязычные переводы согласно тем же семантическим шкалам.

Сравнение должно подтвердить или опровергнуть рабочую гипотезу, т.е. продемонстрировать несовпадение коммуникативных эффектов ИТ и ПТ. Дополнительной гипотезой 1 служит предположение о том, что переводы должны получить больше нейтральных оценок, чем оригиналы, поскольку родной язык и иностранный язык, а следовательно текст на родном языке и текст на иностранном языке оказываются для индивида в разных весовых категориях, особенно учитывая искусственный, учебный, а значит ограниченный характер билингвизма наших студентов (*classroom bilingualism*), который совсем не гарантирует переход количества в качество (о проблемах теории учебного двуязычия см. [2; 3]). Кроме того, студентам должна быть знакома фоновая, экстралингвистическая ситуация на политическом небосклоне России, хотя преподавательский опыт подсказывает, что очень небольшой процент современной молодёжи не безразличен к политике. В продолжение гипотезы 1 дополнительной гипотезой 2 является также предположение о том, что ИТ должны набрать больше положительных оценок, чем ПТ по причине того, что над созданием стимулов на русском языке (Я1) трудились профессионалы, политтехнологи, а их перевод на английский язык

(Я2) осуществляли студенты, хотя и с хорошим уровнем владения Я2, но всё же только обучающиеся ремеслу перевода. Общий результат по оцениванию оригиналов и их переводов сведён в таблицу (см. таблицу).

Таблица. Суммарные результаты восприятия стимулов и их переводов

Стимул	Оригинал (ИТ)			Перевод (ПТ)		
	Оценки:	+	0	-	+	0
1. <i>Единая Россия – сильная Россия!</i>	74	28	6	56(70)	43(35)	15(9)
2. <i>Свобода, закон, порядок!</i>	53	39	16	75	35	4
3. <i>Россия, труд, народовластие, социализм!</i>	23	59	26	35	44	35
4. <i>Наш выбор – новый социализм!</i>	29	57	22	27	61	26
5. <i>Десять сталинских ударов по капитализму и американскому империализму</i>	30	33	45	18(25)	61(39)	35(50)
6. <i>Свобода. Уважение. Ответственность.</i>	56	42	10	72	33	9
7. <i>Патриотизм выше политики</i>	43	41	24	47	47	20
8. <i>Природе нужен твой голос!</i>	36	36	36	76(51)	23(44)	15(19)
9. <i>Рост будет!</i>	30	39	39	33	61	20

По причине того, что в рамках студенческой исследовательской работы не представлялось возможным обработать 3240 реакций, на втором этапе эксперимента испытуемые работали с одним или двумя вариантами полученных на первом этапе переводов (ПТ). Отсюда, в таблице по некоторым стимулам в скобках приводятся оценки второго варианта ПТ. Всего было получено 180 ПТ.

Итак, даже беглого просмотра сведений в таблице достаточно, чтобы сделать вывод о том, что ни одна из дополнительных гипотез не нашла своего подтверждения. Так, если стимулы 1 и 5 действительно набрали больше положительных оценок, чем ПТ, с остальными стимулами картина прямо противоположная. С нейтральными оценками ситуация примерно такая же: по одним стимулам лидируют ИТ, по другим – ПТ, причём по стимулу 8 первый вариант ПТ уступает по количеству нейтральных оценок, а второй – наоборот, превосходит.

Разберём стимулы, по которым результаты оценки (коммуникативный эффект) ИТ и ПТ, скорее, совпадают или наоборот – скорее, не совпадают. В первую группу, безусловно, входит лозунг *Единая Россия – сильная Россия!* (см. Рис. 1). Среди переводов этого стимула встречаются следующие: *Russian unity, Russian strength / United Russia is powerful Russia / The Unity is our Strength / United Russia is strong Russia / The power of Russia is in harmony*. Самым частотным ПТ стал дословный вариант *United Russia is (a) strong Russia*. Именно он больше всего приближается к результату оценки ИТ, что может свидетельствовать в пользу вывода о совпадении коммуникативных эффектов оригинала и перевода. Практически дословный перевод *United Russia is (a) strong Russia* и совпадение коммуникативных эффектов ИТ и ПТ представляют здесь, на наш взгляд, счастливое, но не часто встречающееся, сочетание

эквивалентного и адекватного перевода (о сути этих понятий и спорах вокруг них в переводоведении см. [12]).

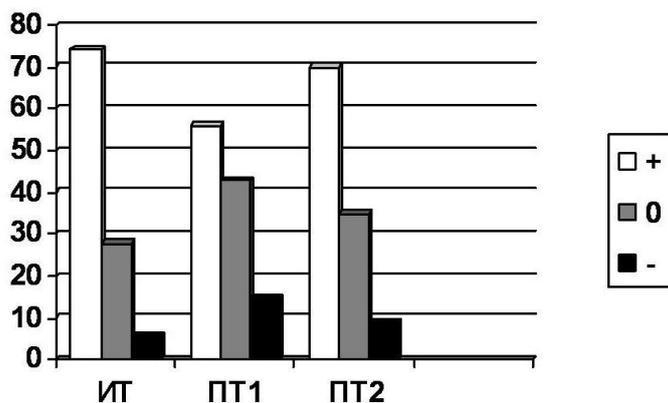

Рис. 1. Результаты оценки ИТ и ПТ стимула 1

Для сравнения разберём стимул 8 *Природе нужен твой голос!* (см. рис. 2).

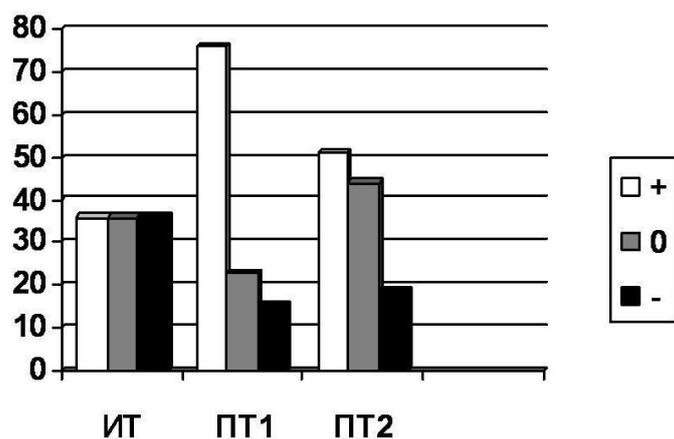

Рис. 2. Результаты оценки ИТ и ПТ стимула 8

Стимул 8 набрал одинаковое количество положительных, отрицательных и нейтральных оценок, тогда как два варианта ПТ отличаются не только от ИТ, но и друг от друга. Среди переводов данного стимула следующие: *Nature needs you / (The) Nature needs your voice / Nature needs your vote / You voice is needed / The weather calls for the voice (The weather needs your voice)*. Самым частотным стал ПТ *Nature needs your voice*, однако для оценки ПТ на втором этапе эксперимента были отобраны два варианта: *Nature needs you* (ПТ1) и *Nature needs your vote* (ПТ2). В результате наибольшее количество положительных оценок набрал ПТ1, хотя очевидно, что дословным и наиболее адекватным переводом является ПТ2.

Хотелось бы прокомментировать по крайней мере ещё один стимул 5 – лозунг *Десять сталинских ударов по капитализму и американскому империализму* (см. рис. 3). Этот стимул на первом этапе эксперимента набрал наибольшее количество отрицательных оценок, которые значительно опередили общую положительную оценку и общую нейтральную оценку.

Возможной причиной такого результата может служить превалирование в молодёжной среде отрицательного отношения к эпохе сталинизма в нашей истории. В качестве перевода испытуемыми были предложены следующие варианты:

We'll hit capitalism and American imperialism tenfold in Stalin's way / Ten Stalin's strokes for capitalism and American imperialism / Ten strokes on capitalism and imperialism / Ten Stalin's hits on (to) capitalism and American imperialism (повторялся) / Ten Stalin's (Stalin's ten) blows to capitalism and American imperialism (повторялся) / Ten Stalinist attacks on capitalism and American imperialism / Ten Stalin's strikes on (against) capitalism and American imperialism / Ten Stalin's crack-downs on capitalism and American imperialism / Beat ten times on capitalism and American imperialism / Ten Stalin kicks on capitalism and American imperialism / Let's hit capitalism and American imperialism ten times like Stalin did / Ten Stalin's impact to (заменено на attack on) capitalism, Americanism, imperialism.

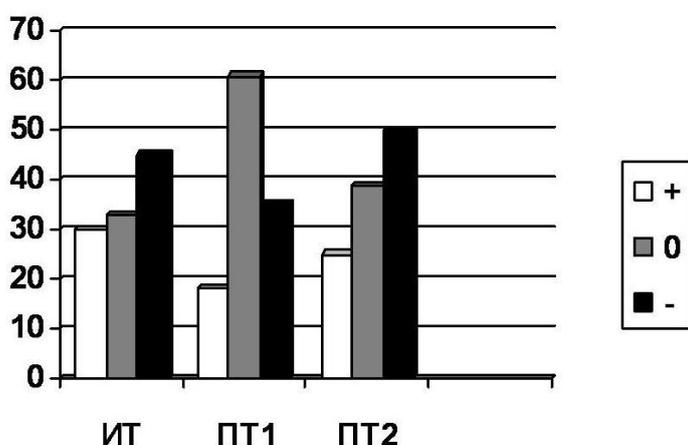

Рис. 3. Результаты оценки ИТ и ПТ стимула 5

Сопоставим ПТ1 (*Ten Stalin's hits on capitalism and American imperialism*) и ПТ2 (*Let's hit capitalism and American imperialism ten times like Stalin did*), результаты которых разошлись между собой, хотя очевидно, что результат оценивания ПТ2 приближается к результату оценивания ИТ, что может свидетельствовать в пользу сходного коммуникативного эффекта, а значит в пользу адекватности данного варианта перевода. По нашему мнению, ПТ2 проигрывает ПТ1 только тем, что он длиннее, а в политической рекламе приветствуется краткость, лаконичность. ПТ1 хорош уже тем, что это также пример счастливого сочетания дословного и вместе с тем адекватного, качественного перевода. Однако есть то, что сближает ИТ с обоими ПТ – нельзя не заметить, что везде отрицательная оценка во многом превышает положительную. Отсюда, можно с уверенностью констатировать, что коммуникативный эффект, производимый оригиналом, практически совпадает с коммуникативным эффектом, производимым обоими вариантами перевода.

В качестве общего вывода следует заметить, что попытка с помощью психолингвистического эксперимента сопоставить коммуникативные эффекты, производимые ИТ и ПТ, сближение которых большинство переводоведов связывают с понятием адекватности в переводе, на наш взгляд, себя оправдала.

Напомним, что до сих пор нам не встречались исследования (возможно, они есть), в которых рассуждения о качестве перевода с привлечением понятий адекватности и коммуникативного эффекта не выходили бы за рамки теоретических построений. К сожалению, не редки работы, особенно молодых, начинающих специалистов, выводы которых выглядят примерно так: Оригинальная фраза *There were long cracks on the wall* переведена как *Стена была покрыта трещинами*. Поскольку переводчик опустил прилагательное *long*, коммуникативный эффект не достигнут и этот перевод нельзя считать адекватным. От себя добавим, что подобный вывод иначе как плачевным не назовёшь. При этом согласимся, что остаётся ещё много вопросов, и, скорее всего, наше собственное исследование далеко не безупречно. Но то, что назрела необходимость связать теорию перевода с психолингвистическим методом исследования, не может вызывать никаких сомнений.

Список литературы

1. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
2. Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. 195 с.
3. Залевская А.А. Введение в теорию учебного двуязычия: учебник для магистрантов [Электронный ресурс]. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. 269 с.
4. Кульбакова М.В. Психолингвистические механизмы манипулирования сознанием в политических лозунгах: курсовая работа Брянск: БГУ, 2015. 45 с.
5. Кульбакова М.В. Оценка качества перевода с психолингвистических позиций: выпускная квалификационная работа Брянск: БГУ, 2017. 92 с.
6. Кушнина Л.В., Аликина Е.В. Система оценки качества устного последовательного перевода в свете теории гармонизации // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 4 (10). С. 46–51.
7. Лассвелл Г. The language of power: пер. с англ. // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 1 (20). С. 264–280.
8. Сдобников В.В. Коммуникативный эффект в двуязычной коммуникации: уточнение понятия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 9 (588). С. 121–130.
9. Сорокин Ю.А. Интерпретативная или деятельностная теория перевода? // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 107–115.
10. Чугунова С.А. Экспериментальное исследование воздействия политических лозунгов на оценочное восприятие индивида // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 287–293.
11. Чугунова С.А., Кульбакова М.В. Воздействие политических лозунгов на оценочное восприятие индивида // Язык. Образование. Культура: сб. материалов X Всероссийск. Науч.-практич. конф. (25-30 апреля 2016 г.). Курск: КГМУ, 2016. С. 58–66.
12. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
13. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.
14. Campbell S.J. Towards a model of translation competence // Meta. 1991. Vol. 36, № 2/3. Pp. 329–243.
15. Gile D. L'évaluation de la qualité de l'interprétation par les délégués: une étude de cas // The Interpreters' Newsletter, 1990. № 3. 3. 66–71.
16. Gouadec D. Parametres de l'évaluation des traductions // Meta. 1981. Vol. 26, № 2. Pp. 99–116.

17. Grieswelle D. Rhetorik und Politik: Kulturwissenschaftliche Studien. München: Minerva, 1978. 155 S.
18. Hatim B. & Mason I. The translator as communicator. London: Routledge, 1997. 244 p.
19. Kussmaul P. Training the translator. Amsterdam: John Benjamins, 1995. 177 p.
20. Larose R. Theories contemporaines de la traduction. Montreal: Presses de l'Universite de Quebec, 1989. 265 p.
21. Newmark P. About translation. Clevedon– Philadelphia–Adelaide: Multilingual Matters Ltd., 1991. 184 p.
22. Peters T.W. Political campaign advertising // The practice of political communication. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1994. Pp. 100–116.
23. Reeves R. Reality in advertising. New York: Knopf, 1961. 307 p.
24. Snell-Hornby M. On models and structures and target text cultures: Methods of assessing literary translations // J.M. Borillo (ed.), La traducció literària. Castelló de la Plana: Publicacions de la Universitat Jaume I, coll. Estudis sobre la traducció, 1995. № 2. Pp.43–58.
25. Stansfield C.W., Scott M.L. & Kenyon D.M. The measurement of translation ability // The Modern Language Journal. 1992. Vol. 76, № 4. Pp. 455–67.
26. Waddington Ch. Different methods of evaluating student translations: the question of validity // Meta. 2001. Vol. 46, № 2. Pp. 311–325.

COMMUNICATIVE EFFECT AND TRANSLATION QUALITY ASSESSMENT WITHIN PSYCHOLINGUISTIC APPROACH

S.A. Chugunova

Bryansk State University, Bryansk

This article describes an attempt to compare communicative effects produced on the recipients by the source and target texts. It is determined by the fact that, as a rule, inquiry into translation quality through applying the notions of communicative effect and an adequate rendering do not go beyond theoretical speculations. Our experiment on the material of political slogans employed the method of semantic scaling, or, more exactly, the modified version of Ch. Osgood's semantic differential.

Ключевые слова: translation quality, communicative effect, adequate rendering, psycholinguistic experiment, semantic scaling, political slogan.

Сведения об авторе:

ЧУГУНОВА Светлана Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: chugunovasvetal@rambler.ru

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВОДИДАКТИКИ

УДК 800 ^159

УМЕНИЯ И НАВЫКИ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

В.С. Загуменкина

Тверской филиал РАНХиГС, Тверь

Определяются навыки и умения, необходимые для понимания текста. Анализируются рекомендуемые К.Д. Ушинским способы научения детей пониманию текстов, его методика развития «дара слова».

***Ключевые слова:** понимающее чтение, понимание, смысл, рефлексия, внимание к слову, диалог с текстом, читательское воображение.*

Понимающее чтение – это сложный процесс, включающий в себя деятельность сознания, а также эмоциональную сферу и волю. Основное умение, необходимое для достижения понимания, – это привычка думать, рассуждать как в процессе чтения, так и до и после чтения. При этом на всех трёх этапах работы с текстом подключается эмоциональная сфера: переживание читаемого. Д.И. Тихомиров утверждал, что с первых школьных шагов обучения надо приучать ученика проникать в сущность читаемого, приучать читать и мыслить, читать и чувствовать, а через это и развивать свои духовные способности и обогащать мысль и чувство образовательным содержанием (см.: [9]). По мнению Ф. Шлейермахера, «мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять» (цит. по: [8: 289]). Читатель должен стремиться понять автора текста, делая открытия для себя, и этот процесс, направленный на выявление смыслов и их именование в процессе создания вторичных текстов (см.: [17]), сродни творческому мышлению. Понимание, по словам В.В. Налимова, «это способность найти в чужом тексте своё, или, может быть, серьёзнее, – найти самого себя новым в чужом ...» [7: 130].

В качестве следующего навыка, необходимого для понимающего чтения, вслед за К.Д. Ушинским, П.О. Афанасьевым и Ф.И. Буслаевым выделяется внимание к слову. П.О. Афанасьев писал, что сознательное чтение должно включать в себя «чтение с надлежащим пониманием отдельных слов, понимание отдельных прочитанных фраз и предложений и чтение с должным пониманием законченных статей и произведений» [2: 125]. По мнению Ф.И. Буслаева, «...чтение, и своё, и иностранное, должно быть одинаково: углубляться в подробности слов, оборотов, предложений и постоянно рассматривать частности в связи с общим, ибо словесное выражение отличается от всякого другого именно тем, что во всяком предложении виднеется необходимая часть живого целого» [5: 88].

По убеждению К.Д. Ушинского, «внимание есть та единственная дверь нашей души, через которую всё из внешнего мира, что только входит в сознание, непременно проходит...» [11]. Учёный писал о необходимости

развития двух видов внимания: активного и пассивного. Пассивное внимание пробуждается занимательностью предмета, активное – появляется в результате волевых усилий. Учение для ребёнка должно быть занимательным, но нельзя забывать о том, что необходимо упражнять активное внимание. Чтобы привить ученику внимание к слову, учитель должен обращать внимание учащихся на новые слова, разбирать их по звукам, объяснять их значение, и только потом дети могут приступать к чтению всего текста.

К.Д. Ушинский многократно писал о том, что интерес к чтению опосредован у ребёнка развитием понимания читаемого. Только через понимание значения всех слов, предложений, можно дойти до смысла всего текста. Развитию навыков, необходимых для понимающего чтения, способствует и специально подобранный учебный материал. По убеждению К.Д. Ушинского, пищей для развития духа ребёнка (ментальной сферы личности), тела (физической сферы) и души (эмоционально-волевой сферы) являются пословицы, поговорки, русские народные сказки и стихи (см.: [13]).

По мнению К.Д. Ушинского, ничто не может лучше, чем объяснение русских народных пословиц, ввести дитя в понимание народной жизни. В них отразились все стороны жизни народа. Учёный говорит о том, что в пословицах два смысла: один — внешний, живописный, вполне доступный ребёнку, другой — внутренний, недоступный, для которого внешний служит живописной одеждой (см.: [13]). В таких пословицах дитя следует знакомить только с внешним смыслом. Например, в пословице: *горшок котлу не товарищ* — пусть дети объяснят, почему *не товарищ*. Нравственный смысл пословицы может быть оставлен без объяснения. В дальнейшем работа над пословицами может проводиться в три этапа (см.: [10]): (1) обнаружение прямого и иносказательного смысла; (2) выражение мысли своими словами; (3) осознание и перенос усвоенного концепта на другой текст или жизненную ситуацию.

Самостоятельно искать мысль, заложенную в пословице иносказательно, учащимся нелегко, поэтому вначале предлагается соотнести пословицы и мысли, в них содержащиеся. Затем предлагаются упражнения на использование приёма прогнозирования: собрать пословицы из разрозненных частей; исправить «неправильные» пословицы.

Загадки К.Д. Ушинский помещал не с той целью, чтобы ребёнок отгадал сам загадку, но для того, чтобы доставить уму ребёнка полезное упражнение: приладить отгадку, сказанную, может быть, учителем, к загадке и дать повод к интересной, живой и полезной классной беседе (см.: [13]). Загадка при этом трактовалась как на картинное описание предмета.

Сказка представляет собой превосходное упражнение в самом первоначальном чтении, так как «быстро запечатлевается в памяти дитяти со всеми своими живописными частностями и народными выражениями» [12]. Кроме того, во всех детских народных сказках повторяются одни и те же слова и обороты, что делает сказку превосходным упражнением в самом первоначальном чтении. Нравственный смысл сказки здесь не важен, поэтому К.Д. Ушинский сокращал сказки.

Учитель с помощью совместного с детьми чтения сказки сможет развивать у учеников активное внимание. К.Д. Ушинский разработал приёмы работы с текстом сказки на уроке (см.: [12]). Так, учитель может сам прочитать или рассказать сказку, и потом уже ученики читают её; иногда ученики сразу читают самостоятельно. Каждую сказку следует прочитывать несколько раз и потом, через какое-то время снова к ней возвращаться. Дети должны рассказать её. Сначала рассказывает способнейший из учеников, а другие слушают его и замечают, что он пропустил, что сказал не так. Так весь класс восстанавливает сказку. Это средство, по мнению К.Д. Ушинского, лучшее для развития устной речи. Кроме сказок, использовались маленькие рассказы в несколько строчек. Назначение этих литературных произведений в том, чтобы ребёнок, прочитав такой коротенький рассказ, мог сразу уловить его содержание и передать его изустно. Рассказец в три-четыре строчки, переданный изустно, совершенно верно грамматически, следует потом написать на доске с постановкой всех знаков. Таким образом ученик приобретает механически привычку писать правильно: а эта привычка не может быть заменена самым подробным изучением грамматики.

Песни и стихи учёный использует также в сокращённом виде, иногда заменяет слова, применяет стихотворения, переделанные с немецкого языка. «Если в стихах не искажена мысль, есть картина или проблеск чувства, доступного детям, то я помещал эти стихи ради каданса и рифмы, которые нравятся детям и производят на них хорошее впечатление» (цит. по: [16: 66]), развивают чутьё к звуковым красотам русского языка. К.Д. Ушинский советует разучивать стихотворения в классе. Учитель сначала излагает детям содержание стихотворения и, если оно сколько-нибудь затруднительно, объясняет каждую мысль, каждое слово, не давая при этом длинных объяснений на маленькие стихотворения. Учитель прочитывает стихотворение по частям, и дети в классе легко заучивают одну часть за другой. Несколько позднее, в начале второго года ученья, можно уже будет требовать, чтобы дети умели писать без ошибок все маленькие заученные ими стихотворения.

Итак, методика К.Д. Ушинского нацелена на развитие у ребенка дара слова, на развитие активного внимания к слову, к содержанию в целом, столь необходимого для формирования этого дара. Учитель, объясняя каждую мысль по ходу чтения, учит ребенка задумываться над читаемым.

Следующим навыком, необходимым для понимающего чтения, является умение вести «диалог с текстом» и связанное с ним умение прогнозировать. «Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться... В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, руками, душой, духом, губами, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни» [3]. Процесс чтения выглядит тогда следующим образом: читатель получает информацию из каждого слова, словосочетания, предложения и связей между ними, задаёт себе вопросы по ходу чтения, задумывается о дальнейшем развитии событий (т.е. прогнозирует их) и сверяет свои размышления с текстом. Такое чтение похоже

на беседу, диалог с текстом. При этом диалог начинается с размышления над заголовком, т.е. ещё до начала чтения самого текста.

Следующим навыком, вслед за С.И. Абакумовым (см. [1]), назовём развитое воображение. Воображение неотделимо от понимания текста. Оно помогает не только понимать, но и запоминать прочитанное. Ведь при чтении необходимо удерживать в памяти важную информацию, сравнивать её с уже известной, отыскивая в прошлом опыте подобное и отличное.

Завершающие действия читателя, связаны с его умением рефлексировать над текстом, дать его обобщённое представление, повторить наиболее важную информацию, обобщить знания, полученные благодаря тексту. Завершающий рефлексивный акт, по Г.И. Богину, определяется вопросом «Что же я понял?» (см.: [4]). Итогом такого творческого, понимающего чтения должно стать нечто личностно новое для читателя: обогащение опыта, рождение нового взгляда на мир и на себя.

По мнению Н.Н. Коневой, для понимания текста также необходимо уметь критически анализировать прочитанное, аргументировано выражать собственное мнение, давать оценку познавательной ценности информации (см. [6: 39]). Необходимость уметь выражать собственное мнение подчёркивается также в Федеральном государственном образовательном стандарте как среднего (полного) общего (от 2012), так и основного общего образования (от 2010), в которых к результатам освоения курса литературы относят «способность выявлять в художественных текстах образы, темы и проблемы и выражать своё отношение к ним в развёрнутых аргументированных устных и письменных высказываниях» [15]. Всё это развивает механизмы понимания текста и помогает проникнуть в его смысл.

Итак, чтение – это речемыслительная деятельность, в процессе которой необходимы следующие навыки, способствующие пониманию текста: внимание к слову; умение вести диалог с текстом; умение прогнозировать; развитое читательское воображение; умение интерпретировать и выражать собственное мнение.

Список литературы

1. Абакумов С.И. Творческое чтение. Опыт методики чтения художественных произведений в школах начального типа. Ленинград: Издательство БРОКГАУЗ-ЕФРОН, 1925. 126 с.
2. Афанасьев П.О. Краткая методика русского языка. М.: Л.: Госиздат, 1928. 153 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979 / URL: <http://teatr-lib.ru/Library/Bahtin/esthetic/> (дата обращения: 29.02.16).
4. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 731 с.
5. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М.: Просвещение, 1992. 512 с.
6. Конева Н.Н. Приемы работы над художественным текстом с использованием инновационных технологий // Русский язык за рубежом, 2008. №3. С. 38–50.
7. Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989. 288 с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Издательство «Питер», 2000. / URL: <http://psylib.org.ua/books/rubin01/> (дата обращения: 28.03.16).

9. Тихомиров Д.И. Опыт плана и конспекта элементарных занятий по родному языку. М., 1915 / URL: http://elib.gnpbu.ru/text/tihomirov_opyt-plana-i-konspekta_1915/go,0;fs,1/ (дата обращения: 26.02.16).
10. Турчанинова Т.В. Работа над пониманием текста в начальной школе // Начальная школа плюс до и после, 2007. №8. С. 10–12.
11. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. М., 1871. Том I / URL: http://dugward.ru/library/pedagog/ushinskiy_chelovek1.html (дата обращения: 23.02.16).
12. Ушинский К.Д. Родное слово. Книга для учащихся. М., 1974а / URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/107.html> (дата обращения: 26.02.16).
13. Ушинский К.Д. О первоначальном преподавании русского языка. М., 1974б / URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/93.html> (дата обращения: 26.02.16).
14. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (от 17.12.2010 с изменениями от 29.12.2014) / URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_10/prm1897-1.pdf (дата обращения: 05.04.16).
15. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (от 07.06.2012 с изменениями от 29.12.2014) / URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_12/m413.pdf (дата обращения: 05.04.2016).
16. Штец А.А. Методика обучения К.Д. Ушинского // Начальная школа плюс до и после, 2009. №3. С. 61–66.
17. Якушина Л.С. Проблема чтения школьниками художественного произведения // Начальная школа плюс до и после, 2009. №10. С. 6–9.

SKILLS AND ABILITIES IMPORTANT FOR TEXT COMPREHENSION

V.S. Zagumenkina

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Tver

The paper defines skills and abilities, which are important for text comprehension. K.D. Ushinsky's methods of teaching text comprehension are analyzed (his methodology of the *gift of the gab* development).

Key words: *comprehending reading, comprehension, sense, reflexion, attention to a word, dialogue with the text, reader's imagination.*

Сведения об авторе:

ЗАГУМЕНКИНА Валентина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Тверского филиала РАНХиГС), e-mail: Valentina_Z_87@list.ru

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ЯЗЫК: ФОРМИРОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Н.В. Мохамед

Образовательное учреждение «Ментор», Вена, Австрия

В статье рассматривается гипотеза формирования индивидуальной грамматики промежуточного языка при овладении немецким языком как вторым, третьим и т.д. иностранным, а также предлагаются подходы к оптимизации методов преподавания, которые учитывают не только особенности всей перспективы развития промежуточного языка индивида, его стадийности, наличия правил индивидуальной грамматики, декларативного и процедурального характера, но также условия, благоприятно влияющие на перенос знаний в ходе формирования грамматической компетенции индивида. Обсуждаются эмпирические данные, на основе которых была разработана данная гипотеза.

***Ключевые слова:** овладение вторым языком, промежуточный язык, грамматическая компетенция, правила индивидуальной грамматики, перенос знаний, языковые формулы, овладение немецким языком как вторым иностранным языком.*

Интерес к исследованию некоторого объекта или явления обуславливается не только естественным любопытством и потребностью понять его внутреннюю природу, закономерности организации, формирования и функционирования, но и потребностью использования приобретённых в ходе подобного изучения знаний для решения практических задач.

Ниже будет обсуждён современный подход к пониманию того, что представляет собой промежуточный язык индивида, осваивающего второй, третий и т.д. иностранный язык. При этом выдвигаются некоторые гипотезы, уточняющие особенности развития промежуточного языка, а именно грамматической компетенции, сформированные на основе психолингвистического подхода к языку и речевой деятельности, развиваемого в рамках Тверской психолингвистической школы. В заключении обсуждается ряд выводов, учитывающих специфику развития промежуточного языка и являющихся важными для практики преподавания второго иностранного языка (на примере немецкого языка как второго, третьего и т.д. языка).

Овладение вторым иностранным языком представляет собой процесс формирования в голове лица, изучающего его или овладевающего им в естественных условиях, индивидуального варианта целевого языка, за которым закрепляется термин «промежуточный язык». При этом в обширной литературе, посвященной этому вопросу вопросу (см., например, список библиографии в монографии А.А. Залевской [3: 119-143], а также в книге [6: 171-184]), подчёркивается его динамический характер и стадийность развития. В последующем изложении будет уделено внимание специфическим формам организации как отдельных стадий промежуточного языка (синхронический аспект), так и динамическому аспекту его организации в целом (диахронический аспект).

В некоторых современных исследованиях, посвящённых проблемам овладения иностранным языком, происходит отказ от взгляда на промежуточный язык индивида как на нечто «недоразвитое», «дефектное» по сравнению с целевым языком [11: 4]. За ним признаётся статус равноправного, сформированного по своим внутренним законам и правилам варианта целевого языка.

При рассмотрении закономерностей формирования промежуточного языка необходимо учитывать следующее.

1. Формирование промежуточного языка протекает по своим собственным объективным законам, которые определяют и направляют его развитие. Благодаря этому (внутренней «логике» его развития) индивидуальные варианты промежуточного языка лиц, с разными первыми языками, обнаруживают сходные свойства и тенденции развития. При этом, у лиц с одним и тем же первым языком параметр сходства несколько выше [13].

2. Указанные выше закономерности развития наиболее свободно проявляются в условиях естественного овладения языком, т.е. вне учебных условий, через устную речь, в языковой среде, являющейся носителем целевого языка. Под целевым языком понимается язык, которым овладевает / хочет овладеть данный индивид.

3. Если овладение вторым и т.д. языком происходит в соответствии с указанными внутренними закономерностями, то в качестве «конечного продукта» получаем вариант целевого языка, который, хотя и узнаваем как вариант именно данного языка, но значительно отличается от него по многим формальным и содержательным признакам.

4. При овладении языком в учебных условиях осознанно или неосознанно преследуется цель настолько «хорошо» овладеть языком, чтобы он по своим признакам как можно меньше отличался от целевого языка. Однако, поскольку промежуточный язык формируется по собственным законам (речь идёт об основополагающих закономерностях, определяющих суть самого явления), то их влияние проявляется и при овладении языком в учебных условиях. При этом тенденции и закономерности «неуправляемого, свободного» развития оказывают свое «разрушительное» воздействие на то, чем овладел или овладевает индивид в учебных условиях, которые оказывают регулирующее влияние на овладение вторым и т.д. иностранным языком.

5. На развитие промежуточного языка возможно «положительно» повлиять в ходе его формирования в учебных условиях («положительно» в смысле приближения к норме целевого языка), однако, успех такого влияния зависит от того, насколько учитывается специфика развития именно промежуточного языка. Для этого нужно знать, какие области поддаются влиянию, насколько продуктивно подобное влияние, в течение какого промежутка времени и с какой интенсивностью необходимо оказывать влияние, чтобы то, чем овладевает индивид, стало гармоничной частью промежуточного языка, определяющее его развитие в направлении всё большего соответствия

нормам целевого языка. Речь идёт о том, что можно реально получить на «выходе», после завершения обучения.

6. Как показывает опыт, как у обучаемых, так и у обучающихся или слишком завышенные ожидания, когда ставятся цели, которые невозможно достигнуть в период, выделенный для обучения, или же происходит «разочарование», поскольку возникает ощущение того, что цель недостижима.

Развитие промежуточного языка рассматривается в исследовании с точки зрения формирования *грамматической компетенции*, под которой понимается не только «знание грамматических элементов языка и умение ими пользоваться в процессе общения» [1], но и способность их распознавать и извлекать из памяти.

Формирование грамматической компетенции происходит *стадиально*. Следовательно этот процесс можно рассматривать как с точки зрения синхронии (специфика отдельных стадий), так и с точки зрения диахронии (последовательность стадий и их «количество»).

Специфика каждой стадии развития характеризуется освоением определённых структур целевого языка в их индивидуальном варианте. Для немецкого языка подобная последовательность в усвоении грамматико-синтаксических структур была выявлена в лонгитюдном исследовании, проведённом в Швейцарии в 90-х годах прошлого века [12: 20] на материале письменной речи. Нами даётся интерпретация полученных в данном исследовании эмпирических данных с точки зрения психолингвистического подхода и гипотез о закономерностях организации и развития промежуточного языка и его отдельных стадий.

Формирование разных структур грамматической компетенции протекает на каждом данном этапе овладения целевым языком *параллельно* и с *разной скоростью*. Содержание каждого этапа образуют несколько *ключевых* для данного этапа структур, овладение которыми *возможно* на данном этапе, поэтому процесс их формирования протекает наиболее интенсивно и структурированно.

Промежуточный язык необходимо рассматривать как нечто целостное, как процесс (совокупность параллельно протекающих процессов) и как результат данного процесса / данных процессов. Следовательно, по отношению к отдельным процессам, реализующим овладение отдельными актуальными для данного этапа структурами, можно условно выделить как минимум три этапа:

- этап «*зарождения*» некоторой грамматико-синтаксической структуры, который можно назвать этапом «накопления опыта». На этом этапе складываются предпосылки для активного овладения данной структурой или совокупности взаимосвязанных структур на последующем этапе;
- этап *активного овладения* структурами грамматико-синтаксической компетенции в её индивидуальном варианте (отличающемся от норм целевого языка), протекающего с опорой на продукты предыдущего этапа «зарождения»;

- этап «стабилизации», на котором происходит оформление некоторого способа порождения данных структур, который закрепляется в виде «практического» знания использования правила / размытой совокупности правил (по типу процедуральных знаний), что однако не исключает возможности формирования индивидуальных правил декларативного характера, которые обучаемые способны озвучить, применять при объяснении. И тот, и другой вид правил может значительно отличаться от нормы целевого языка. Если речевые высказывания данной фазы значительно отличаются от целевого языка, то для их обозначения используется термин «фоссилизация». С точки зрения их природы нет разницы между фоссилизированными продуктами речи и продуктами, соответствующими норме целевого языка. Термин «фоссилизация» подчёркивает лишь нежелательное с точки зрения нормы целевого языка качество речевых продуктов.

Для более глубокого понимания сущности и специфики процессов, характеризующих формирование и развитие промежуточного языка, его грамматико-синтаксического аспекта, представляется полезным прибегнуть к следующим моделям:

а) к *спиралевидной модели*, предложенной А.А. Залевской в исследованиях организации речевой деятельности и понимания [5; 6], нашедшей затем своё развитие в исследованиях лексики [10], процессов понимания текста [9], образного сравнения [2] а также в виде вихревой модели понимания художественного текста [8]. С помощью данной модели можно объяснить и понять развитие промежуточного языка в целом.

б) к модели «ядро – периферия», объяснительная сила которой использовалась в исследовании лексикона [4; 7], а также индивидуальной читательской проекции текста [9]. С помощью данной модели можно объяснить и понять специфику организации и формирования отдельных стадий промежуточного языка, а также «переходы» от одной стадии к другой.

в) модели «маятника», с помощью которой можно объяснить *особенности* специфики овладения отдельными структурами промежуточного языка на данной стадии формирования грамматической компетенции.

В заключение сошлёмся на результаты ряда пилотажных экспериментов, проведенных в период 2010 – 2017 гг., в которых исследовались особенности стадий накопления опыта, стадии активного овладения структурами грамматической компетенции. При этом в фокусе внимания находилось исследование условий, способствующих переносу полученных знаний, а также формированию индивидуальных правил, в соответствии с которыми оформляются собственные высказывания индивида. Практическая цель исследований заключалась в разработке упражнений, которые с учётом обсужденных выше особенностей промежуточного языка позволяют оказывать положительное влияние на формирование грамматической компетенции [14–21].

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практикв обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009.
2. Гольдберг В.Б. Спиралевидная модель как основа понимания образного сравнения // Горизонты психолингвистики Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. с. 81– 86.
3. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 194 с.
4. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды . М.: Гнозис, 2005. 543 с.
5. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 270 с.
6. Залевская А.А., Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 194 с.
7. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. 204 с.
8. Корытная М.Л. Вихревая и математическая модели понимания художественного текста // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997. С. 163–167.
9. Рафикова. (Мохамед) Н.В Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: монография. Тверь, Твер. гос. ун-т, 1999. 147 с.
10. Рогожникова Т.М. О спиралевидной модели развития значения слова у ребенка // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1986. С. 100–105.
11. Cook V. One Premises of multi-competence. 2015
[http://www.academia.edu/890320/Consequences_of_Multicompetence_for_Second_Language_Acquisition, дата обращения 27.08.2016]
12. Diehl E. Schulischer Grammatikerwerb unter der Lupe. Das Genfer DiGS-Projekt – Bulletin VALS-ASLA 70, 1999. P p. 7–26.
13. Klein Gunnewiek L. Sequenzen und Konsequenzen. Zur Entwicklung niederländischer Lernen im Deutschen als Fremdsprache. Editions Rodopi B.V., Amsterdam-Atlanta, GA, 2000. 223 p.
14. Mohamed N. Deutsch fehlerfrei: die deutsche Grammatik in mündlichen Übungen (A1). Sich vorstellen. Teil 1. Wien, 2014. 30 S.
15. Mohamed N. Deutsch fehlerfrei: die deutsche Grammatik in mündlichen Übungen (A1). Präsens. Teil 2.1. Wien, 2014. 30 S.
16. Mohamed N. Deutsch fehlerfrei: die deutsche Grammatik in mündlichen Übungen (A1). Präsens. Teil 2.2. Wien, 2014. 30 S.
17. Mohamed N. Deutsch fehlerfrei: die deutsche Grammatik in mündlichen Übungen (A1/A2). Nominativ. Akkusativ. Dativ. Teil 3.1. Wien, 2014. 30 S.
18. Mohamed N. Deutsch fehlerfrei: die deutsche Grammatik in mündlichen Übungen (A1/A2). Nominativ. Akkusativ. Dativ. Teil 3.2. Wien, 2014. 30 S.
19. Mohamed N. Deutsch fehlerfrei: die deutsche Grammatik in mündlichen Übungen A1/A2. Perfekt. Präteritum. Teil 4. Wien, 2014. 50 S.
20. Mohamed N. Deutsch fehlerfrei (A1). Konversationsübungen. Teil 5. Wien, 2014. 50 S.
21. Mohamed N. Deutsch fehlerfrei: die deutsche Grammatik in mündlichen Übungen (A2/B1). Wien, 2017 (в рукописи).

INTERLANGUAGE: FORMAION OF GRAMMAR COMPETENCE

Natalia Mohamed

Education Center, Wien, Austria

Interlanguage is treated as a dynamic phenomenon; a number of stages in its formation are distinguished. Critical situations connected with grammar competence formation are dicussed from the point of view of a longitudinal study including practical applicaion of special instructions, exersises and tests.

Key words: interlanguage, grammar competence, teaching languages.

Сведения об авторе

МОХАМЕД (Рафикова) Наталия Валерьевна – доктор филологических наук, лектор образовательного учреждения «Ментор», Вена, Австрия, e-mail: natalia.mohamed@gmx.de

ВИДЫ ИГР И ИГРОВЫХ ПРИЁМОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

М.С. Нестерова

Тверской государственной университет, Тверь

В данной статье рассматриваются виды игр и игровых приёмов при обучении иностранному языку детей младшего школьного возраста. Изучив взгляды разных авторов по данному вопросу, можно отметить, что объект является весьма многогранным и интересным для изучения.

Ключевые слова: обучающие игры, педагогика, метод обучения ИЯ.

Об эффективности использования на уроках английского языка обучающих игр известно давно. Игра помогает сделать урок более интересным и увлекательным.

Согласно О.Б. Климоновой [8], игра – это традиционный, признанный метод обучения и воспитания. Это уникальное средство ненасильственного обучения детей. Игра соответствует естественным потребностям и желаниям ребенка, а потому с ее помощью он будет учиться с удовольствием. Хочется отметить большие потенциальные возможности игры в качестве средства обучения английскому языку.

Н.П. Забродина и И.А. Макарова [6] в своей статье говорят о том, что с помощью игры хорошо отрабатывается произношение, активизируется лексический и грамматический материал, развиваются навыки аудирования, устной речи. Во время игры дети внимательно слушают друг друга и учителя; многократное повторение образцов в игровой форме не вызывает у них утомления и скуки. Тщательная проработка игр и распределение их по классам и по темам помогает учителю сделать процесс обучения интересным и более эффективным.

М.М. Мирзаханова [12] говорит о том, что каждая игра непременно состоит из нескольких этапов:

- подготовительный (выбор темы, уточнение целей игры);
- проведение игры (учитель исполняет роль активного наблюдателя);
- контроль игры (оценивание учащихся с учетом допущенных ошибок).

З.М. Давыдова [4] утверждает, что использование игровых моментов на уроке – очень эффективный метод обучения, позволяющий повысить мотивацию, снизить утомляемость и в то же время увеличить темп ведения урока. Существует огромное количество самых разнообразных игр различных категорий и разновидностей: устных и письменных, грамматических и орфографических, лексических и фонетических, игры на совместную речевую деятельность и коммуникативное взаимодействие, деловые игры, индивидуальные и командные, спокойные и подвижные.

Рассмотрим различные виды учебных игр:

1. Фонетические игры.

С.В. Белякова [1] в своей статье описывает следующие игры:

- «Раскатистое эхо»: преподаватель произносит на английском языке слова, учащиеся, исполняя роль «эха», повторяют за ним слова трижды.

- «Живые близнецы»: перед учащимися раскладываются карточки с транскрипционными значками гласных букв, имеющими двойное правило чтения, и слова, содержащие данную букву. Необходимо правильно разложить слова в соответствии с правилами чтения к каждому из звуков. Например, звуки [i] – [ai], слова nice, Nick, like, live, swim, smile и т.п.

- «Свяжи цепочку»: учитель называет слово на английском языке, учащиеся должны назвать слово, которое начинается на звук, на который закончилось предыдущее слово. Например: swim – man – neck – cockerel – lamp – pet – ... и т.д. Тот, кто не может «связать цепочку», выбывает из игры.

2. Лексические игры.

Н.П. Попова [13] в своей статье приводит следующие виды игр:

- «Слово из слогов»: кто из учеников быстрее составит слово из данных слогов.

- «Телеграмма»: класс выбирает ведущего, который выполняет роль телеграфиста. Он должен послать телеграмму – произнести по буквам слово, написанное на карточке, которую видит только телеграфист. Класс должен назвать это слово.

- «Дежурная буква»: ведущий говорит: «Сегодня дежурит буква А. Она стоит на втором месте». Дети называют слова, в которых А занимает второе место. Например: Lampe, tanzen, lachen и так далее.

- «Только одна гласная»: ученики составляют предложение, где в словах встречается только одна гласная буква. Например: Ottos Mops kommt. Mein Kleiner heißt Heins. Meine Kleine heißt Heidi. Olga kommt. Annas Hand lag da. Adas Haus lag auch da.

Э.М. Береговская [2] приводит игру «Зарисуй и назови»: учитель диктует десять немецких существительных, а кто-нибудь из учеников под мою диктовку рисует мелом названные предметы.

С. М. Калинин [8] упоминает игру «My aunt went to town»: учитель объясняет, что ученики должны дополнить фразу «My aunt went to town and bought...» словом, обозначающим предмет школьного обихода или одежды. Если ученик не может назвать своё слово, он выбывает из игры.

Т.В. Лялюшкина [10] говорит об игре «Украсть слово» «Schmücke das Wort»: класс делится на 2 команды. Каждой команде даётся существительное, к которому нужно подобрать как можно больше подходящих определений. Выигрывает та команда, которая подобрала большее количество прилагательных.

3. Грамматические игры

М.М. Мирзаханова [12] говорит об игре «Комментатор»: учащиеся по очереди выполняют действия и комментируют их. Например: I am sitting. I am standing up. I am going to the window.

Н.В. Егорова [5] упоминает игру «Pantomime»: класс делится на две команды. Из каждой команды по очереди выходит один ученик и показывает жестами, мимикой, каким видом спорта он занимается на данный момент. При этом он не произносит ни единого слова. Ученики из другой команды должны угадать, что это за вид спорта.

Ученик В: Spielst du Volleyball? Ученик А: Nein. Ich spiele Volleyball nicht.

4. Орфографические игры

Г.Р. Мацько [11] говорит о таких играх, как:

- «Найди свое место»: к доске выходят четыре ученика. Первый держит в руках лист бумаги с крупно написанной буквой А, второй – с буквой G, третий – N, четвертый – Z. Остальные ученики по очереди «превращаются» в другие буквы и должны правильно занять свое место, а перед этим написать «свою» букву на листе бумаги.

- «Рассыпанный словарь»: ученики получают 15 карточек, на каждой по одному слову на одну и ту же букву. Задача – разложить (на скорость) карточки так, как расположены слова в словаре, т.е. в алфавитном порядке с учетом второй, третьей и т.д. буквы.

Н.К. Лапшова [10] приводит такие игры, как:

- «Алфавитный суп»: буквы алфавита (пластиковые буквы или карточки с буквами) складываются в «волшебный сосуд» (миска, красивая кастрюля и т.д.). Дети по очереди подходят к «сосуду», достают любую букву, записывают ее на доске.

- «Алфавитные гонки»: класс делится на команды. Учитель называет какую-нибудь букву. Представители команд по очереди подходят к доске и пишут на ней названную букву. Выигрывает та команда, которая правильно написала все буквы. Игру можно усложнить, называя учащимся буквосочетания и слова.

В заключение отметим, что учебные игры строятся на принципах коллективной работы, практической полезности, соревновательности, максимальной занятости каждого учащегося и неограниченной перспективы творческой деятельности. В процессе игры развивается логическое мышление, способность к поиску ответов на поставленные вопросы, речь, речевой этикет, умение общаться друг с другом. Игра занимает особое место в процессе активного обучения, являясь одновременно и методом и формой организации обучения. Игровые формы обучения позволяют использовать все уровни усвоения знаний, включая творческо-поисковую деятельность.

Список литературы

1. Белякова С.В. Игра как эффективное средство обучения иностранному языку детей младшего школьного возраста // ИЯШ. № 6. С. 25–28.
2. Береговская Э.М. Игры во внеклассной работе и на уроках немецкого и французского языков // ИЯШ. 2011. № 4. С. 126–128.
3. Григорьева М.Б. Использование игровых приёмов на уроках иностранного языка. // ИЯШ. .2011. № 10. С. 47–49.
4. Давыдова З.М. Игра как метод обучения иностранным языкам // ИЯШ. 2010. № 6. С. 34–38.
5. Егорова Н.В. Игры на уроке немецкого языка // ИЯШ. 2013. № 9. С. 41–43.
6. Забродина Н.П., Макарова И.А. Игра как средство развития интереса к изучению французского языка // ИЯШ. 2009. № 4. С. 19–22.
7. Калинин С. М. Использование игровых технологий на уроках английского языка. Лексические игры [Электронный ресурс] / URL: <http://www.nsportal.ru> (дата обращения: 05.11.2017).
8. Климонова О.Б. Обучающие игры на уроках английского языка. Методическая разработка [Электронный ресурс] / URL: <https://infourok.ru> (дата обращения: 26.11.2017).
9. Лапшова Н.К. Игровые приёмы обучения письменной речи на начальном этапе. // ИЯШ. – 2009. № 6. С 18–22.
10. Лялюшкина Т.В. Лексические игры на уроках немецкого языка [Электронный ресурс] / URL: <https://infourok.ru> (дата обращения: 16.06.2017).
11. Мацько Г.Р. Игровые упражнения при изучении английского алфавита // ИЯШ. 2010.- № 10. С. 40–43.
12. Мирзаханова М.М. Игровое обучение английскому языку детей младшего школьного возраста // ИЯШ. 2012. № 10. С. 70–74.
13. Попова Н.П. Игры для обучения чтению в младших классах // ИЯШ. 2012. № 2. С. 48–51.

TYPES OF GAMES AND PLAY METHODS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING OF PRIMARY SCHOOL AGE CHILDREN

M.S. Nesterova

Tver State University, Tver

Different types of games and play methods in foreign language teaching are considered. Analysis of different authors' views on the issue shows that the object is many-sided and interesting for study.

Keywords: *learning games, pedagogics, foreign language teaching.*

Сведения об авторе:

НЕСТЕРОВА Мария Сергеевна – магистрант факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, e-mail: marie2694@mail.ru

РОЛЬ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

К.В. Семененкова

Тверской государственный университет, Тверь

В статье обсуждается роль учителя иностранного языка в контексте реформ в образовании, обусловленных историко-культурными процессами в России и европейских странах. Требования к профессиональным качествам и задачам учителя на разных этапах связываются с социальными запросами общества, которые формируются под влиянием доминирующих ценностей и реальных потребностей.

Ключевые слова: учитель иностранного языка, образование, методика обучения иностранному языку, вторичная языковая личность.

Педагогическое образование в России пережило не одну реформу, что не могло не сказываться на требованиях к профессиональным качествам учителя, в том числе и к учителю иностранного языка. Изучение иностранных языков имеет глубокие корни и не теряет актуальности до сих пор. В истории методов обучения иностранным языкам на смену одному методу подготовки учителей приходили другие. Роль учителя иностранного языка изменялась в зависимости от потребностей государства и общества.

До XVIII века образование носило религиозный характер. Основным принципом было зазубривание материалов Святого Писания и других религиозно-поучительных текстов. П.Ф. Каптерев писал о педагогике тех времён:

«Воспитательный идеал был ветхозаветный, суровый, исключаящий самостоятельность и свободу детской личности, всецело подчинявший детей воле родительской, не хотевший даже знать и считаться с вполне естественными потребностями детей в игре, смехе и веселье. Страх детского неповиновения и своеволия проникает в педагогические наставления» [5: 46].

Таким образом, функции, которые выполнял учитель того времени, носили сугубо контролирующий характер, а его роль точнее всего можно было бы обозначить как роль надзирателя, с которым запрещено спорить.

В России необходимость изучения иностранных языков возникла с приходом христианства. Для того чтобы воспринимать церковные тексты, в древнерусских монастырских школах заучивали иностранные слова и их значения на каждую букву алфавита; этот способ получил название словарного и применялся для освоения греческого языка. Уровень владения языком считался по количеству заученных таким образом иностранных слов на каждую букву алфавита. Только в конце XII века на Руси появился новый способ обучения иностранному языку: заучивание слов, расположенных по смысловым группам, по известным понятиям или предметам.

Семнадцатое столетие описывается А.И. Любжиным как «критическая

эпоха в истории не только России, но и русской образованности» [7: 7]. Систематическое обучение иностранным языкам появилось только с реформами Петра I. В целом, в XVIII веке образование подверглось значительным изменениям, при Екатерине II была введена классно-урочная система обучения и отменены телесные наказания. Отныне отношение учителя к детям должно было основываться на более гуманных педагогических основаниях. Для поддержания дисциплины в классе использовались такие меры, как «предостережение, угроза, устыжение и лишение приятного» [там же]. Знание иностранного языка в России XVIII века было неотъемлемой чертой образованного человека.

По введённой Екатериной II австрийской методике учитель занимался не отдельно с каждым учеником по его вопросу, а со всем классом по общему для всех предмету: шум в классе сменился молчанием и вниманием к объяснениям учителя. Л.Ю. Солдунова, характеризуя роль учителя на этом этапе развития образования в России, отмечает, что она «заклучалась в руководстве над заучиванием изложенного материала, и только в редких случаях ему приходилось давать собственные наглядные объяснения» [8: 125].

Немецкий и французский становятся языками общения в дворянской среде. С середины XVIII века в крупных городах стали организовываться частные пансионы, где преподавали преимущественно иностранцы, не всегда имевшие должную профессиональную подготовку. Во второй половине XVIII в. иностранный язык, наконец, получил статус учебного предмета. Возросла потребность в учителях не только новых языков – французского, немецкого, но и древних языков. Потребность эта особенно усилилась в период реформы Д.А. Толстого, занимавшего в то время пост министра народного просвещения и известного своими консервативными взглядами, в частности предпочтением к классицизму. Для изучения иностранных языков был предложен новый учебный план, согласно которому у учащихся формировались фонетические, грамматические и лексические навыки через специально созданную систему заданий и упражнений.

История зарубежной педагогики свидетельствует о том, что в западной Европе изучение иностранных языков началось раньше, благодаря близкому расположению стран и частым военным конфликтам. Учитель, по Яну Амосу Коменскому, должен был владеть педагогическим мастерством и любить своё дело, пробуждать самостоятельную мысль учащихся, готовить из них деятельных людей, заботящихся о всеобщем благе. Основным иностранным языком, изучаемым во времена Коменского, был латинский, который характеризовался им как фундаментальный язык, язык науки и просвещения. Латинский и древнегреческий языки не только обладали уникальными дидактическими возможностями, но и могли играть своеобразную роль «культурологического ключа» к постижению античности, давать гимназистам особое чувство непосредственного соприкосновения с древней культурой, рассматриваемой как основа дальнейшего развития культуры ведущих европейских народов [6: 14].

Одной из главных методик изучения латыни в Европе была «учеба от зари до зари». На занятиях нельзя было переходить на родную речь, учеников за это наказывали. Но проходило много времени, прежде чем ученики оказывались способны выстроить предложение, и только к завершению учёбы начинали переводить фрагменты текстов. Изучение современных языков не было частью европейской учебной программы до XVIII века, когда обучение латинскому языку заменилось изучением французского и немецкого. Устная практика была минимальной, ученики выполняли много похожих упражнений, заучивали грамматические правила и выполняли письменные переводы.

В России на рубеже XIX–XX веков интенсивно развивались социальная, экономическая и культурная сферы, кроме того это время развития педагогической мысли и небывалого размаха реформаторской деятельности. Проблема подготовки учителей иностранных языков начинает решаться на государственном уровне с 60-х гг. XIX в., что было обусловлено как повышением статуса данной учебной дисциплины и увеличением часов на её усвоение, так и расширением сети образовательных учреждений, сопровождавшейся повышением потребности в учителях.

В XIX в. как в гимназиях, так и в училищах изучались французский и немецкий языки. Занятия носили практический характер. Русский лингвист Ф.И. Буслаев следующим образом сформулировал методические рекомендации по обучению этим языкам:

«...тот и другой язык следует начинать усиленным обучением в разговоре. Во французском языке первое полугодие подготовительного класса назначается только для разговора. А во втором – к разговору присоединяется обучение в чтении. Обучение немецкому языку, не представляющему такого разлада между выговором и начертанием, как французский, начинать в одно время с разговором и чтением» (цит. по: [3: 52]).

На рубеже XIX–XX веков с расширением сфер международного взаимодействия, увеличением информационных потоков растут требования к специалистам, знающим иностранные языки. В связи с этим повышается значимость качества профессиональной подготовки учителей иностранных языков, так как от их знаний и умений в значительной степени зависит квалификация будущих специалистов, владеющих иностранными языками, необходимых для дальнейшего экономического, политического, социального и культурного развития нашей страны.

В начале XX в. М. Фот назвал учителей иностранных языков «скромными посредниками» между учениками и современными культурными странами в деле сближения народов и «водворения вечного мира между ними» (цит. по: [1: 262]). Предназначение учителя в это время виделось не только в том, чтобы научить иностранному языку; учитель был обязан знакомить учеников с культурой страны изучаемого языка, чтобы они прониклись духом другого народа. Г. Книпер отмечал, что общее образование при обучении иностранным языкам должно достигаться в результате ознакомления с культурой страны, язык которой изучается. При этом формирование культуры осуществлялось в процессе ознакомления учащихся «с умственной и материальной культурой

народа – носителя языка» [цит. раб.: 262].

В основе обучения было не только выучивание учениками иностранной речи, но и сознательное и толковое усвоение языка через изучение иностранной литературы – части культуры народа страны изучаемого языка. Предполагалось, что учитель должен обладать знаниями французского и английского образа жизни, обычаев и порядков, но обязательно почерпнутыми из личного наблюдения. От преподавателей, прошедших стажировку за рубежом, дети получали свежие и живые впечатления о культуре других народов, о другом образе жизни, другом мировоззрении. Такие рассказы, конечно же, оказывали влияние на мировосприятие ребенка, на его отношение к иному языку, другой культуре, способствовали формированию собственного взгляда на жизнь.

В настоящее время в связи с быстрым развитием информационных технологий, глобализацией культуры и экономической интеграции происходят значительные перемены в структуре образования, лингвистического в частности. Усиление потребности в знании иностранного языка связано и с социальными запросами, в частности возможностью построения успешной профессиональной карьеры. Интеграция российского образования в европейское также способствует актуальности языкового обучения: не случайно практической целью Болонского процесса выступает насыщение рынка труда владеющими иностранными языками рабочими кадрами. Конкурентоспособность на рынке труда во многом обусловлена билингвизмом, который обеспечивает эффективное общение на разных социальных уровнях. Профессиональная компетентность в развитых странах тесно связывается с изучением иностранных языков и социокультурных традиций других народов.

В новых условиях, когда внимание акцентируется именно на овладении языком, на оказании реальной помощи ученику в формировании его как вторичной языковой личности, изменяется и роль учителя иностранного языка. Теперь он «выступает не только «транслятором» нового языкового кода и языкового содержания, но и инициатором и организатором межкультурного взаимодействия учащегося с носителями изучаемого языка, формирования у него готовности и способности принимать активное участие в этом взаимодействии» [2: 78]. Грамотная организация такого взаимодействия способствует формированию билингвальной личности, способной ориентироваться в поликультурном мире.

Современная педагогическая теория и практика характеризует процесс обучения как взаимопосредованную активность преподавателя и учащегося. С этой точки зрения, роль учителя иностранного языка меняется в направлении от «транслятора» знаний к «бесценному помощнику» ученика:

«Учитель является эталоном индивида, успешно овладевающего иностранным языком – именно овладевающего, а не овладевшего. ... Учитель, в отличие от учебника, является носителем пережитого знания. Он помнит, каково быть учеником, у него есть опыт овладения языком, и на пути овладения им он сделал такие приобретения, которые имеют гораздо большую ценность, чем сумма знаний о языке. Он знает, что в овладении языком каждый человек должен проделать определенный путь сам, однако может делиться

собственным опытом в том, как этот путь может быть пройден. Подобно попутчику, который уже много путешествовал по определенной местности и хорошо знает ее особенности и секреты, он может значительно облегчить путь ученику, однако понимает, что пройти этот путь за ученика он не может» [4: 11–12]

В лингводидактических исследованиях подчёркивается большое значение теории в повышении уровня профессионализма современного преподавателя иностранного языка. Знания из области психологии и психолингвистики, связанные с особенностями усвоения родного и иностранного языков, становятся необходимыми для профессиональной идентичности «учителя-иностранца», а также для повышения эффективности обучения. Итак, роли «надзирателя», а затем «скромного посредника» или «транслятора», характерные для учителя иностранного языка в прошлом, сменились на роль «попутчика», идущего вместе с учеником к овладению языковыми навыками, «помощника», способного значительно облегчить этот путь.

Список литературы

1. Ветчинова М.Н., Герасенкова П.В. Профессиональная подготовка учителя иностранного языка в 90-е годы XIX в. – в начале XX в. // Вопросы образования. 2011. № 3. С.261–278.
2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.
3. Головина Н.В. Обучение иностранным языкам в России XVIII–XIX веков Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С.49–53.
4. Залевская А.А., Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: учеб. пособие Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 194 с.
5. Каптерев П.Ф. История русской педагогики // Педагогика. 1993. № 3. С.44–57.
6. Лельчицкий И.Д., Лобзаров В.М., Журавлева Т.А., Марков Н.С. Школьное образование и образ учителя в России (вторая половина XIX – начало XX века): учеб. пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. 156 с.
7. Любжин А.И. История русской школы императорской эпохи. Т. I: Русская школа XVIII столетия. Кн. I и II. М.: Никая, 2014. 752 с., 656 с.
8. Солдунова Л.Ю. Этапы развития педагогической антропологии в России // Известия Саратовского университета. 2008. С.125–126.

THE ROLE OF FOREIGN LANGUAGE TEACHER: SOME HISTORIC AND PRESENT-DAY ASPECTS

K.V. Semenenkova

Tver State University, Tver

The article discusses the role of foreign language teacher in the context of the educational reforms caused by historical and cultural processes in Russia and European countries. Requirements to teacher's professional qualities and objectives at different stages are closely related with society's social inquiries formed under the influence of dominating values and real needs.

Keywords: *teacher of foreign language, education, foreign language teaching methodology, secondary linguistic personality.*

Сведения об авторе:

СЕМЕНЕНКОВА Ксения Владимировна – магистрант факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского Государственного университета. e-mail: x.semenenkova@gmail.com

Научное издание

**СЛОВО И ТЕКСТ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Сборник научных трудов

Выпуск 17

Отпечатано с оригинала авторов

Подписано в печать 08.12.2017. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 7.0. Тираж 500. Заказ № 616.
Редакционно-издательское управление
Тверского государственного университета
Адрес: 170100, Тверь, Студенческий пер.12, корпус Б.
Тел РИУ (4822)33-60-63.